

Алексей Курбак

НЕТ!
давай
стакан!

КОМПЛЕКТ

Алексей Михайлович Курбак

Комплект

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69519085

SelfPub; 2023

Аннотация

О чем эта книжка расскажет? О людях хороших и разных. О детях, послушных не очень... Курьезах смешных и ужасных, зверушках домашних и прочих... Итак, обо всем понемногу – берите с собою в дорогу!

Содержание

Турнир на обочине	5
Шумахерр	18
С облегчением!	21
Экспертиза	27
Стимул	32
А олени лучше!	36
Индульгенция	40
Бедуин	46
Ни за что!	50
Комплект	53
Нам не дано предугадать... (Сила авторитета)	65
Нашла коса	67
Сговор	77
Ох, яблочко...	80
Извращение	94
Ручная работа	97
Еще водички?	102
Приступ	104
Каждому – свое	107
Удар в спину	121
Уже ничего	123
XXXXI, или про рубашку-распашонку	126
Страшный зверь	132

Дело в шляпе	135
Разгрузочный день	138
Гангстер	156
В соревновании двух начал...	160
Гены решают все!	163
Бумеранг	190
Ромовая баба	194
Антивирус	201

Алексей Курбак

Комплект

Турнир на обочине

Кто-то верит в приметы, кто-то нет. Некоторые говорят о себе с гордостью: «Я, слава Богу, не религиозный и, тьфу-тьфу-тьфу, не суеверный!» А одна женщина не верила в плохие приметы. В добрые, в общем, тоже, но там хоть какая-то надежда возникает, что ли. Например, обильная роса – к ясному дню. Радугу видеть хорошо – значит, дождь скоро кончится. Молодому месяцу или первому снегу денежку показать – якобы к прибыли. Враки, конечно, но как-то веселее.

«Посуда бьётся – жди удач... Ну-ну. Стало быть, если, придя в гости, все тарелки в доме переколотить, сразу же счастье привалит? Очень сомнительный, по-моему, путь – скорее по шее от хозяев получишь... А плохие? Бабу встретить с пустыми ведрами – к неудаче... а если она за водой идет? Ей, значит, по воздуху на коромысле лететь? Или соль рассыпалась, зеркало разбилось – не сосчитать всякой ерунды. Руки трясутся, вот и вся причина.

Доченька вот с утра пораньше взялась посуду мыть, да блюдец и кокнула. Значит, ждем везенья и успехов... А на выходе из подъезда сосед-пенсионер с пустым мусорным

ведром попался. Получается, наоборот? Вышли бы чуть раньше – было бы полное, но помойное. А это – хорошо или плохо?»

Примерно об этом она раздумывала, машинально двигаясь в потоке разнообразных механических транспортных средств, когда неспешный ход мыслей был нарушен самым беспардонным образом.

Не удар, не толчок, просто легкий щелчок, раздавшийся справа одновременно с появлением там же тупого носа «Газели» или «Соболя», заставил Елену скосить глаза. Сразу не поняла, что показалось необычным. А дочь с заднего сиденья почему-то шепотом спросила:

– Мама, ты видишь? Он нам зеркало сбил?

Тут и она увидела.

Мечтают девочки о рыцарях... Вечная как мир история. Парень, ставший для избранницы из рыжего золотым. Небылица о внезапной любви, для которой: а) нет преград; б) ничего невозможного нет; в) всё по плечу... И так далее до конца алфавита, сплошь прелести и чудеса. Исполнение желаний, сбывание несбыточного. Еще одна исконно женская мечта – принц в сияющих доспехах на белом коне...

Эта женщина ни о чем или ком таком не мечтала, хотя подруги иногда звали ее не иначе как Еленой Прекрасной. Не до грез. Да и возраст не такой нежный. У мужиков по этому поводу говорят – ровесник Христа, а в женском случае? Бальзаковский? Замужем побывала. И бывший супруг

– вполне достойный, добрый, нормальный человек. Аккуратист, немного занудный, между нами говоря, а так – далеко не худший вариант. Почему разошлись – к делу не относится. Но остались в цивилизованных отношениях, он подерживает материально, помогает с дочерью, разрешает даже пользоваться машиной. Да-да, бывает и такое, не удивляйтесь.

Если серьезно вдуматься, «рыцарь» – ведь только в нашем, сегодняшнем представлении сплошь благородство, бескорыстие, прекраснодушие и прочие достоинства без тени недостатков. А в средние века это означало: вассально зависимый от сеньора феодал, землевладелец, конный воин.

Чего только не вытворяли эти самые конные! С пешими заодно. Понятия о рыцарской чести и доблести, печальном образе без страха и упрека возникли много позже.

Но именно таким – благородным, бесстрашным и бескорыстным рыцарем иногда воображал себя молодой энергичный мужчина, сидевший за рулем автомобиля марки... да бог с ней, с маркой, понятно – не «жигуль»... Гораздо важнее цвет почти нового обожаемого железного коня. Серебристый металлик. Получается, в сияющих доспехах был как бы конь. Поскольку потертые джинсы всадника и футболку с логотипом «ФК Ливерпуль» доспехами ну никак не назовешь. А цвет волос...

Вот тут природа расстаралась на все сто. Огненная шевелюра бросалась в глаза при любом скоплении народа. Не

то чтобы он очень сильно ее стеснялся – привык с годами, мог и отшутиться, и проигнорировать, и по морде дать, если придется. Но при первом знакомстве с прекрасной дамой солнечная причеха могла сыграть злую шутку.

Принято считать: встречаются по одежке. Увы, не всегда. Не одна судьба сломалась как раз по вине зажигательности гривы соискателя. Достоверно известен случай, когда на предложение совместной прогулки вполне скромная и воспитанная девушка категорически заявила: «С рыжим?! Никогда!» И ушла одна. А он, бедняга... Впрочем, речь не о нем, его дальнейшая судьба нам в равной степени неизвестна и неинтересна.

А сейчас рыжеволосый водитель внезапно почувствовал насущную необходимость проявить доблесть. Прямо перед носом его авто безмятежно выруливший на проспект при зеленой стрелке и красном основном сигнале светофора «Соболь» даже не подумал уступить дорогу проезжавшей машинке.

Вписаться в транспортный поток у него получилось, но не совсем чисто. И правого зеркальца у подвернувшейся хулигану легковушки – нет как нет! Похоже, за рулем грузовичка сидел не просто невежа, а полный хам, наглец и мерзавец. Он и не подумал остановиться, признать вину, извиниться, расплатиться... Поехал себе, как ни в чем не бывало. У шевалье от такой вопиющей наглости даже дух заняло. Ну, гад! Догоню, прижму и накажу...

Ветеран труда Михалыч всю сознательную жизнь шоферил. И всё это время терпеть не мог и само шоферство, и дороги, и асфальт, и брусчатку, и проселки, и разметки, и светофоры, и особенно других шоферов. Или водителей, что в сущности одно и то же. А вот в машинах души не чаял. Но не просто в машинах, а в моторах. Он знал и понимал о них такое!.. – иным механикам-мотористам и не снилось.

У него самый добитый и раздолбанный, трижды запоротый движун мог заработать как новенький. На это Геннадий Михайлович не жалел ни сил, ни времени, ни старания. Разбирать-собирать, регулировать, смазывать, подкручивать, подвинчивать – вот чем он всегда хотел и любил заниматься. И добиваться от хрипящих, кашляющих и бурчающих моторов ровной, красивой мелодии.

Но приходилось крутить ненавистную баранку железяки на четырех колесах. Причина проста – предаваться любимому делу по-трезвому гениальный ремонтно-наладчик не мог. Ну, не мог, и все тут! Не шло. Тверезый он не слышал мотора и не видел происходящего там, внутри, а после ста, еще лучше двухсот граммов в нем будто рентген какой включался.

Да вот беда – не полагается выпившему работать. И его чудесный дар начальство считало пагубным пристрастием. Из-за этого ремонтировать ему ничего не давали, а принуждали рулить-возить, но не увольняли, и по той же причине.

Вот если нечто серьезное, необычное и атипичное случилось то ли с одной из машин автопредприятия, где ему до-

велось трудиться, то ли (особенно) с личными, самыми крутыми и современными иномарками хозяина, его замов, родственников того и других, то тут уж «дяде Гене» наливали и звали на помощь.

Он никогда никому не отказывал, не требовал какой-либо доплаты и никогда же не ошибался. Инжекторы, катализаторы, электронные и компьютерные системы впрыска с зажиганием и любые прочие навороты ему были нипочем. Красивое слово «диагностика» мастер не любил и не употреблял, свои суперспособности звал просто: «нюх». Максимум полчаса, много час – и хоть «мерс», хоть «порш» или «бентли» опять жив-здоров...

Зная нелюбовь гения ремонта к рулению, ему редко поручали поездки далее чем в десяток-другой километров и лучше за городом. А в это несчастное утро ехать через весь чертов мегаполис на металлобазу с грузом бэушных запчастей – прогоревших глушителей, поддонов, поршней, коленвалов и прочей дребедени выпало именно ему. Ну, и ладно, сел, завел, покатил. Трезвый же, чего там. Ездить он умел на любых машинах, соблюдал скорость и, как ему казалось, правила.

Правда, всяко-разные тонкости, которых в последнее время стало уж больно много, так и не постиг. К примеру, был твердо убежден – у кого машина меньше, тот и должен уступать дорогу. И соблюдать осторожность. А то носятся, не глядя по сторонам...

При выезде на многополосный проспект – как положено,

по зеленой стрелке – показалось, будто чиркнуло где-то слева. А в фургоне как раз на крутом повороте что-то глухо громыхнуло и заглушило посторонний звук. Глянул – ничего, только едущая рядом микролитражка, «Опелек» вроде, засигналила, забибикала, замигала фарами... Баба там за рулем. Ну, бабы – они бабы и есть. Понадавали прав дурррам... И Михалыч неспешно порулил дальше.

Она не знала, как заставить остановиться грузовичок, сшибший зеркало с ее машины и невозмутимо катящий по крайней правой полосе. Наверное, надо его подрезать... Но опыта в таких делах нет. А вдруг там за рулем какой-то бандит? Снизу-сбоку ей была видна только часть лысины, показавшейся неправдоподобно красной, и мощная левая кисть, лежащая на руле. А если не остановится, а протаранит? Бывший муж и за зеркало по головке не погладит, а за такое – вообще убьёт!

Размышляя таким образом, не заметила приближения троллейбусной остановки. И в этот момент обидчик, не показывая поворота, вдруг поддал газу и, с риском опять задеть ее, резко принял влево, оказавшись прямо перед передним бампером. Женщина притормозила, услышав сзади недовольные сигналы... Дочь среагировала раньше.

– Осторожнее, мамочка! Он сейчас подставится, ты же окажешься виновата!

Женщина в сердцах чертыхнулась, а грузовик, миновав троллейбус на остановке, спокойно, опять без предупрежде-

ния, перестроился вправо... Промелькнул еще перекресток. И тут появился ОН.

Зеркально сверкающая серебристая машина с включенным дальним светом фар возникла будто ниоткуда. В достаточно плотном транспортном потоке такие маневры рискованны и блюстителями порядка не приветствуются. Словно ракета мелькнула позади, с ревом стремительно пронеслась слева, оказалась перед «Опелем», круто пересекла две полосы и встала, косо перегородив дорогу лиходею, посмевавшему задеть колесницу прекрасной дамы.

– Вот это да! – восхищенно воскликнуло сзади «поколение некст»...

Несправедливо обиженная поняла: кто-то оказался свидетелем и решил помочь. Прямо как в кино. Герой!

Фургон так же резко остановился, возмущенно просигнализировал. Из окна высунулась голова с действительно красной лысиной.

– Тебе что, жить надоело?! – неожиданно высокий голос словно принадлежал не здоровяку с огромными лапами, а подростку из хора мальчиков, – Едешь себе и едь... Чего подрезаешь? Я жаловаться буду!

Эффектное явление рыцаря было обставлено на зависть любому режиссеру. Он, выждав правильного момента – троллейбусный маршрут ушел вправо, теперь аварийная остановка не создаст социально-значимого конфликта, решительно тормознул подлеца. Выскочил, подбежал к все

еще закрытой двери «Соболя».

– Сейчас же выйдите из машины! Я общественный инспектор ГАИ! Вы совершили нарушение и повредили автомобиль вот этой женщины. А также покинули место происшествия! За это полагается ответственность!

– Что-о-о?! А ну, вали отсюда, инспектор самодельный! Я никого не трогал! – уже вполне обычным голосом продолжал защищаться негодяй, и тут поверг мстителя в полное изумление, – Чем лезть в чужие дела, лучше бы за своей машиной глядел!.. Шесть лет всего, а дымит-копит, как божья лампада! Масло жрет, небось...

У спасителя отвисла челюсть. Его верный конь... Предел совершенства техники...

– Да, шестой... Откуда вы... Коптит? Дымит... Жрет?!

Воодушевленный обидчик развил атаку, сам удивляясь собственной наглости и еще чему-то... Чую!.. Всё вижу насквозь! Неужели без водки?!

– Сам сейчас перед гаистами отвечать будешь, заступник рыжий!

И действительно, как по волшебству, рядом притормозил характерно раскрашенный автомобиль, из громкоговорителя проскрипело:

– Водитель серебристого «Ауди», госномер... Почему препятствуете движению?

Женщина в сопровождении дочери направилась к спорящим мужчинам. И внезапно ей открылось ощущение бабоч-

ки, летящей на свет костра. Огненный факел... А когда Айвенго обернулся и она взглянула в его васильковые глаза, мир покачнулся и время остановилось. Под грохот таранов и катапульт рухнули стены Трои, полетели копья и отравленные стрелы...

Шофер-виновник поспешно выбрался наружу и теперь стоял, понурившись и внимая гневным речам гаишника с погонами лейтенанта. Но, как ни странно, смотрел при этом не на шевелящиеся губы обвинителя, а на ритмично подрагивающий передок милицейской машины. И вдруг совсем не к месту, будто в своем ремонтном боксе, распорядился:

– Открой капот!

– Что? – лейтенант ошеломленно глянул по направлению взора нарушителя, – Наш механик говорит, все в норме...

– Говно твой механик, – пробормотал Михалыч под нос и, не оборачиваясь, бросил золотоволосому Дон Кихоту, – Отвертку дай!

Тот гипнотически подчинился, а офицер так же машинально сунул руку в кабину и нажал нужный рычажок.

Обладатель багровой лысины запустил ручищи в нутро полицейской «астры», пошарил, пошептал, потом достал из кармана замасленного комбинезона какую-то штыкообразную железку, еще поколдовал... И недовольное фырканье мотора в минуту сменилось чуть слышным сыто-кошачьим урчанием. Глаза инспектора полезли на лоб.

– Через неделю заедешь на базу, Ворошилова, семнадцать.

Закрепить надо. Спросишь Гену. Будет летать, как ласточка, расход вполовину. К тебе, морковка, это тоже относится. Запомнил? Гена, Ворошилова...

– А если будете в рейсе? – уже иным, не строгим, а человеческим тоном поинтересовался мужчина в форме.

– Нет! – ощущение всемогущества переполняло наладчика. Всё, больше ни капли!.. – Не будет никаких рейсов!

– Сколько... – лейтенант спохватился, повернулся к Елене: – Сколько стоит ваше зеркало?

– Два... – но спаситель перебил.

– Пятьдесят! Установку беру на себя!

Служитель порядка протянул ладонь к виноватому.

– Есть?

Тот вытащил мятый бумажник, отдал весь. Хозяин дороги извлек купюру, вернул кошелек, внимательно взглянул на потерпевшую, улыбнулся и протянул деньги не ей, а девочке.

– Больше претензий, надеюсь, не имеете? Тогда освобождаем проезжую часть!

Уже полицейская машина, стремительно стартовав, потерялась в потоке. Уже выруливал Михалыч, неожиданно для самого себя включив поворотник, а эти двое все стояли, сцепившись взглядами, как абордажными крючьями. Требовательные рывки за рукав не действовали.

Наконец он, почувствовав: еще чуть-чуть, и придется отвечать за неположенную стоянку, достал и вложил в безвольные пальцы визитную карточку.

– Позвоните. Вам должно хватить, на восстановление. А поставлю я сам, только позвоните. Сегодня вечером, обязательно!

– Да, восстановление... – она, с усилием вырвавшись из голубого омота, обернулась к дочери.

Серебряная ракета, рыкнув на прощание, умчалась.

Ноги какое-то время оставались ватными, но одновременно с хлопком закрывшейся двери, отрезающей от внешнего мира, пришло отрезвление. Устами младенца, как говорится.

– Мама, ты что, совсем?! Он же рыжий!

С ремонтом повезло. Отвезя дочку в музыкальную школу, завернула на ближайшую СТО. Нашлась и нужная деталь, и свободный слесарь. Мигом. Взысканной с лысого компенсации не хватило, пришлось добавить кровных. Зато дочь со знанием дела оценила: «Лучше, чем было!», и даже ее папа, принимая колеса назад, не обратил внимания. Современные женщины далеко не беспомощны в технических вопросах.

Вечером, все-таки набрав указанные на глянцевом прямоугольнике цифры, она почему-то совсем не удивилась, услышав холодный женский голос.

– Кого? Вадима? Его нет... А кто спрашивает? Лена? Из ДТП?.. Обещал... Хм-м... Ну вот что, Елена, или как Вас там... Не звоните сюда больше. Никогда. Вам ясно? НИ-КО-ГДА!

Никогда... Ну да, ну да... Может, следовало попытаться в духе Голливуда проямлить: «Это не то, что вы подумали...» А смысл? Рыцарскую визитку на всякий случай решила не выбрасывать, положила в ящичек для перчаток, по-простонародному «бардачок».

А через пару недель педантичный хозяин «Опеля», производя очередную чистку салона, обнаружил завалившуюся картонку. Повертел, подивился на затейливое геральдическое тиснение, да и кинул в урну, к прочему ненужному мелкому хламу. Вполне возможно, ему при этом на мгновение почудилось далекое пение трубы, лязг и топот копыт...

А может, и нет.

Шумахерр

Ученье, говорят – свет. Еще говорят: учиться никогда не поздно. А по мне, так всему свое время. И если уж вовремя чему-то не научился, так, может, лучше и не начинать?

Так сложилось, что мне не представился случай освоить искусство (не боюсь этого слова) вождения автомобиля аж до тысяча девятьсот девяносто... в общем, почти до сорока полных лет. А тут, гляди-ка, приспичило! И машины-то нет, и скоро ли удастся заиметь – неизвестно, а поди ж ты... Половина друзей при правах, на колесах. Зависть не зависть, но все же, все же...

И мне взбрело в башку: а я чем хуже? А это – еще при Советах, тогда авто, самым простеньким, обзавестись было нелегко, даже с приличными деньгами. Так, чтобы пойти и купить с рук – фигушки! Ни рынка, ни прочего такого. Это мы уже после развала Союза в этом вопросе свободу обрели, а в те годы – только становись на очередь, жди, и дождешься. А когда – даже Богу неизвестно, в первую очередь потому, что его, Бога то есть, официально и не существовало.

Но я если чего решил... На курсы записался, теорию освоил, тренажер... Успел порулить пару раз по полчаса с инструктором – славный попался мужик, и главное, терпеливый.

Тут один из друзей и предложил мне небольшую практи-

ку шоссейных гонок на принадлежавшей ему так называемой «копейке» – автомашине «Жигули», официально именованной ВАЗ-2101. С ним, естественно, в качестве впереди идущего, страхующего и т.п.

А бензин, причем на всю поездку в оба конца, независимо от доли моего руления – за мой счет... И еще кое-какое, гм, «горючее», для последующего внутреннего употребления. Небескорыстно, одним словом. Но энтузиазм никто не отменял, поехали. Ехали в лесной район, в гости к моему папе – там озера живописные, рыба, раки, самогон и прочее. Заливать полный бак сразу не стали, Андрей сказал, по дороге подольем.

Отъехали от города чуток, и я занял положение, как мне потом было довольно обидно сказано, «прокладки между рулем и водительским сиденьем». Украсили машинку соответствующими знаками спереди и сзади, для чего я собственно-ручно вырезал из картона две большущие буквы «У».

Сейчас-то за такие штуки по шапке бы надавали ребята в погонах, а тогда – допускалось. На мой теперешний разум, очень даже напрасно...

Часа полтора-два все шло в основном нормально, машинка бежала вполне резво, учитывая ее возраст. Я даже обгон один совершил. Там грузовой Газон» с будкой еле тащился, но – достижение! Разумеется, предписанный для обучения скоростной рубеж старался не превышать, дисциплина превыше всего.

И вот пришло время заправиться. Я, как учили, поворотником щелкнул, дважды по две-три секунды на среднюю педальку нажал, и круто вправо на поворот к заправке. Она, слава господу, была отделена от шоссе такой вроде ложбиной, там кустики какие-то росли. Свернул...

Оказалось, само по себе топтание тормозной педали далеко не всегда приводит к нужному эффекту, и надо было еще убедиться, по спидометру и визуально: торможение таки состоялось...

А на этой Андрюшиной «копейке», в отличие от учебной «шестерки», которую я с инструктором терзал, гидроусилителя тормозов ведь не было! И я, получается, вознамерился свернуть под прямым углом на скорости никак не меньше полусотни километров в час!.. Да...

На заправку мы, к счастью, не попали. Там, кстати, фура мощная такая уже поджидала лопуха. Когда Андрюха заорал, я со страху так тормоз прижал и рулём закрутил, что дальше ложбинки с кустиками мы не уехали...

К чести «копеечки» скажу, не перевернулась она. Ну, поцарапалась слегка в кустах, конечно, всего и повреждений. И чего было кричать, обзываться, выражаться по-всякому – до сих пор не понимаю! Жесты еще оскорбительные, угрозы...

А мне так потом всю дорогу и спокойней было! На заднем сиденье.

С облегчением!

Сельское хозяйство вообще и животноводство в частности – отрасль довольно консервативная. Ряд устоев и традиций там вообще незыблемы. Так, например, в выращивании свинок есть обычай: чтобы кабанчик быстрее прибавлял в весе, имел спокойный нрав, а мясо и сало не припахивало «кнуром», его кастрируют. По-простонародному, «легчают».

В старинном райцентре на берегу Днепра в восьмидесятые годы прошлого столетия многие занимались вспомогательной, так сказать, агрономией. И свинок с кабанчиками растили, как же без них. Но это напрямую к теме моей истории не относится – она больше о людях, хороших и разных. Ее поведал однокашник Антон.

Он в те времена работал по распределению хирургом в больнице упомянутого городка. Среди более опытных труженников ножа там выделялся один, имевший уже стаж больше пяти лет и мнивший себя если не Пироговым, то как минимум Амосовым. Или Склифосовским.

Общаясь как с пациентами, так и с младшими коллегами, а особенно с медсестрами да санитарками, сей специалист в выражениях не стеснялся, за что при имени-отчестве, скажем, Сергей Сергеевич, был в коллективе неформально проименован сокращенно «ЭсЭс».

Высокорослый, статный врачеватель внешне еще отличался приметными близко посаженными глазами и носом – длинноватым и не совсем ровным. А ля Депардье. Зрение красавец-мужчина имел далеко не идеальное, но считал ношение очков для себя почти неприемлемым.

То есть, конечно, за рулем – да, всегда, иначе можно и в аварию угодить или гаишнику попасться, а вот в операционной – нет, не всегда. Только в присутствии заведующего отделением или главного врача.

В очках он, видите ли, для женщин и девушек не столь привлекателен! Весомо, ничего не скажешь. Кстати, некоторые пылкие дамы отвечали герою взаимностью, и жена не раз закатывала вполне обоснованные сцены ревности и скандалы.

Из-за такого геройского отношения к оптике случались и казусы. В частности, однажды в ночное время он совсем было собрался зашить рану живота после осмотра кишечника, так как ничего особенно опасного не нашел.

Но медсестра-помощница, подавая иглодержатель, спросила тихонько:

– А что это за комочки тут на кишке? Уж не кал ли?

Тут ЭсЭс велел очки на себя надеть, вскричал:

– Говно! – и жизнь пациента была-таки спасена...

Надо заметить, и в наши времена среди мужчин встречаются монархисты. Я не перепутал – именно через «О». Это не приверженцы царско-королевской власти, сие слово име-

ет анатомический смысл и происходит от греческого «орхос», означающего яичко.

Если одно из их привычной пары либо отсутствует, либо просто вовремя не опустилось в мешочек, именуемый мошонкой, то такой индивидуум как раз и является «монорхистом». И бережет свое сокровище пуще злата с серебром. Но и у таких мужиков случаются паховые грыжи, а тут уж без хирурга никак.

Итак, в один не для всех прекрасный день наш ЭсЭс, оперируя, само собой, без очков, банальнейшую паховую грыжу, что называется, дал маху. Вместо грыжевого мешка перерезал семенной канатик.

Чтоб всем стало понятно, поясню: это не тросик, не веревочка и не буксир. И семена на нем не тягают. Там природой собраны вместе кровеносные и лимфатические сосуды, спермовыносящий проток и нервы, а без них яичко не проживет и часа. Но – перерезал, подслеповатый эскулап... Будь то просто веревочка, трос или пеньковый канат – связал концы, и дело с концом. Но анатомия не механика, тут и под микроскопом не сладить... И оплошавшему виртуозу пришлось лишённый жизненно важных коммуникаций орган удалить. Не смертельно, конечно, особенно когда их два. А вот если и было-то одно – совсем другое дело!

Очухавшись в палате, доставленный из-под ножа пощупал и осознал себя уже вовсе анорхистом. Опять же без всякого сходства с последователями Бакунина и Махно. «Ан» вкупе

с «орхос» в таком случае означает полное отсутствие мужского начала. Основы естества.

С криком и слезами бедняга воззвал к всемогущему, каковым полагал нашего кривоносого ЭсЭс-а. А тот, прибыв на зов, объявил:

– Все измененные органы и пораженные ткани я удалил!

От такой категоричности наш пострадавший совсем приуныл:

– Значит, у меня рак?! – на что был гордый ответ:

– Последнее слово за патологоанатомом!

Да вот незадача – оператор и не думал направлять нечаянно ампутированный «предмет» ни на какое исследование. Это было бы добровольным признанием в собственном крестинизме!

Поэтому выписанный в положенный срок пациент, придя с просьбой ознакомить его с результатами микроскопии, ничего не добился. Но вскоре ощутил в себе непривычную прохладу по отношению к противоположному полу, а проще говоря – отсутствие либидо, или, еще проще, полового влечения. В отличие от «облегченного» ветеринаром кабанчика или бычка, спокойнее он не стал и в сердцах повысил голос:

– Это что ж ты со мной сотворил, еще недавно уважаемый?!

Грустно «мужества» лишаться в сорок, пусть и с небольшим...

А ЭсЭс ему с премилой усмешечкой:

– Вот горе нашел! Подумаешь, за женкой да чужими бабами меньше бегать станешь! Не притворяйся, брат! Это ж такая гора с плеч! – ободряюще похлопал беднягу по плечу и утешил, – А что голос все тоньше – так, может, еще в «Песняры» попадешь! И вообще, ты зачем в операционную приходил? Грыжу вырезать. Где грыжа? Нема? То-то же. Ступай с Богом и не мешай работать!

Дальше почти до криминала дошло... Мужика, говорят, у дома обидчика с ружьем встречали, а у гаража его «чеснок» из гвоздей на дороге рассыпан был... Неделя, другая проходит. И вдруг – пропал ЭсЭс! Еще вчера похаживал весь в белом, а сегодня – нет его! Народ больничный всполошился было, задался вопросом: а ну как страшное мщение все-таки состоялось?.. а главный да зав отделением в ус не дуют...

Лишь по прошествии месяца жена проговорила: жив-здоров и никуда не исчез. Завербовался, и не куда-нибудь, а в море-океан, чтобы мститель не достал. На Дальний Восток, то ли на китобойную, то ли на рыболовецкую флотилию.

Там своя организация, свой порядок, регламент и уклад. Народу тьма-тьмушая, за тысячу переваливает. Мелкие промысловые кораблики, как поросята за свиноматкой, ходят за кораблем побольше, именуемым плавбазой. Она, бывает, год без захода в порт на волнах болтается, на ней и больничка есть – лазарет. В нем врачи всех положенных специальностей – терапевты, стоматологи, даже рентген-кабинет и гинеколог свой. И хирурги там тоже нужны. Только, мнится мне, очки

наш герой в море даже на ночь не снимал.

Потому как моряки-рыбаки да китобои – люди серьезные, таким чего неположенного отрежешь – могут и самого в «анорхисты» определить!

Экспертиза

Когда гуляешь по тропинке – лесной или в поле – расслабляться ни в коем случае нельзя, надо под ноги поглядывать, чтоб не запнуться: обязательно ухаб, корень, колдобина попадется. В компании или беседе тоже так. И в качестве корня-ухаба – монументальная такая личность. Скептик называется.

В праздничном застолье что главное? Ясно: первое – компания, второе – чего выпить, потом (а может, это и важнее) – закуска. И при этом закуска должна содержать не просто стандарт какой-нибудь, типа оливье-котлетки-картошечка-селечка, важна изюминка. Не в смысле винограда сушеного, а что-нибудь этакое...

И вот тут-то начинается! Изыски, ежу понятно, больше по женской части. Они просто обожают преподнести что-нибудь самодельное, желательно из трехлитровой банки. На этом остановимся особо.

У нас с женой в девяностые годы гости регулярно собирались гурьбой. В основном по праздникам, конечно. До семи-восьми семейств доходило. Выпивали, само собой, не без этого. По части закуски особого изобилия тогда в магазинах не наблюдалось, но поесть-то хочется... вот и изворачивались, а как же.

А я, наверное, в роду мужском наподобие выродка. Ну,

люблю сам чего-нибудь состряпать, в том числе из так называемых закатоков. Попался мне как раз в том августе рецептик, расстарался, удачно вышло... Банки под консервации шли какие придется, в том числе встречались и с нормально сохранившимися этикетками от слопанных импортных деликатесов. Я их обычно снимал, но иные бывали так прилеплены – наждаком не отдерешь. С такими, ясное дело, желательное авторство свое как-нибудь обозначить. Для потомков, так сказать.

И вот очередное новогоднее застолье, все идет путем, уходящий проводили, наступающий встретили, потекла размеренная беседа. По ходу приняли решение: ритуальные рюмки и фужеры не считаются, очередность начинаем по новой. Начали. И при третьем, по обычаю «женском» тосте, поднимается наш всеми уважаемый военный юрист Саша Белявский. Мужчина дородный, в солидном, между прочим, звании и должности. Настоящий полковник.

– Я, – говорит полковник, – Выпил бы, конечно, за дам. Женщин, в смысле.

Беседа как бы запнулась – в каком это смысле? Мужчины слушают поверхностно, ожидая команды налить и выпить, как полагается, стоя, а женский пол наострил уши: не каждый день звучат подобные сентенции.

– Особенно, – говорит далее Александр Иванович, – Хозяек.

Тут присутствовавшие хозяйки начали было расслаблять-

ся. Все понятно: последует хвалебная речь. Поторопились...

– Особенно, – говорит тостующий, – Если бы нашлось чем закусить, в смысле маринованного огурчика!

Женщины переглянулись. На столе три вида огурцов, выбирай любые – с красным перчиком, сельдереем, смородиной... Ослеп?

– Но не надо, – повышает голос оратор, – Мне подсовывать эти ваши трехлитровые уксусные кислоты! У меня от них изжога, в теле дрожь и на лысине, – (демонстрирует...) – Пот выступает!

Дамы в смятении. Уел, подлец!

Тут Наташка, жена моя и встречается:

– А может, ты, милейший, вот такое имеешь в виду?

Отлучается на минутку и подносит баночку ноль семь, на ней венгерская этикетка... Наш законник берет банку, надевает очки, читает внимательно.

– Тебе, милая, может, и неизвестно, а моя Маша, – кивает на свою онемевшую от возмущения супругу, – А моя Маша не даст соврать...

И поясняет: нам всем крупно повезло, ибо в его лице здесь присутствует знаток по огуречной части на уровне, почитай, международном. Покидала судьба военная, послужил-поездил, типа, по разным странам, от Монголии до Кубы. И везде, где был, копил впечатления. Кое-кто посмел хихикнуть: мол, ясен перец, не воду же он там огурчиками закусывал... Полковник зыркнул грозно – притихли.

Крышка винтовая (тоже еще редкость в ту пору), он ее – круть-чпок, открыл с характерным вакуумным щелчком.

Рассол понюхал, головой покачал, и давай соловьём разливаться.

– Эх, вы, умельцы! Вот вам – фирма, государство, пропорции, обработка... Гляньте сюда, косорукие: корнишончики – один к одному, уложены плотненько, кончики обрезаны... специй в меру, сладенькие прямо... – одним огурчиком хрустнул... – Лысина не потеет...

Наталья при нем, смотрит серьезно, кивает согласно. Я сижу, сдерживаюсь, думаю, заржу – женке кайф испорчу.

– Не потеет? – заботливо уточняет моя половина.

– Нет, – Саша для убедительности воспользовался салфеткой, – Вот, ни капельки!

– А хочешь, я тебя с этой фирмой познакомлю?

– Не понял, – озадачился наш скептик, – Это как?

– На крышечке – что? – спрашивает она.

Саша изучает названный предмет.

– Да ничего, вроде... Крышка как крышка, соответствует.

– Правильно. Ничего, и даты изготовления нет... А должна быть, так?

– Ну, нет и нет... Подумаешь...

– Теперь ты этикеточку во-он там, с уголочка, приподними...

Он приподнял, очки поправил, прочел: фамилия, инициалы, дата изготовления... все – шариковой ручкой, и явно не

по-венгерски...

Я сначала думал, его прямо там кондратий хватит. Потом, после рюмахи, он мне и заявляет (юрист, не растерялся):

– Ты что, уважаемый, себе позволяешь?! Это ж фальсификация!

Пока я искал аргументы, жена добила полковника:

– Скажи еще – подрыв экономики дружественного государства!

Стимул

Когда говорят: на полный желудок быстро не пойдешь, не побежишь, не поплывешь, у меня имеется возражение: все зависит от стимула.

Тогда, помнится, в конце августа восемьдесят четвертого, меня угораздило оказаться в казахстанских степях. Там специальный полигон, зенитчики-ракетчики пуляли по своим летающим мишеням, а я в качестве прикомандированного Айболита (хотя это не совсем правильно, он-то ветеринар) их здоровье охранял.

У моего друга Андрея, бывалого уже вояки, как раз выдался день рожденья. А мне надлежало, если со здоровьем серьезные неполадки, доставлять нуждающихся из нашего степного лагеря в ближайший военный городок – в госпиталь, поликлинику.

Ну, и его таким макаром я решил свозить вроде как к стоматологу, а на самом деле – проветриться, в кафешку зайти... в то строгое время только по-сухому, но все-таки... на речке расслабиться... Именинник же, как-никак! В общем, типа экскурсии в качестве подарка.

Приехали, красивыми улочками прошлись, в кафе зашли, по пирожному врезали, то да се. И арбузы увидели, около овощного магазинчика. Слов не хватит описать! Груда невероятная, один другого краше.

Андрей сам выбирал, говорит, должен гудеть. Выбрал – я подумал, мы его вдвоем не унесем. Ничего, он сказал, пуд для мужика не груз, один попер. Подались пировать в парк на берегу местной речки.

По тамошним меркам она призвана служить водной артерией, чуть ли не Волгой. А по нашим – речушка, скорее широкий ручей, но название гордое, почти немецкое, наподобие Эльбы. Эмба, если по-настоящему.

На окраине городка, где парк, была устроена запруда, образовалось озерцо метров пятьдесят шириной. Плескались немногие, в основном дети возле берега, и неудивительно – аборигенам это удовольствие не в диковинку. Да и водичка, между нами, могла быть почище. «Yellow River» – это про нее.

Со стороны городка бережок выглядел окультуренным – пляж, песочек, лавочки, народ сидит-лежит, дамы с барышнями в купальничках. У нас глаза разбегаются, понятно...

На противоположном берегу – безлюдно, пусто, степь начинается.

Арбуз пришлось употребить не совсем аккуратно. Ножа-то с тарелками мы с собой не захватили. А я кое-что вспомнил, из литературы.

– Ты «Хождение по мукам» читал?

– Конечно. А что?

– Помнишь, там один говорит: «Если арбуз режут ножиком, это уже не арбуз. Арбуз надо колоть кулаком!»

– Понял, – говорит мой могучий друг.

Ну, и врезал. Треть, ясное дело, пропала сразу – с песочка ведь не подберешь. Оставшееся на лавочке, а это кило девять-десять как минимум, слопали.

И вскоре, естественно, почувствовали: надо бы все-таки искупаться, хотя мы и не при плавках. Сказано-сделано, тем более вода теплая, и у другого берега приятная такая зелененькая поросль. Он предложил сплавать к травке, и поплыли мы. Неспешно так.

Только середину озерца миновали, сзади кто-то вроде кричит:

– Эй, вы, там, в воде! Куда вас понесло?

Я еще подумал: не может быть, чтобы нам. Мы здесь ни с кем и не знакомы... Ну, может, детишек своих кто-то так воспитывает... Плыдем, наслаждаемся. Опять слышится, только погромче:

– Эй, э-эй! Совсем, что ли? Жить надоело?!

А мы себе плывем, нам-то что? Уже и травка рядом, в листочках вроде чего-то копошится...

Тут плеск, лодка догоняет, а с нее орут прямо:

– Там же, трах-тарарах, змей полно в траве!

Я к змеям отношусь, мягко говоря, с опаской. Он, как оказалось, тоже. Так что обратный заплыв у нас гораздо бодрее получился. Один мужик сказал, буруны от нас были, как от торпедных катеров!

Если по-современному, половина фейсбука со всеми лай-

ками была бы наша. А тогда – даже хронометража никто не провел. Но я так думаю, Сальникову – олимпийскому пловцу-чемпиону тех лет – нашлось бы чему у нас поучиться. За чистоту стиля не ручаюсь, но воля и самоотдача – на зависть...

За медалями плавать – не спорю, стимул серьезный, а от змейки – покруче будет!

А олени лучше!

Клин клином вышибают – приходилось слышать? Ну, разумеется, это же одна из основополагающих, так сказать, «народных мудростей», с детства всем знакомых. А на деле применял? Я так и думал. Мне тоже такие здоровые пни колоть не приходилось, чтоб сперва клин загнать, а после его, засевший намертво, другим клином, потолще, высвободить. То есть применимо это выражение у нас скорее в переносном смысле.

Братан мой мединститут окончил. Хирургом стал, по травмам. Он иной раз такое рассказывал – врагу не пожелаешь даже слушать. А чтобы с самим – не приведи Господи. Хотя иногда и смешно бывает. Вот про одну штуковину расскажу, тебе может пригодиться, все ж под богом, как говорится...

Он по-умному рассказывает, и я кое-что буду цитировать, ты не удивляйся. Травма, говорит, в чем ее главное отличие от болезней, даже самых быстротечных и смертельно опасных, всегда, подчеркиваю – всегда внезапна. Еще незабвенный Райкин сказывал, прямо со сцены: «Идет человек, и вдруг ему на голову...» Вполне возможно не на голову, а совсем наоборот, головой. Ногой, рукой, ребром, копчиком... Особенно в студеную зимнюю пору, когда гололед и тому подобное. Бывают к тому же ожоги, и аварии машин, и наез-

ды... Всего не перечислишь.

Но медики со «Скорой помощью» не дремлют. Упал, очнуться не успел, а они тут как тут – ухватят, шину привяжут, уложат, доставят. Дальше – вправят, зашьют, гипс, бинт, йод – и в койку. Дня три полежишь бревно бревном, потом потихоньку приходишь в норму, идешь на поправку. Некоторым бедолагам хуже всего. Это которые ноги-руки сломали, да так, что сразу не поровняешь. Им «вытяжение» устраивают. Железяками протыкают, гири привязывают, и лежи, милок, до сращения. Или, считай, до посинения. И синеют многие, причем натурально, всерьез. Не только из-за кровоподтеков, а застой крови образуется.

Но это не самое страшное. Травмированные – наши же люди. НАШИ, понял? А наш человек, мужик – он когда трезвый бывает? Правильно, в семь утра. Когда на работу собирается. А если наоборот, оттуда идет – тут чаще с грамулькой внутри. Ты скажешь, все за рулем сейчас? Ну, во-первых, очень даже не все. Может, третья часть, особенно работяг, а потом – он же в квартиру не на машине въезжает, верно? То есть тачку поставил, замкнул – и свободен, можно принять на грудь... Все так и делают. Так что правильно сказано про наш народ «не пьет верблюдов – житель пустыни»!

Брательник, когда с ВУЗа своего выпустился, попал в район по распределению. Он знающий был, ушлый, и в вытяжениях с гипсами тоже разбирался. Ну и применял вовсю. А потом заметил: у него в палатах привязанных к койкам му-

жиков на третий-четвертый день ломать-колотить начинает, а у старого доктора, в соседних палатах – никогда! Он давай того лекаря пытаться, в чем секрет. Тот пенсионер и объясняет – никакого секрета. Вы, коллега, своим страдальцам противошоковый раствор вливаете? Мой – а зачем? У них же шок как такового и нет, травмы не настолько тяжелые... А тот смотрит хитренько: а все-таки назначайте, назначайте, особенно в первую неделю, хотя бы через день. Брат попробовал, и все наладилось, никого не колбасит, а то уже до «белочки» доходило. Ну, помнишь, «товарищ Саахов» говорил: «горячий, весь белый». Делириум тременс, во как, хе-хе. Я специально выучил, тебя удивить.

А как-то к брату малыша положили, с ожогом приличным. Мамаша не досмотрела, он в бак с кипятком ухнулся. Еле спасли. Так там, ясное дело, и шок явный. Кровный мой и ему хотел этот раствор закапать, а старый док возражает: «А мальчику – не надо, обойдемся другими средствами». Тут братишка наконец выбрал время да в аптеку больничную зарулил. Подайте мне, кричит, пропись волшебного раствора, что взрослых выручает, а маленьким нельзя!

Они, фармацевты эти с провизорами, полчаса ржали. И чему, говорят, вас там в институтах учат? В том растворе (то ли Петрова, то ли Попова), оказывается, добрый десяток процентов чистого спирта. Само собой, мужику с бодуна флакончик такого волшебства в сутки – и больше ничего не надо! Потому как резкая отмена поддачи для белой горячки

первое дело. А тут еще и травма, боль постоянная, движения никакого. И приехали... Ну а малышу пяти лет на кой черт пиво в крови, да с беленькой, вроде ерша в привокзальном шалмане? Вот и прав старый доктор на все сто.

Мой-то уже больше десятка лет в главном институте по травме отделением заведует. И сколько работает, ни одного делирия у его подопечных не случилось. Сейчас, конечно, всяких умных плазмозаменителей напридумывали, и кровь искусственная будто бы есть, но братан уверен: старые прописи забывать никак нельзя! В новых-то спирта ни капли!

Необходимое примечание

(внесено братом автора, д.м.н. _____ Ф.И.О.)

Жидкость В. И. Попова (рецептура 1968г)

Глюкоза – 150,0

Хлористый натрий – 15,0

Хлористый кальций – 0,2

Хлористый калий – 0,2

Двууглекислая сода – 4,0

СПИРТ ВИННЫЙ 95% – 100,0

Вода дистиллированная до 1000,0

Индульгенция

Прожив без малого тридцать лет на белом свете, мог ли я предположить, что стану свидетелем и даже участником события сродни евангелистским? Окажусь в ситуации, когда муж выдает жене, если можно так выразиться, карт-бланш на вольное поведение? Без всяких ограничений, в самых прямых, недвусмысленных, предельно ясных выражениях? И даже без малейшего повода с ее стороны? А вот надо же, пришлось...

В тысяча девятьсот восемьдесят четвертом я в качестве прикомандированного врача оказался в вагоне эшелона, перевозившего из Казахстана в Белоруссию славных стражей неба. Уже состоялись стрельбы, ракеты попали куда надо, настроение у всех служивых замечательное. У меня тоже – ЧП не случилось, больных, раненых, ломаных нет. Тем более – с каждым днем-километром ближе к дому, семьям, женам...

Ехать почти неделю, а время в пути тянется медленно. Особенно без водки – она военным категорически не полагается. Читать можно, но надоедает быстро, темы для бесед-разговоров давно исчерпаны.

Поэтому неплохо, если образуется штука под названием «пуля» или, литературно говоря, преферанс. Еще лучше, когда коллектив для такого занятия уже проверенный, сложив-

шийся в неоднократных «баталиях». Правильно организованная партия длится всю поездку, с перерывами на сон, еду, перекуры и исполнение прямых обязанностей службы. Ну, кто играет в преф, не даст соврать – чем дольше игра, тем интереснее бывают расклады, и, как следствие – выверты капризной фортуны.

На деньги не играли, элемент азарта привносился по-гусарски: с учетом результатов организовывалось проставление и угощение – пивком, например. По прибытии, естественно.

Среди участников тогдашней росписи был капитан-комбат по имени Виктор. «Победитель», по основополагающему латинскому корню. Командир он был хороший – в делах военных вполне грамотный, и к солдатикам относился нормально, никаких там неуставных взаимоотношений во вверенной ему батарее не терпел. К тому же слыл заядлым преферансистом и не упускал случая подчеркнуть свои умения на этом нелегком поприще.

Но в отношении разговоров о возможных вольностях касательно баб, женщин, барышень и вдов – отличался просто патологической щепетильностью, причем избирательной. То есть ему-то, безусловно, все вроде бы дозволено, а налево не ходит только из-за отсутствия таковой возможности. Особенно в степи или в лесу. А вот что и жена в его отъезды может себя не соблюсти – об этом если кто хоть намекнет... Мог допускать выражения, несовместимые с высоким звани-

ем советского офицера. Короче, ревнив был невообразимо.

Зенитчики – люди среди военных особенные, часто бывают дружны семьями, и все в компании знали: его Алла – просто ангел, с одним отличием – жива еще. Скромная, тихая, спокойная, замечательная хозяйка и строгая мать двоих детей. В общем, поводов для упреков-подозрений у него как будто не было и быть не могло.

Эшелон себе идет, время тянется, партия – своим чередом. И когда за вагонным окном замелькали родные пейзажи, компаньоны принимают решение: последний круг. Очков у всех примерно поровну, сенсаций не ожидается... но во время торга за прикуп на лице нашего Вити возникает уже знакомое всем подчеркнуто-равнодушное выражение. Тут к бабке не ходи – очень похоже, ему привалила нехилая комбинация. Торгуемся – шесть, семь... я с сомнением выдавливаю: «Восемь первых...», и позиция проясняется.

– Мизер!.. – небрежно бросает Витек.

Да, опыт есть опыт... А к нему, похоже, еще и фарт. Комбат обязуется не взять ни одной взятки из целых десяти возможных, и судя по ходу торгов, карты имеет для этого неплохие, но есть и возможность прокола. Еще нюансик: мой ход – после него, поэтому он в крайне невыгодной ситуации. Преферанс – не покер, многое играет в открытую, и очередность немало значит... в итоге – взятка, другая, третья...

– Паровоз, однако! – с фальшивым сочувствием поздравляют партнеры. Это специфическое название для такого кон-

фуза.

Он, мягко говоря, удручен, ибо уже в серьезном проигрыше. Видя ситуацию, коллега комбата, знающий особенности его домостроевских, если не пещерных, взглядов на супружескую верность, утешает:

– Да не переживай. Верная примета: если в карты не везет – значит, жена не е...ётся!.. Налево не ходит, ждет, скучает, как полагается боевой подруге...

И тут же, оставляя без развития сюжет «Жди меня, и я вернусь...», пускается в разглагольствования на тему супружеских измен, в том числе преданных на первый взгляд женщин. В качестве образцово-показательного примера повествует о трагедии примерно такого же батарейного из соседнего полка, чья долгие годы казавшаяся безупречной спутница была поймана прямо в супружеской кровати...

– И с кем, спрашивается?!..

– И с кем же?... – поневоле поддерживает ревнивец.

– Ладно бы с майором, сержантом или, на худой конец, прапором каким... Так нет же!.. С гражда-анским, – это слово оратор подчеркнул особой издевательской интонацией, – Доктором!

По окончании тирады все присутствующие почему-то осуждающе посмотрели в мою сторону. Я только пожал плечами – бывает, что поделаешь... но сам-то я – военный, и вообще – вот, весь перед вами, чист и непорочен!

– Кстати, Витек, – дополняет другой партнер, – У тебя го-

лова по утрам не чешется?

А ведь едем не первый день, жара, духота, помыться толком возможности нет...

– Бывает... – опрометчиво роняет «победитель».

– Не иначе, рога режутся! – вздыхает шутник, компания хором ржет...

Но первый с серьезным видом возражает:

– Да брось, тогда бы он сыграл... хотя еще не вечер...

Витя скрипит зубами, бледнеет, краснеет, но молчит...

Ну, раз «мизер» не сыгран, карты раздаются прежним игроком, порядок ходов тот же, и тут Витек с победным видом объявляет десятерную! Это означает – всё собирается забрать. А такую игру положено проверять: все открываются, смотрят, прикидывают... У него на руках мощь: тузы-короли плюс в решающей масти четыре карты – туз, король, дама и десятка. А где остальные?.. а все остальные у меня. Расклад четыре на четыре, и первый ход – его... хуже не бывает. Опять непруха – как минимум без одной остается, и это – не проигрыш даже, а просто крах!

Липовый победитель с убитым видом сгребает карты в кучу – ему раздавать. Итог игры ясен, но круг надо завершать... а сострадательные сослуживцы снова заводят прежнюю пластинку: «Ну, раз уж настолько не прет, тогда твоя женка точно не... в общем, не это самое...»

И наступает момент истины! Маски сброшены!.. Бравый комбат, вскочив, в сердцах со страшной силой бьет картами

по столу с криком:

– Да лучше бы она е...алась!!!

Между прочим, у «игрового» отсека к тому времени собралась добрая половина вагона. Партия, к сожалению, расстроилась, да и дорога к концу. Дивизионный командир услышал вопли, подошел на шум, напомнил о личном составе. Подсчитали, прослезились, разошлись по делам.

Потом прибытие, разгрузка, обычные военные хлопоты. Все вроде путем, да вот только пивка триумфаторы от поверженного так и не дождались.

Не то чтобы он долг чести, карточный то бишь, похерил. Дело гораздо серьезнее – видимо, кто-то из наблюдавших его эскапады со смехом рассказал своей «половинке», а та, в свою очередь – Алле.

И «вольноотпущенная» с гвардейцем такую воспитательную работу провела – не до того ему стало, очень надолго. И за преферанс Витя на моей памяти больше не садился. Играй-играй, а языку воли не давай!

Бедуин

Всегда ли мы хорошо знаем людей, с которыми общаемся? Причем довольно близко и не первый год? К примеру, в одном полку служили, встречались семьями и т.п. Да, ответят многие, конечно! И будут неправы. Бывает совсем наоборот. То есть мы-то про них знаем, а они о нас – нет.

Сейчас поясню. Есть у меня два замечательных друга. С хирургом Колей знаком уже около сорока лет, с интернатуры еще, а с ракетчиком-зенитчиком Андреем, бывшим однополчанином – года на три меньше. Необходимо уточнить: Николай родился и вырос в наших краях, но по отцу-матери – чистокровный осетин, можно сказать, горец. Лицо кавказской национальности.

В девяносто третьем отправились мы как-то на природу – в деревню к моему папе. Там леса, озер видимо-невидимо, рыбы, раков хватает. Приехали, дело к вечеру.

Женам с дочками мы с Андрюхой, ибо Коля еще не был женат, поручили хозяев развлекать, а мужчины подались на одно из ближних озер. Типа на рыбалку. Ведь понятно же, когда трое мужиков собираются до кучи, рыбалка – не более чем предлог...

Колян ответственно сказал: у него с собой, и мы отправились. Кто ж знал, что он по неопытности взял только бутылку водки, даже без стакана. Доктор называется! А он, оказыва-

ется, думал – я как принимающая сторона, заботу о добавке, посуде и закуске возьму на себя. В общем, вышло небольшое недопонимание, приведшее к острому дефициту.

И когда на подходе к озеру ситуация прояснилась, Андрей с назидательным видом заявляет примерно следующее.

– Мне, ребяташки, довелось многое в жизни повидать...

Мы, ребяташки, такого внезапного и крутого налета никак не ждали. Даже остановились.

Оратор продолжил:

– Я, понятное дело, среди нас старший. Вот ты – (это он мне, эдак снисходительно), – в каком звании в армии был?

– Капитан медицинской службы... – говорю, – А то ты не помнишь? Мы же, вроде, один плац топтали, в одной палатке на Эмбе жарились...

– А ты? – (это Кольке, свысока), – тот отвечает:

– Старший лейтенант...

– Ну а я, товарищи младшие офицеры, – МАЙОР!

И, взяв из Колиных ослабевших от неожиданности рук флакон наш единственный, переходит к главному.

– Среди народов пустыни, где всегда остро не хватает воды, есть обычай: воду первому дают пить самому младшему. Берегут молодежь! С водкой же в точности до наоборот... – здесь отставной майор поднял бутылку на уровень лица и продолжил, обращаясь словно бы уже к ней и приглашая в свидетели, – И поскольку у нас не хватает именно водки, то ее первым будет пить самый старший! – и открыть уже но-

ровит...

Тут Коля тормозит экс-майора:

– А что, мил человек, разве в пустынях и на равнинах воинские звания реальный возраст заменяют?

Бывалый несколько обескураженно:

– Нет, но есть же соответствие!

– А слабó, – говорит мой горный друг, – Документально уточнить некоторые исторические факты? Правá с собой?

– А как же, – отвечает старший офицер, предъявляет гордо: – Вот, дата рождения – двадцать пятое августа одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года!

Коля методично гнет свою линию:

– У меня тоже есть такие, но давай сначала на капитанские глянем.

В моих значится двадцатое июня, но годом ранее... а Николай еще уточняет:

– А у меня – вот, двадцать пятое мая того же пятьдесят седьмого! Так что, товарищ майор, – и твердой хирургической рукой восстанавливает статус-кво, забирая бутылку назад, – Позвольте вам не позволить!

Никак я не предполагал в друге моем Кольке способности так лихо из горлышка шархнуть... Не менее половины пузыря принял, не поморщившись, и рукавом занюхал на зависть любому алкашу. Большое дело – адреналин и воля!

Пришлось и мне, так сказать, в грязь лицом не ударить. Почти допил.

Выражение глаз нашего пустычника надо было видеть...

Той ложки, что на доньшке осталась, для утоления жажды явно было маловато, но молодым ведь крепкие напитки без меры пить нельзя! Старшие просто обязаны этого не допускать!

Ни за что!

Правила дорожного движения, говорят гаишники и инструкторы по вождению, написаны кровью. Я бы добавил: и слезами.

Как-то одна моя подруга, уже будучи вполне состоявшимся специалистом – она врач-педиатр, решила: ей жизненно необходимо самой водить машину. Муж ее Паша, шофер со всеми мыслимыми категориями, в прошлом автогонщик, да еще и механик, долго пытался отговорить. А когда не удалось, решил помочь в нелегком деле. Сколько он, бедняга, натерпелся – отдельный разговор. И охрип, и к валидолу начал привыкать... Она тоже охрипла, позже, об этом и разговор.

Но, в конце концов, поехала мадам. Жили они тогда в небольшой служебной квартирке, дом стоял на окраине Могилева, у больницы, где оба и работали, стоянка рядом. Только у стоянки была особенность.

Там местность с приличным уклоном, площадку выровняли, и с одного края получился довольно высокий своего рода обрыв. Не отвесный, но крутой. А поскольку асфальт укладывали силами больницы, то на бордюры не расщедрились, и площадка без паузы и обочины кончалась. Перепад высот – больше метра.

В одно солнечное летнее утро наша Маша собралась ку-

да-то поехать уже без мужа. Она-то опытная вполне, месяца два самостоятельно в магазин и обратно каталась. А накануне вечером на машинке, недавно приобретенном «Фольксвагене» модели «Гольф», домой приехал Паша. И остановился передом к склону. Он профессионал, а профи обычно стояночному тормозу не очень доверяют и поэтому оставляют авто на первой передаче.

В автошколах еще со времен советского ДОСААФа все инструкторы, когда «чайников» учат, особо подчеркивают: перед включением стартера обязательно покачайте рычаг переключения передач, дабы убедиться – он находится в нейтральном положении. И еще: опять же обязательно выключите сцепление, то есть на педальку... вот эту, средненькую... нажмите до упора, не считите за труд.

А опытным закон не писан! Наездница за руль уселась, ключик в замочек, да и повернула.

Стартер, как известно, обороты дает хорошие. «Гольфик» буквально прыгнул и через долю секунды уже носик с обрыва свесил, на брюшко сел, и приехали. Мастерница руля в ужасе на тормоз жмет что есть сил... А автомобиль и не думает дальше ехать. У него передок ведущий, и при всем желании его не стронешь, пока передние колеса в воздухе, хоть любую скорость включи.

Но Маша все тормозит, она твердо уверена: стбит педаль хоть на мгновение отпустить, как машина упадет с кручи, перевернется, загорится и взорвется... Ей же не видно – па-

дать некуда.

И здесь, перед лицом смертельной опасности, бывалый водитель в юбке вдруг вспоминает: она – женщина! Замужняя! Значит, есть кому вступиться, спасти, сохранить, и так далее, и тому подобное. Открыв окошко, она и рот открыла, а голос имела певческий, сильный. Звонкие вопли жители окрестностей запомнили навсегда.

– Паша-а! Паша!!.. Паша-а-а!!!

Там рядом сосед тоже к своему «Жигулю» подошел.

– Чего орешь? – спрашивает рыдающую каскадершу.

– Падаю!

– Так вылезай.

– Ни за что!

– Ну, сиди, кричи...

Сходил, позвал мужа несчастной. Тот смеялся до слез. Еле оторвали они ее вдвоем с соседом от руля. Машинке, конечно, хоть бы что.

Голос у Маши через день-другой восстановился, хрипота прошла. А Пашке, бедному, на месяц в супружеской ласке было отказано напрочь. Чтоб знал, подлец, в какую сторону носом парковаться!

Комплект

Все люди одинаковы только с точки зрения акулы. Может, еще могильного червя... В реальности – ничего подобного. Представители рода человеческого делятся на две большие части. Нет, не буквально, бензопилой, а в переносном смысле. По основополагающему признаку. Угадаете, что за критерий такой?

Нет, не на мужчин и женщин. Это слишком просто... И не по цвету кожи. Вероисповедание тоже ни при чем. Алкоголики и трезвенники? Ближе, но все равно не то. Кто сказал – живые и мертвые? Надеюсь, не всерьез... Табачники с наркоманами? А что, есть разница? Есть-таки? Ладно, но тоже не подходит...

В основе – привязанность, любовь! Не торопитесь, «гомо» и «гетеро» не в счет. Имеется в виду любовь к братьям нашим меньшим. Теперь всем понятно? Да-да, собачники и кошатники.

Первые обожают и держат у себя Рексов с Жучками, вторые – Барсиков с Мурками. Психологи находят и особенности характера, у одних привычку командовать, у других – к свободе, и много чего еще.

Но все проистекает из свойств именно не хозяев, а питомцев. Собачонка – та самовольно шагу не ступит, ждет приказа. Кошка – исключительно сама по себе. Псине велишь «си-

деть», «лежать», «гавкать» – исполняет. «Фас» еще, не дай боже. А мурлыке говори не говори... Глянет надменно, и растворилась, одна чеширская ухмылочка осталась. Вышколенная собака – слышишь на каждом шагу. А вышколенный кот?

Так и их владельцы, старшие братья. Одни обучаемы, послушны, другие – увы... Человек, считающийся венцом творчества – прежде всего животное. Млекопитающее. Но мыслить, говорят, из всей фауны свойственно только ему. Он себе это свойство присвоил, ярлычок подклеил. «Гомо» я, и не просто, а «сапиенс»! И как бы выделяется наш вид среди неразумных одной наиважнейшей способностью – к пониманию и учению.

А Владимира Ильича помните? Он что говорил? «Учиться, учиться и учиться!» Почему трижды, задумывались? А потому что с первого раза не доходит! Вот вам и сапиенс...

Все эти размышления – не для сотрясения воздуха. Среди кошек, собак, обезьян, крыс и прочих божьих тварей, над которыми мерзавцы в белых халатах издеваются в лабораториях, ни одна не станет раз за разом повторять свои ошибки. Крысу разок возле кормушки током долбани – больше не подойдет. А сапиенс? И в лоб ему, и по лбу, а он все лезет! Грабли – чисто наш, людской инструмент. Ныне, и присно, и во веки веков!

Это я с досады. С детства с котами-кошками, от собачьей братии сплошь бяки, но наука все не впрок... Одна классные

штаны порвала, другая вообще обосцала... простите, намочила. Пугали до икоты, покусывали... Жратву любимую из-под носа воровали. А все тянет к ним, негодным.

Дело было в пятницу... Нет, точнее в субботнее раннее утро, неизбежное после пятницы двадцать третьего. Все те же грабли. Сам, сам во всем виноват! Как это – какое двадцать третье?! Февраля, разумеется, какое же еще!

Начнем по порядку. Как водится, ничто не предвещало беды. За исключением того, что наши «защитники Отечества» вернулись домой до срока, практически засветло. И менее натруженными (или нагруженными), чем ожидалось.

Могли самостоятельно передвигаться и шевелить не только языком, но и конечностями.

Сама собой возникла продуктивная мысль – необходимо добавить. Отметить пошире, углубить-усугубить. Компании в таких случаях образуются стремительно, тем более хозяин грядущего застолья имел завидный талант командира, в недавнем прошлом военачальника.

Мужчины, они ведь тоже все разные. Я не о лысых-волосатых, мое распределение посерьезнее. Сильный пол, за редкими исключениями, можно смело делить на две основные категории: «А» – сигнальщики и «Б» – горнисты. Отличий несколько, суть поясню кратко. Одни – ведущие, другие – ведомые. Первые предпочитают из стакана, желательно налитого до краев.

Его полагается поднять на уровень лица и пристально взглянуть собеседнику в глаза со словами: «Ну, будем!», таким вот образом подавая пример.

Вариантов текста неисчислимое множество, важно главное. Это – не тост, а именно сигнал. Команда. Типа: «К бою!», «Делай как я!» В атаку, на штурм, на abordаж... Понятно, да? В основе – краткость.

А остальные? Те не то чтобы сами не могут или не хотят. И хотят, и могут, и всегда готовы, но им нужен лидер, а уж позову – пойдут хоть в огонь, хоть в воду. Зачастую предпочитают из горлышка, держа прижатые к губам пол-литра (бывает и ноль семь) строго под углом сорок пять градусов к горизонту. Что напоминает? Правильно, пионерский горн...

Гостей сильно уговаривать не приходилось – кто оказывался дома и был в состоянии дойти, присоединялись.

Выпить-закусить бралось с собой, и стол накрылся обильный, разнообразный и хмельной. Попить-поесть-попеть-поплясать собрался ровно десяток. Число четное, ведь защитники в такой день по одному не ходят. Исключительно с оруженосцем-телохранителем. Вернее, с оружехранительницей-телоноской.

Перемудрил? Ладно, с женой, так понятнее. Ибо кто еще способен вынести всю широту души подвыпившего героя в основном придуманных баталий... А после наступления неизбежной кондиции донести бесчувственное тело до родного угла?.. и желанного дивана... Она, боевая подруга.

Недаром Богословский с Кумачом про них сочинили: «Если выпили други, сумеют подруги...» И так далее. Мы по ходу спели, очень чувствительно.

Чтобы окончательно узаконить предстоящую всенощную, заглянули в календарь. Обнаружилось: в этот зимний вечер повод-таки есть! И не один, даже помимо уже отмеченного всесоюзного.

Законное право гульнуть давали: первое – годовщина замечательного открытия небезызвестного Рудольфа Дизеля. Непонятно? А как бы иначе ездили все наши танки, самоходки и бээмпэ, заодно с мирными комбайнами и прочими тракторами? Далее: не случись в восемнадцатом Брестского мира – может, нашей страны как таковой и на свете бы не было? Даты совпадают, без дураков...

И за океаном, оказывается, не сидели сложа руки – героически отражали мексиканских агрессоров. Правда, аж в позапрошлом веке и на территории тогдашней Мексики, но факт остается фактом – было дело, стало быть, можно отмечать. Кто-то предложил нетрадиционный поминальный подход – девять дней по Святому Валентину... Приняли к рассмотрению.

Но главный посыл выдал все-таки глава дома. Григорий, крепкий во всех отношениях отставной артиллерист, глубокомысленно изрек:

– А известно ли вам, уважаемые: сегодня ровно шестьсот восемнадцать лет со дня рождения солнцеликого Монтесу-

мы первого? Тлатоани древних ацтеков?

Поскольку энтузиазма у присутствовавших поначалу не возникло, хозяин продолжил ликбез.

– Поясняю: тлатоани – на ацтеко-инко-майяском языке означает царь! Или король. Вождь, чтоб вам было понятно без перевода.

Признаться, такими познаниями никто из собравшихся не обладал...

Оратор налил себе, промочил горло.

– Кроме прочих достоинств, среди коих выделялись чревоугодие и многоженство, сей правитель вошел в историю несравненной афористичностью высказываний, во множестве дошедших до наших дней...

Витиевато! Так гостям стал известен автор одного из самых демографически полезных человечеству афоризмов. В смысле продления рода. Привожу полностью: «Один индеец под одним одеялом замерзает, а два индееца – никогда!» Просвещенный организатор усилил впечатление.

– Кстати, народная молва в сквере у нашего пивбара приписывает эти золотые слова ему же. По крайней мере, никто не возражает...

После такого начала застолье просто обязано было раскатиться во всю ширь. Так и вышло.

К двум пополуночи не пили и оставались более-менее при соображении двое. Один из них, увы – я. Намедни заведующий отделением уговорил подежурить в предстоящую суб-

боту, а я, лопух, и согласился. Поэтому пришлось остановиться, а поскольку был с женой, поинтересовался:

– Слушай, может, нам пора до дому, баиньки?

Лучше бы не спрашивал!

– Ты, часом, не забыл – я тоже погоны имею?! Так вот, сегодня моя очередь! Не мешай мне веселиться, изверг!

Надо уточнить: в Советском Союзе звания лейтенантов запаса присваивалось по окончании мединститута всем выпускникам, независимо от пола. А по мере течения времени военкоматы их еще и повышали. Так моя соратница и стала старшим лейтенантом медицинской службы... И не возразишь ничего!

Пришлось заткнуться и тишком удалиться в уголок, на диванчик, где я и прилег до утра. Компанию составил второй непьющий. Он единственный в тот вечер грустил, временами почти плакал, даже скулил, как собака, потому как собакой и был. Молодой, рыжий, по-своему красивый стаффордширский терьер по кличке Лорд.

Приходя в гости, непременно принято хвалить – мебель, обои, люстры, шторы, блюда... Домашнюю живность, в первую очередь. То есть не самую первую, а после хозяйки. Compliments вышедшему встречать собутыльников питомцу досталось немерено, что повлекло информацию о происхождении как самого «мальчика», так и породы в целом.

Щенка три года назад подарили Грише бывшие сослужив-

цы. А разводились мужественные четвероногие воины с глубокой древности исключительно для поединков – с себе подобными, быками, дикими хищниками вплоть до львов, а также, оказывается, гладиаторских боев. Сомнения аудитории кинолог развеял решающим аргументом:

– Можете мне поверить! Истинная правда, гадом буду...

Несмотря на predetermined породой изначально бойцовский характер, из малыша воспитали не охранника, а скорее товарища в играх и прогулках. Поэтому агрессии к непрошеному соседу по диванчику лобастый не проявил.

Наоборот, облизал меня практически с ног до головы, потом уткнулся головой в живот и уснул. Я тоже вздремнул часок-другой.

На рассвете Лорд решил приступить к гигиеническим процедурам, и стало не до сна – попробуй-ка дремать, когда тебя умывают горячим шершавым языком.

У пса, видимо из-за сухого воздуха пополам с табачным дымом, в то утро здорово покраснели глаза. Стаффордам они достались еще и печальными от природы, на это я обратил внимание, и, сделав умный вид, полез к хозяевам с предложениями.

– И не стыдно вам, довели песика до ручки... Не кормите, небось, вон и глазки у бедненького опухли, красные от слез!

– Ты не все знаешь, – возразил Гриша, – Бедняга писать-какать хочет, а мне его из-за вас, гуляк, вывести некогда... Сам вот потерпи часиков семь-восемь, посмотрим, ка-

кие у тебя глазенки сделаются!

Вот тут-то я и совершил роковую ошибку. Недаром сказано: язык мой – враг мой...

– Так давайте я с ним пройдуся. Шестой час уже, мне скоро на работу. Заодно освежусь, и в качестве зарядки... А вы пока кофейку организуйте.

Подозрительная готовность, с которой собачники согласились, должна бы насторожить, но мужчинам вообще не свойственно внимать голосу рассудка. Получив «добро» и короткий инструктаж о маршруте, я с рыжим аристократом на поводке отправился в первую в жизни подобную экспедицию. И последнюю, клянусь всем святым на свете!

Уже с порога, пользуясь возможностью избежать возмездия, покритиковал выпивох. Сам, понятно, правильный такой!

– Вам, между прочим, тоже пора бы тормознуть... Полюбуйтесь на себя – глаза красные, рожи отечные... Для полного комплекта только фингалов не хватает! – и мигом за дверь.

Поначалу все шло на удивление гладко. Еще и потому, что за ночь выпал снег, и из-за перепада температур местами образовался приличный гололед. Метров пятьсот Лорд чинно продвигался в направлении ближнего лесочка. Он так и называется «собачий», сразу понятно, каким целям служит... А потом, пробегая перекресток, пес узрел на параллельной улочке четвероногую, как оказалось, подружку. Пушистая

такая, беленькая. Снегурочка!

Вообще, китайцы – большие затейники. Придумали и наделали массу всяких полезных вещей. Например, теперь у всех собаководов в ходу особые поводки, наподобие рулеток. Можно регулировать длину, как заблагорассудится, хоть метр, хоть километр. А в то утро мне вручили обычный кожаный ремешок, метров семь-восемь, и его избыток я сдуру намотал на руку.

Григорий, инструктируя добровольца, дал ряд ценных указаний.

– Лордик наш еще молодой совсем, игривый, может дергаться туда-сюда. Ты ему воли особо не давай. Скажи построже: «Рядом!», придержи, и пойдет как миленький...

Иногда размер в пьесе играет главную роль – как в комедии, фарсе, так и в трагедии. Гриша с женой, создавая семью, подбирали пару по принципу «берешь в руки – маешь вещь». Оба крупненькие или, если помягче, дородные. Габаритные. Он так и вовсе. Со мной сравнить – примерно вдвое. Ему песик в сорок пять кило весом – будто для меня котенок.

Мохнатая белокурая бестия призывно тьякнула... Робкая попытка «придержать» ухажера безнадежно провалилась. И запоздалый вопль: «Куда, блин!.. Рядом, скотина!» ничего не изменил. Вдобавок гололед... После мощного рывка как раз с этими словами на устах я полетел кувырком и с размаху врезался в угловатую бетонную тумбу.

Бытует мнение: якобы в последний предсмертный миг перед глазами погибающего пролетает вся жизнь. Хотя пережившие клиническую смерть об этом помалкивают, все больше про какую-то трубу бормочут. Мое мнение на этот счет: враки!

Но кое-что, безусловно, вспоминается. Не обязательно перед смертью, достаточно хорошего пенделя. Мне, например, в ту секунду привиделась детская игрушка – такая, наверно, у всех была: плотная картонная трубка, с одной стороны у нее дырочка, туда смотришь, крутишь, а другой конец направляешь на свет... внутри что-то таинственно шуршит, и в дырочку видно такое! Узоры необыкновенной красоты и яркости. Ага, конечно, калейдоскоп.

Я, когда подрос, заинтересовался, как это все образуется, разобрал. Сломал, ясное дело. И был крупно разочарован. Всего и было там – три длинных зеркала да пригоршня цветных стеклышек... наколочка. Как и все прекрасное, между прочим. Взять ту же Джоконду – тряпка, смазанная масляными красками. Лаком еще потянули, потрескалось со временем... ничего удивительного – когда ее малевали? А туда же: тайна, улыбка... Лажа! Про черный квадрат вообще молчу. Негры ночью уголь разгружают.

Да, фейерверк удался на славу. Индивидуальный, без пушечного грохота и гари, но по части вспышек с искрами – супер! Тетка, гулявшая с белой собачкой, подбежала, помогла подняться. Лорда привела за ухо. Хулиган, чувствуя ви-

ну, стал шелковый. Не упирался, мигом поделал свои дела и виляет, кобелья морда: «Все, готов завтракать! А может, еще полчасика погуляем?..»

Хорошо, снежок лежал чистенький, беленький такой, холодненький. Я малость подпортил пейзаж, покрасил кровью полосу с полгектара. И, мечтая о лодке, реке и амплуа Герасима, с ужасом осознал: зрение заметно поубавилось. Ровно наполовину, как у пушкинских ткачихи с поварихой.

Триумфальным наше возвращение не назовешь, но вот фурор – состоялся! Увидав мою обновленную наружность, компания мигом протрезвела. Всполошились, накинулись с йодом, бинтами, чуть ли не гипсом... А женка, убедившись: глаз все же цел, посочувствовала, чисто по-женски.

– О-о-о, а вот и фингальчик, для комплекта! Так это ты за ним ходил?

Нам не дано предугадать...

(Сила авторитета)

Этот случай – быль, ей-ей, имел место в восьмидесятые годы прошлого века в одном из сельских районов тогдашней БССР.

Мой дядя, о честности его правил судить не берусь, в ту пору лет пятидесяти с небольшим, был охотником – весьма удачливым и, наверное, умелым. Без дичи из лесу практически не возвращался – и уток, и зайцев, и лис, да и кабанов с косулями добывал регулярно. На законных, разумеется, основаниях. Среди местных мужичков по охотничьим делам пользовался вполне заслуженным авторитетом, и в собачках, само собой, разбирался, это ж первые помощники на охоте.

Так вот, как-то погожим летним вечерком зашел он к одному из младших своих приятелей-охотничков на чарочку, скажем, самосваренного чая.

А после чаепития они в благодушном настроении сидят на лавочке с видом на дворик. Во дворе куры погуливают, в загончике неподалеку хавронья с поросятами копошится, кролики разнокалиберные бродят. Их, ушастых, в том хозяйстве развелось более двух десятков.

Тут же у конуры отдыхает молодой хозяйский песик – охотничьей, естественно, породы. Может, сеттер, может, ле-

гавая, да это и не принципиально. Кличка совершенно безобидная, вроде Дружок. Лежит, блаженствует (не голодает, сезон-то не охотничий), на окружающее – ноль внимания. В ошейнике, но без цепи-привязи, она такому породистому парню как бы и ни к чему. В общем, налицо полная деревенская идиллия. И вот, уже к завершению неспешной беседы, дядька обращается к хозяину. Тут лексика сельская, белорусская.

– А што, твой сабака кралей не бярэ?

Тот лениво:

– Не, не бярэ...

И тут дядька – весьма авторитетно, очень звучно:

– ДалжОн братъ!

Сказал, да и подался восвояси...

А наутро поступило известие: за ночь упомянутый вроде Дружок кроликов-то и передушил. Всех порешил, без исключения!

Такова сила авторитета. Были ли у него в дальнейшем охотничьи достижения, мне неизвестно, но уж без цепи с тех пор – ни-ни...

Нашла коса

Вокруг кипит жизнь, спуют люди. Далекие и близкие, чужие и родные, дружелюбные и равнодушные... Попробуй разберись, каков человек на самом деле. Давно и очень точно подмечено – внешность обманчива. Так было и тысячу, и сто лет назад. А уж в эпоху развития косметологии и прочих достижений хирургии...

Вот к слову о так называемых сексуальных домогательствах. Не полагается нынче лезть барышне под юбку. Вы думаете, только по причине возможного оскорбления ее достоинства? Отнюдь. Вполне возможно, чтобы сберечь ваше психическое здоровье. Во всяком случае, такая осторожность гарантирует от вполне вероятного потрясения.

Непонятно? Упрощу: а вы уверены, что перед вами не транссексуал? Причем, так сказать, на стадии незавершенного превращения? Сунул руку, хватъ, а там... Впрочем, я отвлекся.

Всех человеческих достоинств не перечислить и не оценить. Бывают заметные, яркие. Тогда и личность выделяется, характер виден, харизма налицо. А встречаются черты явно не проявляющиеся, существующие как бы сами в себе, по Канту.

Вот, например, «неслыханно талантливый» музыкант. Композитор. Певец. Его музыка или пение изумительны по

стилю, ритмике и звучанию, но их никто никогда не слышал. А может, не хочет слушать...

Или – несравненно красивая женщина. Она прелестна, великолепа, чудна... Если ни с кем не сравнивать. То есть на необитаемом острове ей цены бы не было, а в чем-либо присутствии весь шарм куда-то пропадает...

Мне довелось знать необыкновенно удачливого человека. В том смысле, что обыкновенных, нормальных удач с ним не случалось. Никогда и ни в чем ему ни разу не пофартило. Ни в лотерее, ни в любви, ни в самых разных играх... На экзаменах он, выучив все билеты, за исключением одного, всегда вытягивал именно его. Но эта история все-таки не о нем, то есть и в этом ему не повезло.

Один мужчина отличался просто невиданной щедростью. Щедрость вроде как была, особенно если верить его словам. Просто ее никто никогда не видел. Он родился и вырос в обычной, как принято говорить, среднестатистической семье. Рабочих ли, служащих – не суть важно. Тем более ни мать его, ни отца мне знать не довелось.

Знакомство с Вовой, так звали героя, лучше начать с первого курса института. В группе Володя не отличался особым старанием в учебе, да и способностями к ней. Рвение проявил в другом, неожиданном.

Среди молодежи как-то не принято стремиться к общественной деятельности. Поэтому назначение или выборы комсорга, профорга и старосты группы проходили, как пра-

вило, со скрипом.

Старосту назначали куратор, он же профильный преподаватель, совместно с представителем деканата. Доверить ответственный пост решили не самому старшему по возрасту, но выглядевшему достаточно солидно парню, к тому же со званием кандидата в мастера спорта по подводному плаванию. Комсоргом через стоны и слезы выбрали девочку-тихоню, клятвенно пообещав через полгода, максимум год переизбрать.

Забегая вперед, скажу: тяжкая доля ей досталась на все первые годы совместной учебы, а в последний... А в последний – ее выбрали уже комсоргом объединенной группы узких специалистов! Судьба...

Ну а с профоргом случилось неожиданность. Ни с того ни с сего неприметный паренек встал, вежливо попросил разрешения высказаться. И... предложил свою кандидатуру!

Однокашникам бы подумать, а с какой стати? Но юность наивна и легковерна. Казалось, какая может быть выгода в том, чтобы всюду бегать-вникать, собирать взносы и деньги на проездные билеты? Организовывать походы в театр, поездки на экскурсии, сколачивать групповые мероприятия вроде складчин к праздникам, покупать подарки именинникам, в том числе преподавателям и даже целым кафедрам? И многое другое, всего не перечислишь.

Быть может, не доведись нашему герою побывать профоргом, и кое-чего другого не случилось бы?

Копейка рубль бережет. Курочка по зернышку... Пушинка к пушинке – выйдет перинка... Взносы Вова собирать любил, он к деньгам вообще относился трепетно. Общественная «касса» в его кошельке всегда была в полной сохранности. Иногда кое-что происходило немножко не так, как вроде должно было, но пристального внимания на мелочи не обращали.

Скажем, сбор на новогодний междусобойчик профорг начинал как минимум за месяц. Сдавали все. Понемногу, чаще всего по два-три рубля. А вот если уже сдавший денежку потом менял планы, вернуть удавалось далеко не всегда... Вова обладал даром убеждения. Мог привести массу доводов в пользу невозврата.

– Прикинь, скоро же у Наташки (Людки, Сашки) день рождения. Тогда меньше сдашь...

Или:

– У меня сегодня и общей кассы с собой нет...

Мог и по-простому:

– На мужской день пойдет!

Могло идти на восьмое марта, первое мая, юбилей какой-нибудь кафедры, куратора... Вернуть рубль, попавший в Вовочкин карман, не удавалось никому. Набравшиеся горького опыта к концу учебы уже и не пытались.

Приобретать разного рода подарки, сувениры и цветы к праздникам, экзаменам и торжествам организатор предпочитал сам. И лучше в одиночку. Поскольку добровольных

помощников в таких делах среди студентов не бывает, все выходило по-Вовиному.

А уж сколько точно стоил купленный активистом подарок или букет, никто никогда не проверял. Хотя группе всегда предъявлялись товарные чеки. Правда, издалека, на манер незабвенного великого комбинатора.

В процессе учебы у него начала появляться несколько странная, избирательная забывчивость. Нечасто, где-то раз в две-три недели, месяц. Касалась эта напасть малозначащих на первый взгляд мелочей.

Вот отправится, например, в магазин за продуктами на совместную вечеринку... Вернется – чего-нибудь обязательно не хватает. Одной из бутылок шампанского либо портвейна. Или одной баночки майонеза, сметанки, горошка... Фруктов оказывалось как-то маловато...

Но о возвращении выделенных на покупку денег и речи не заходило – неудобно как-то, сам ведь вызвался сбегать... Да и мелочиться никому не хочется. А о принципе «курочки» в те времена никто и не помышлял. Кроме Вовы.

Пролетело студенчество, жизнь у кого поползла, у кого замелькала. Разъехались, потолстели, поседели, облысели. Обзавелись семьями, квартирами, дачами, детьми. Оказались сначала в разных городах, потом и в разных государствах.

Володе по долгу службы, или работы, приходилось частенько разъезжать по самым разным городам и странам. Он врачом как таковым пробыл недолго, пристроился опять же

по «профсоюзной линии», а когда это стало невыгодно – в одну из фирм, занимавшихся поставками медицинской техники и оборудования, медикаментов и прочих сопутствующих изделий. По сути торговля, но со своей спецификой. Тут и пригодился его талант, а к нему и множество связей со знакомствами.

Приезжая в очередную область или столицу, коммивояжер обязательно находил кого-либо из бывших знакомых по институту либо прошлой работе. Напрашивался в гости, иногда и на ночлег. Никто ж не откажет. А оказывается, он таким образом экономил. Умудрялся получать в своей фирме денежку за якобы состоявшиеся расходы на гостиницы, обеды-ужины в ресторанах... Молодец, одно слово. Добы-ытчик.

А еще имел привычку заранее предупреждать о своем визите и обязательно заботливо интересовался, какую такую вещьцу доставить в качестве презента. Намекал: посолиднее, не ширпотреб. Кто откажется? Да вот только сами презенты до гостеприимных бывших однокашников, как правило, не доходили. По независящим от Вовы причинам.

Такая выходила непруха! То в купе (самолете, каюте) забудет заготовленную вещь, то стащат на вокзале (в аэропорту, на морвокзале, поезде и так далее). То таможня ни с того ни с сего конфискует. То разобьется двадцатилетний вискарь (коньяк, редкое вино)...

У него при самых разных ужасных обстоятельствах регу-

лярно выкрадывали предназначенные для бесценных друзей новейшие модели телефонов, супер-парфюм, ящички гаванских сигар, диски с редкими записями, не говоря о книгах и прочей бижутерии. Случалось бедолаге в день визита к друзьям-товарищам, выезжая из отеля, оставить в номере дорожные перчатки, запонки, галстук – а вороватая горничная тут как тут.

Он на ресепшене отметился, в такси уселся, чтоб к друзьям отправиться, машина тронулась... Ба! Главное забыл! Стой, мусульманин! Бегом назад, а номерок-то уже убран, и прибиравшей мисс (фрау, пани) след простыл. Ну что ты будешь делать! А разбираться некогда, «мотор» ждет, счетчик тикает.

Так и приходилось щедрому, но невезучему снабженцу являться в гости с пустыми руками. То есть не совсем, конечно, пустыми. В попутном местном универсаме (по-нынешнему – супермаркете) винцом-водочкой, что подешевле, обзаводился. И, что характерно, излагая обстоятельства очередного приключения, не покраснел ни разу, от ответно предлагаемого дара тоже ни разу не отказался... Скромняга!

Но вот как-то раз, оказавшись по очередной командировочной надобности в столице одной из недавно обретших суверенитет прибалтийских стран, наш путешественник прибрел на ночь глядя с такой вот дежурной бутылочкой в гости к бывшему однокласснику. И, по обыкновению, пожаловался на местный гостиничный сервис.

Обообрали, видишь ли, прямо сегодня. Выезжал впопыхах, торопился на важные деловые встречи, съездил, все порешал, а потом спохватился – самое главное оставил в номере. Вернулся вот полчаса назад, а вещички как не было. Стащили привезенный специально для дорогого друга замечательный оригинальный японский планшет.

И в надрывном разговоре обиженный сообщает название этого нехорошего местечка. Отеля то бишь. В центре столицы, у вокзала, а – воруют! На полуслове сокурсник, не медля ни секунды, тормознул страдальца.

– Не спеши отчаиваться, брат! У меня как раз в том отеле начальник охраны – свой человек. В каком номере был?

– А что толку... – залепетал Вова... – Я же обращался к старшему портье, он сказал, якобы по-русски не понимает, но, раз я уже выехал, никаких претензий не примут...

– Да брось, ерунда. Поехали! – и набирает номер, не обращая внимания на изменившийся цвет лица жертвы криминала, – Такси? Адрес... подъезд... Paldies, meitene!¹.. Две минуты, белый «Форд»... – мягко обнял Вову за пухленькие плечи, подтолкнул к двери. – Поскакали, надо ковать железо... Корешу с дороги звякну.

– Ой, погоди... Где у тебя туалет? Живот скрутило...

Пятиминутная задержка, пилюля от поноса... но решение хозяина разобраться в ситуации отменить не удалось.

В отеле встретивший их у входа секьюрити проводил к

¹ Спасибо, девушка!

начальнику. Тот поздоровался со старым знакомым за руку, посмотрел на странника, слегка усмехнулся.

– Вы у нас останавливались? Выехали сегодня? Отлично, – и земляку, – Не волнуйся, у меня камеры на всех этажах, в коридорах, лифтах, холлах. Разумеется, номер убрали. Какие затруднения? Даже если кого-нибудь поселили, сейчас пойдем, глянем на месте, коридорный и горничная ждут... Персонал меняется утром, – и шеф по телефону негромко велел кому-то приготовить к просмотру данные с камер за день.

– Чтобы кто-нибудь посторонний заходил в номер – невозможно, но если вдруг – записи покажут. А Вы, уважаемый, должны были написать заявление о пропаже. Кстати, сообщений о подобном происшествии от портье не поступало... Сейчас полицию вызовем в любом случае... Портье не отлучался, узнаем, почему не доложил.

И в трубку:

– Арвид? Срочно ко мне!

– Не надо! Не надо портье, не надо полиции... – похоже, Вове очень не помешали бы не стражи порядка, а «Скорая помощь», – Я... Я, наверное, все перепутал. По всей видимости, я оставил эту вещь... сувенир... дома...

Однокашник смотрел с нарастающим интересом. А начальник охраны, напротив, совсем не удивился.

– С вашего позволения, я прямо сейчас отправлюсь на вокзал, съезжу домой, захвачу и привезу... – почему-то

глядя только на главного охранника, сбивчиво продолжил гость, – Буквально послезавтра... Или чуть позже...

– Такси?

– Нет, большое спасибо, здесь недалеко, я пешком...

– Но ведь час поздний, а в городе могут встретиться нечестные люди...

– Н-нет-нет, не беспокойтесь, я доберусь...

И Вова по-английски, не прощаясь, пулей вылетел в ночь.

Сговор

Иногда «бородатые» анекдоты вспоминаются очень кстати. Вот, например: летчик в автошколе на вопрос: «На дороге перед вашей машиной – куча камней. Ваши действия?..» отвечает: «Штурвал на себя и – газу!».

Этот возник в памяти летом две тысячи четырнадцатого, когда мы с женой выбрались из Ту-154, севшего после перелета Бургас-Минск со второго захода, и услышали разговор на паспортном контроле. Экипаж подошел с чемоданчиками своими, и один наш попутчик, похоже, знакомый кого-то из пилотов, спросил:

– А что это за трюки вы нам показывали?

А летчик ему:

– Понравилось?

– Ага...

– Нам тоже!

«Тушки» эти уже заканчивали свою карьеру, больше не летают. Если откровенно, я вообще побаиваюсь самолетом ездить. В смысле летать. В советские времена на Ту-154 в Сочи летал пару раз, да на Як-40 или Ан-24 из Минска в Могилев, Витебск и обратно. В семидесятые годы такие рейсы, километров по триста, были в моде, и стоило недорого. Но после перестройки, повзрослев, решил: чего летать куда-то, когда на земле рельсы есть? На море хочется? Езди вон в

Крым поездом, никаких проблем. Мы так и делали.

А тут случилась заварушка с «зелеными человечками» в Севастополе, и Крым для нас накрылся. Или закрылся, без разницы. Пришлось переключиться на Балканы. Не зря в песне поется: «хороша страна Болгария».

Итак, собрались с женой в Несебр. Честно говоря, когда садились в памятный по «Экипажу» аэроплан, был здорово разочарован. Я-то думал, они только в музее остались... Но, как оказалось, вполне приличная машина. Туда долетели без проблем, да и по пути обратно, через три недели, все до поры до времени шло по плану.

Незадолго до нашего рейса я по телевизору увидел, как в Барселоне российский «Боинг» прервал посадку и пошел на второй заход. Там аргентинец на «Аэробусе» поперек полосы рулил. Помню, подумал: ну и повезло пассажирам... Полные штаны небось!

И вот наш лайнер снижается, шасси вышли, земля рядом. Внизу забор аэродрома мелькнул, вот-вот касание... до бетонки всего метра три... Вдруг – громовой рев моторов, а мы сидели в хвосте, моторы эти самые – под боком, и наш самолет, задрав нос, ускоряется и набирает высоту! Барселона, блин, дубль-два!

Никто ж не мог знать, куда повернет взявшийся откуда-то на взлетно-посадочной полосе мусоровоз... А для летчика – что груда булыжников, что грузовик – без разницы. Ему препятствия не объезжать, а облетать полагается.

Я от шума оглох и самого себя не слышал. Думал, бормочу под нос тихонько вполне объяснимые комментарии к ситуации. А как выяснилось – весьма отчетливо сказал пару ласковых, к счастью, ни к кому конкретно не обращаясь... произнес от души, довольно громко, а еще вернее будет – проорал. Подруга мне уже после повторного захода и нормальной посадки передала почти дословно. Только печатать такое нельзя. Хотя слова все в общем-то русские, народные.

И оказалось, я в такой оценке событий был не одинок. Из соседнего ряда мужик, как его жена моей в автобусе сказала, в точности меня продублировал.

Она еще задумчиво так:

– И когда они сговориться успели?

Ох, яблочко...

Ночные снайперы.

Еще две недели назад обычный рабочий день Тошка представлял себе несколько иначе. Пусть не день, а вечер, затянувшийся за полночь.

Для него, начинающего хирурга, нескончаемая медицинская рутина за два года пока не приелась. Не казались серыми будни, замешанные на обходах, осмотрах, перевязках, операциях и снова перевязках.

Сборная солянка из бинтов и гипса, крови и гноя, чужой боли и слез, своих тревог и волнений, бессонных ночей и горечи во рту от постоянного, чтобы не заснуть за столом, курения, большинству показалась бы тошнотворной. А ему – это была воплощенная мечта.

Постоянно появлялось что-то новое, незнакомое, необычное. В учебниках и других умных книжках встречалось далеко не все. И непрерывный поиск с последующей радостью узнавания не давали заскучать.

А теперь... Всего-то бумажка в половинку страницы, а перевернула жизнь с ног на голову. Бумажка, как легко догадаться – не простая, а повестка. «Такой-то и сякой-то! Приказываю Вам ... такого-то... не позднее... » и так далее.

И вот на нем вместо привычного белого халата – мешко-

ватая шинель, португепя, по-военному именуемая «офицерским снаряжением», на голове фуражка, а на ногах – тяжелые «яловые» сапожищи. Через плечо – брезентовая сумка, так называемая «укладка», с кое-каким набором для кое-какой первой помощи. Попал... Хорошо, только на два года. И не в Афган.

Но уж касательно ежедневной новизны – этого хоть отбавляй! Армия рождала неожиданные сюжеты и приключения буквально на каждом шагу. Казалось бы, что интересного услышишь в обычной казарме? А зашел вовремя – довелось познать истинную силу словесного внушения.

...Молодой кареглазый брюнет субтильного телосложения, с приметным орлиным носом, ссутулясь, внимал нотациям. Громы и молнии метал командир роты. Повод к воспитанию имелся нешуточный. Рядовой первого периода службы (период в армии равен полугодию) умудрился в течение суток сотворить аж два серьезно наказуемых проступка.

Первое – запорол двигатель новенького «ЗИЛа», непостижимым образом запустив его без охлаждающей жидкости. Оказывается, на спор с земляками. Завел, дал газу и радостно восклицал: «Видишь? Работает! А ты говорил...» пока движок не заглох навсегда, издав напоследок характерный «кряк».

А второе – еще круче. Узнав: командир вроде бы рассердился и придумывает, как его наказать, отправился на почту – позвонить маме с папой, чтобы пока в отпуск не ждали.

Пошел как на прогулку в родном ауле, перемахнув бетонный забор части.

Горцу еще повезло встретить у отделения связи не комендантский патруль, а всего лишь заместителя начальника штаба бригады. Тот подозвал, выслушал, зачем пришел на почту без старшины, разрешил позвонить, а потом лично привел в расположение. Прямо в канцелярию, к ротному. Капитан, вскочив, пытался отрапортовать, но подполковник молча вручил подчиненного, развернулся и ушел. Лучше бы наорал, что ли!

И в течение получаса офицер проводил воспитательную работу. Вспотел, исчерпал весь более-менее цензурный словесный запас великого и могучего, делая поправку на уровень преподавания в южных горах и долинах. Наконец головушка и плечи провинившегося окончательно поникли. Большого не добиться...

– Ну? Все понял?

В ответ прозвучало чуть слышное, но уставное:

– Так точно...

Ротный устало вздохнул. Что с него возьмешь...

– Иди... – а завершила процесс мечта старшеклассницы накануне выпускного бала, – Наряд получишь завтра!

Со второй попытки повернувшись через положенное левое плечо, морально убитый удалился. За дверью ожидали взволнованные объятия, тревога и сочувствие компании испереживавшихся соплеменников.

– Совсем сердитый капитан, да? Арестовать будет? Кричал? Что, что говорил?

Жертва воспитания пожала плечами:

– Пугаль...

Мало кому известно: на самом деле свою знаменитую фразу «Тяжело в учении – легко в бою!» Александр Васильевич Суворов в семнадцатом веке сказал не о солдатах. Тогда, якобы предварительно натренировавшись в Италии на ледяных горках, чудо-богатыри шутя одолели неприступные Альпы. А потом прошлись по Швейцарии, попутно оттырив всех встречных-поперечных.

Бессмертные слова великий полководец однажды под вечер трудного дня адресовал самому себе. Их истинный смысл таков: военачальнику не следует жалеть на стрельбище, полигоне и спортплощадке своих сил, ног, рук и голоса. Без усталости вгонять в головы и туловища служивых науку побеждать. Гонять их, солдатусек, в хвост и гриву, орать и рукоприкладством не брезговать, приговаривая: «Оплеухи и пинки принимай, брат, как блинчики!»

Ну, это применительно к той славной эпохе, когда подзатыльник заслуженно считался главным командирским аргументом. Хотя есть мнения – как раз Суворов никому в зубы кулачишком и не тыкал. Можно понять: он могучей телесной статью не отличался. Мозгой брал. Поэтому афоризм надо бы переиначить примерно так: «Нелегко учить болванов командиру, но зато успешным будет бой!»

Далекие времена, когда едва-едва начиналась регулярная российская армия, славятся еще одной байкой. Якобы мужицким хлопцам, становившимся рекрутами, командуя «левой-правой!», к ногам привязывали по клоку фуража разного вида, и получалось доступное сельским мозгам «сено-солома!» Таким вот образом приучали. И нечто подобное проделывали с мушкетами, для уяснения, с какого конца эта штука стреляет.

В таких историях есть две стороны, одна веселая, про сено, а другая наоборот, весьма серьезная. Ибо военная наука и в наш просвещенный век не всегда легко постижима простым парням, вчерашним подросткам. Призывают послужить-пострелять, зачастую не осознавая – не каждый на это способен. Сколько соломы на борону ни подстилай, а падать больно.

Ведь управляться мальчишкам приходится не с примитивной пищалью, а с довольно-таки хитроумными бяками-закаляками. А они при неосторожном обращении не просто не слушаются лопуха. Погладишь против шерсти – могут и укусить. Насмерть...

Поэтому перестраховка была, есть и будет основой основ нашего военного дела. И военно-медицинского, в частности. Эту истину любому врачу в мундире приходится познавать на собственной шкуре.

Спрашивается, зачем на обыденных, рядовых стрельбах, пусть и ночных, и танковых, нужен квалифицированный хи-

рург? Неизбежный вопрос. Антон в который раз задавал его себе, скучая, зевая и куря сигарету за сигаретой, чтобы отогнать сон, а с учетом летнего времени – и комаров. Ответ на него как-то дал балагур с капитанским погонами, командир стрелявшей в ту ночь роты.

– Удивляешься, какого хрена сидишь тут, когда за глаза хватило бы солдата-санинструктора? Вот послушай загадку, сразу поймешь. Спорим на сигарету, не отгадаешь?

Понимая: бывалому вояке неловко попросту стрельнуть курево, слушатель приготовился к очередной хохме.

– Знаешь, как не допустить проезда на территорию секретного объекта посторонних машин? – и, видя готовность к очевидному ответу, добавил, – Можно двояко, по-людски либо по-военному.

Окончательно заинтриговав, преподнес истину:

– По-людски всем понятно – закрыть шлагбаум... А по-военному означает: поставить толкового майора!

Прикурив законный приз, танкист внес существенное дополнение.

– Не обижайся, но вот твоя профессия для стрельбища – самое то. Был бы терапевтом – спал бы спокойно. Понял, нет? От них, которые с таблетками в кармане, толку никакого. Здесь железяки кругом, запросто можно поцарапаться или чего похуже. А хирург – он же все умеет, и главное – крови не боится!

Этот же ротный провел ликбез при первом знакомстве

труженика ножа с бронированными монстрами под названием «Т-72М». Чрезвычайно серьезная мина знатока предполагала нечто важное.

– Отгадай, что в танке самое главное?

Угадать полагалось с трех раз. Экзаменуемый добросовестно перечислил пушку, гусеницы, броню... Сверх лимита добавил мотор и экипаж. Мимо...

– Эх ты, а еще доктор... Самое главное в танке – не обосраться!

На досуге пришло понимание: да, действительно... Наглухо закрытое тесное помещение, не убежишь, окошки не откроешь... Беда!

А тогда, приехав к началу ночных стрельб на так называемую «директрису», а по-человечески – участок полигона, отведенный для танковых уроков, доктор поднялся на «вышку» и был не на шутку удивлен.

Главное полигонное сооружение, на самом деле довольно высокое – обычная кирпично-бетонная коробка, поднятая над землей на пятиметровых сваях. Панорамное окно во всю переднюю стену, обращенную к мишенному полю. Изнутри все облицовано веселенькой разноцветной плиткой-«кабанчиком» с неопрятным темно-серым пятном по середине задней стенки. Недоумение вызвала практически полная темнота. И тишина. Сидят четверо – командир батальона – майор, ротный – давешний Тошкин «танковый просветитель» Федор, и двое старших лейтенантов.

Шипит, потрескивает динамик «громкой» связи. На пульте под окном несколько махоньких красных огоньков. В углу низкий походный столик, отгороженный плащ-накидкой, на нем – единственный источник света. Скудный фонарик слабо освещает полевой телефон и толстый журнал наподобие школьного.

Попытку Антона «четко» доложить о прибытии мгновенно пресекли.

– Чего разорался? Приехал, и ладно, – махнул рукой майор, глянул на часы, – По тебе можно Москву сверять... – и – Федору, – Время. Начинай.

Федя, взяв с пульта что-то, оказавшееся микрофоном, скомандовал:

– Броня, я вышка... Вперед!.. Впер-ред!

Где-то справа и слева заревело, стали видны кормовые огни двух «семьдесятдвоек», бодро уходящих в поле. На пульте мигнули красные лампочки. Ротный, буркнув в микрофон: «Рубеж!», чем-то щелкнул на панели, желтые искорки подмигнули, и вдалеке синхронно возникли прерывистые точечные вспышки. Буквально через пару секунд отрывисто треснуло раз, другой, еще и еще... Один желтый огонек сменился зеленым. Остальные продолжали мигать, хотя выстрелов было как минимум десять-двенадцать.

– Отличники, е...ать-колотить! – прокомментировал майор, – Ладно, я поехал. Продолжай хоть до утра, но чтоб попали все! Через неделю штатная, не забыл? Или сам за всех

собрался стрелять?

– Никак нет... – уныло отозвался Федор.

После ухода комбата Тошка осмелел, достал сигареты.

– А чёй-то вы тут в темноте сидите? И молча...

– Ну, молча – это по привычке. Чего зря трепаться. А на счет темноты... Старлей, расскажи доктору. А то еще вздумает тут спичками чиркать...

Один из военных помладше чином кивнул на заднюю стенку.

– Видишь, вон там?

– Вот это пятно?

– Ну да, штукатурка еще толком не высохла. Стань туда, у тебя рост как раз подходящий.

Антон встал, затылком аккурат к пятну.

– Смотри вперед, что видишь?

– Ну, фанеру на стекле... Кстати, а как вы ее там прицепили?

– Да просто шурупом, через дырку.

– А дырка откуда? – все еще недоумевал новичок, и капитан уже сам с явным удовольствием продолжил просвещение.

– На прошлой стрельбе тут один штабной умник свет зажег. Во-он там, в углу, лампу настольную включил. Розеточка имеется, мы ее потом для верности открутили. И ровно через минуту сюда прилетело...

– Что прилетело?

– Товарищ не понимает... Ты слышишь, как они стреляют?

– Ну, слышу...

– Не кажется странным?

– Да, для танков как-то слабовато, больше на винтовку похоже...

– Вот именно. Это вкладной ствол, пятнадцать миллиметров. Один наш отличник, он, кстати, и сегодня будет выполнять, позавчера в движении башню развернул...

– По вышке саданул?!

– Прямо вот сюда, в стеклышко. Снайпер хренов... Скорость у пульки около тысячи, все стекло два на четыре метра – целехонько, а дырочка, вишь, аккуратненькая получилась... И в стену, где твоя башка...

Антон непроизвольно пригнулся.

– Да не бойсь, в темноте они ни за что не попадут. А вот если бы штатным, тут ни нас, ни половины вышки в помине б не было...

Добивали по очереди.

– Закон подлости знаешь? Наши мастера по мишеням попадают хорошо если раз из десяти. А сюда, в окно – с первого выстрела, красота! Так что сидел бы ты лучше в своей «санитарке», целее будешь... Да шутка, шутка! Они отстрелялись уже, назад катят.

Чем отличается «штатный» от «вкладного», тоже прояснили. Чтобы научиться попадать, надо стрелять. А тан-

ковый выстрел полным двадцатимиллиметровым калибром стоит примерно врачебную зарплату. Поэтому тренируются, закрепляя в оружии учебной машины специальную трубку – ствол типа винтовочного. Так намного дешевле. И безопаснее.

Да, интересные получились в ту ночь открытия. Недаром военные не смеются над шуточкой «напился до потери ориентации». У них такое случается и по трезвянке. В полной темноте, в мягко идущей современной боевой машине случайный разворот башни вместе с пушкой вполне возможен – конечно, для неопытного экипажа. И тогда жди беды...

Мишень по команде с вышки обозначает себя мигающей подсветкой. Но мигающий – это по-русски. И, к сожалению, не все тогдашние танкисты сразу понимали, в чем суть этого самого мигания. Вот перед каждым «заездом» командир брал фонарик и демонстрировал наводчику. Прямо в глаза, чтоб дошло наверняка.

– Вот, гляди сюда: горит-потух, горит-потух, горит-потух... Это значит мигает. Мишень. Туда стреляй. А если просто вот так ГОРИТ, туда не стреляй, потому что это не мишень, а вышка!

А ведь мигнуть может и зажигалка беспечно прикуривающего доктора...

Директриса на полигоне не одна. Кроме танкистов, стрелять учатся и артиллеристы, и минометчики, и мотострелки. И у каждой палящей гадости полно своих особенностей.

Неподалеку от вышки, где Антону преподавали основы танкового боя, учились как раз эти, моторизованные, из соседней части. Там бухало погромче, и его любопытство на этот счет удовлетворили.

– У них, на БЭМПэ, никаких вкладных не предусмотрено. Только боевые. Поменьше наших пушечных, всего тридцатка, но им хватает. Зато бьет, зараза, очередями. Мишени – в клочья... Если не мажут, само собой.

– А как у них насчет ориентации? Тоже бывает?

– Типун тебе на язык! Пока не случилось...

Ближе к полуночи грохот у соседей почему-то стих. Антон, позевывая, собрался выйти на очередной перекур, когда раздался зуммер телефона. Федор, послушал, поглядел на него.

– Так точно, здесь. Наш, из медроты, хирург. Есть. Пару минут... – и уже другим, совершенно не шутливым тоном обратился к Тошке:

– Док, ноги в руки, хватай свою машину и дуй к соседям!

Похоже, у них кого-то зацепило. Вперед, ни пуха...

Сапоги стали невесомыми. Антон, считая про себя: «минута... две...», скатился по лесенке, домчался до стоянки, забарабанил в заднюю дверь фургона. Буквально через мгновение оттуда выскочил будто ожидавший водитель. Синхронно впрыгнули в кабину, и громоздкий санитарный «АС-66», густо дымя непрогретым мотором, на шестой минуте уже выползал на асфальтовую дорогу, соединяющую

полигон в единое целое.

«До соседней директрисы – три километра, доедем быстро», – успел подумать Антон в предвкушении настоящего дела. Но на обочине, напротив вышки, в свете фар показался уже знакомый старший лейтенант. Вскинул руку: «Стой!»

– Отбой, доктор. Соседи уточнили, ты уже не нужен. Давай к нам, сейчас заезд кончится, и на сегодня всё.

– Как всё? Комбат вроде говорил, до утра...

– Всё, всё. Видишь, на вышке фонарь? – на крыше ярко горел красный, далеко заметный огонь, – ЧП, боевая работа запрещена!

Назавтра стали известны подробности. Две боевые машины пехоты, выполнявшие ночную стрельбу, двигались параллельно в полукилометре друг от друга. В правой наводчик был опытнее, а может, удачливее – сразу засек мишень, дал очередь. Потом еще.

А в левой вышла заминка, цель не видели... С вышки заорали: «Ты чо, ослеп?! Мать-перемать!.. Огонь!!!» Растерявшийся гвардеец пошарил прицелом, заметил вспышки, поймал «мишень» и...

Боковая броня пехотного транспортера надежно защищает от пуль и не рассчитана на попадание даже тридцатимиллиметрового снаряда. А очередь получилась знатная, снайперская. Все три – в «яблочко». Снаряды, пробив борт, разорвались внутри стальной коробки, не оставляя экипажу ни малейшего шанса. Хватило бы и их, но вдобавок сдетониро-

вал боекомплект...

Извращение

Некоторые любят пиво с сигаретой. Многие уважают с рыбкой – воблой, снетками, анчоусами. В Болгарии – с мелочью под названием «цаца» – что-то вроде жареной кильки. В Питере корюшка в ходу. А вот в Крыму – там многим нравится с бычками.

Я тоже раньше так употреблял, а потом все резко переменялось, спасибо жене. Она у меня женщина в современном стиле, не чужда привычек, дамам не вполне свойственных. Когда едем куда-нибудь на машинке, предпочитает располагаться не рядом с водителем (со мной то есть), как многие «половинки» наших друзей. Те хотят руководить процессом, чтоб, не дай бог, налево не повернул.

А ей вольготнее позади, там и просторнее, и дороги не видно, зряшных волнений-переживаний меньше, и покурить, и прочее... Из прочего она пиво уважает, покуривая при этом. Потягивает неторопливо из бутылочки. Или из баночки.

Вот баночка как-то мой мир и перевернула. Мы направлялись тогда к друзьям в их «домик в деревне». На полдороге завернули в супермаркет с модным нынче названием «Корона», затарились холодненьким баночным пивком, и дальше. Банки я к подруге на заднее сиденье загрузил, наказав (в шутку, само собой), чтобы все не выпивала. Она обещала. А

ехать оставалось всего ничего, минут двадцать.

Что касается курения в машине, тут я вполне лоялен. Хотя сам давно не дымлю, но к курильщикам терпим, лишь бы не сорили. С этим – строго. Не допускаю и возмущаюсь, если не соблюдают. И женке моей это хорошо известно, в отношении «не сорить».

Итак, вскоре добрались до дружеского приюта, там уже комитет по встрече в виде хозяев с ранее приехавшими гостями руками машет, дымок сладенький от мангала с шашлычками... Половинка моя из машинки выпорхнула и побежала обниматься.

А я сумку из багажника вытащил, баночки непечатые тоже туда покидал, смотрю, а та, из которой женушка потягивала, под задним сиденьем стоит. Взял ее, чувствую – не пустая... И по весу вроде есть там еще, и при встряхивании болгается.

Вот, думаю, как буквально поняла мое распоряжение «не все выпить». Заботливая. Оставила глоточек единственному... И, запрокинув голову, я оттуда и хватанул...

Теперь, когда слышу выражение «пивко с бычками», у меня опять возникает тот незабываемый вкус во рту. Своего рода фантомная боль. Какая же это гадость – заливная рыба!

Она, оказывается, чтоб не сорить ни в коем случае, в недопитую жестянку окурки побросала. И пепел из пепельницы, для пущей чистоты...

Наверное, без толку на воду дуть после молочного ожога,

но я с тех пор ей в дороге баночного пива не даю. Только в
стекле!

Ручная работа

«Мой дом – моя крепость» – изречение общеизвестное. И если хочешь в доме порядка да чистоты, врагов не пускай. Будь бдителен: враг может прятать свое истинное лицо даже под скромной личиной слесаря-сантехника. Не распознаешь вовремя – готовься к неприятностям. Бытовым, финансовым и многим другим. Могут и на деньги развести, и с женой!

Один мужчина, о котором пойдет разговор – человек очень серьезный и положительный. По специальности физик, электроникой занимается, в компьютерных делах просто дока. И от других, разумеется, ожидает схожего отношения к делу. Подобные чаяния, как известно, сбываются далеко не всегда... Часто шишки остаются. Правда, совсем не обязательно постоянно стремиться к одним и тем же граблям, но тут уж как повезет.

После очередного разочарования наш физик, делаясь в кругу друзей впечатлениями о горечи жизни, начал с такой вот притчи: «Говорят, как-то одного иностранца, провожая в аэропорту, спросили... А перед тем он с месяц был у нас на каком-то крутом оборонном или там тракторном производстве, в командировке – по обмену опытом, а может, наладке поставленного супер-оборудования, роботизированной поточной линии либо чего-то в таком же духе. Спросили, а как ему наша технология, достижения? Прогресс и вообще успе-

хи? То бишь предложили оценить, отметить положительное, покритиковать сомнительное, подчеркнуть отдельные отрицательные моменты, если последние, конечно, нашлись в нашей буче, боевой и кипучей. Он помялся немного и отвечает примерно так: «Детки, детишки у вас замечательные! А остальное, всё что руками делаете – никуда не годится!»

Мы все, друзья-однополчане, радовались, когда наш электронщик приобрел новое жилье. Хорошую, просторную трехкомнатную квартиру. Для них с женой и двумя девочками, на первый взгляд, все там было в порядке, но его боевую подругу не устроила отделка ванной. И туалета заодно. Ей было невдомек – милый друг, кроме прочих своих достоинств, отличается замечательной способностью выбирать себе помощников – ремонтников, слесарей, плиточников и тому подобное.

Андрей (так зовут физика) держался месяца четыре, но потом она его все-таки довела до решения «сделать по-человечески». Ну, и началось... Многие тогда тоже у себя делали, но как-то обходились без особого экстрима. Привлекались обычные ремонтники, как правило один, максимум – два, и в итоге выходила в основном польза.

Но уж если постараться... Он нашел целую бригаду из трех (!) мастеров различного профиля с отдельно оплачиваемым руководителем. Этот тип только так себя и называл, именно «руководитель». Надо отметить, руками он действительно водил очень энергично, направляя своих подручных.

Больше ничего не делал. Деньги, правда, тоже брал руками. Причем, как Андрюша потом признался, вперед.

Где наш герой такую бригаду откопал... Говорил, в газете., интернет у нас тогда только зарождался. Потом они признались: это был их первый совместный, как теперь модно называть, «проект». Я так подозреваю, и последний.

Начали ребята ретиво. Ознакомившись с фронтом предстоящих работ, первым делом в момент сняли и утащили два предмета – унитаза и раковину умывальника. И тут же начали с грохотом отбивать со стен и пола кафель, тоже одновременно в туалете и ванной.

Когда наниматель с ужасом осознал: личной гигиены больше нет и руки он может помыть не перед или после посещения туалета, а только вместо одного, причем на кухне, то возмущению его не было предела. Но руководитель крушителей уюта бодро успокоил, уводя бригаду на обеденный перерыв – как оказалось, двухдневный:

– Хозяин, ваши неудобства временные! Буквально пару дней потерпите, и все будет как в лучших домах!

Ну, положим, без еды взрослый человек дня два может обойтись, а вот чтобы, так сказать, наоборот – я, честно говоря, не представляю!

Вскоре выяснилось: два дня растянулись на две недели. Без умывальника выжить можно. И без унитаза тоже, по понятиям того «начальника». Для нашего, советского человека – что называется, как два пальца... Там, во дворе новопо-

строенной девятиэтажки, у подъездов кустики, сирень с шиповником. И соседи напротив повели себя достойно, неоднократно выручали. Еще хорошо, свекровь недалеко жила. У нее хоть всего-то двушка хрущевского типа, но согласилась приютить супругу страдальца с детьми на самое лихое время.

Умельцы-ремонтники между тем стремились к максимальному использованию современных технологий и инструментария. Повадились плитки подрезать-подгонять не примитивным резакон, а «болгаркой»! Поэтому дышать в квартире без респиратора стало просто невозможно. А пыль окончательно отмылась месяцев через десять.

К исходу третьей недели бригада в основном закончила начатое. Правда, укреплять новый унитаз, чтоб не шатался, плиточные швы фуговать, сток для стиральной машины герметизировать, двери устанавливать, вешалку для белья, светильники и еще кое-что по мелочи присобачивать хозяину пришлось самому. Но он молодцом, парень рукастый, справился. Тем более деньги-то уже уплачены. Да и оказалось это только началом его хлопот, ибо через полгода новомодные трубы, проложенные в стене высокооплаченными ремонтниками, дали течь. И при этом скрытую, то есть прямо к соседям снизу.

Как раз с нижними взаимопонимания не получилось. У них тоже оказался только-только завершенным сантехнический ремонт, только значительно дороже. Мебель там еще

размокла какая-то уж больно крутая. Андрей, подсчитав, с грустью сообщил: каждая кафельная плитка ему в итоге баксов по десять обошлась...

А в заключение горестного рассказа добавил главное. На счет развода жена его все-таки обманула. Грозилась-грози-лась уйти от недотепы, да и не сдержала слова. Бессовестная!..

Еще водички?

Вспомнился реальный случай из собачьей жизни. Ну, и человечесьей, само собой. Дело было в самом начале девяностых, еще при Союзе.

В одном из тогдашних так называемых военных городков на окраине нашей столицы, на втором этаже обычной блочной пятиэтажки поселилась прибывшая после ликвидации Западной группы войск обычная офицерская семья – муж, жена да сын с дочкой. И собачка с ними приехала.

Этого мальчика они прямо там в демократической Германии раздобыли. Теперь доберманы, ротвейлеры и разные шнауцеры не в диковинку, а тогда встречались редко.

Рокки был огромным, очень вышколенным, дисциплинированным доберманом. Рост в холке сантиметров семьдесят, вес за полцентнера, в общем, зверь. Но без команды – кусок мяса с полу не возьмет, дети на нем вообще верхом катались.

На коврике своем у балконной двери лежит – как будто и нет его. Как-то подались они всей семьей в бассейн, а в квартире сидела одна их племянница лет четырнадцати, приехавшая погостить на каникулах.

Кодовых замков, тем более домофонов со стальными дверями в подъездах тогда, конечно, не водилось. Ну, а личности без определенных занятий и места жительства уже развелись. И вот такой экземпляр забрел в сей подъезд и давай

тыкаться во все двери подряд. Чего искал – неизвестно, но у них дверь незапертой оказалась. Не было у прибывших из благополучной страны привычки ее замыкать. К слову сказать, при наличии сторожа наподобие Рокки это представлялось и необязательным.

Непрошенный визитер дверь толкнул, она подалась. При Эс-Эс-Эс-Эре все наши двери внутрь открывались. На входе у них висели такие типа японские или китайские трубочки-звоночки, забрякали. Девочка вышла навстречу, думала, хозяйева, а тут «экземпляр» входит и бормочет: «Водички, мол, да и стаканчик с собой для дальнейшего употребления»... Она отвечает: «Воды – пожалуйста, а стакан без хозяев дать не могу». «А-а-а», – ободрился жаждущий, – «Так ты одна? Тогда по-другому пообщаемся!»

И к ней, по-видимому, с нехорошими намерениями.

Она только успела пискнуть: «Рокки!»

Уже через секунду-другую нарушитель распластался на площадке между этажами, а над ним, поставив лапу на грудь и улыбаясь во весь ротик с зубками по пять-шесть сантиметров, сидел наш парень из ГДР...

Примерно через полчаса хозяин снял его с поста, а «гостю» предложил: «Еще водички?» Конечно, лужу за собой бедолага вытер, но перебивать все равно пришлось. И сквозное проветривание подъезда длилось не один день – чистота ж залог, как говорится.

Приступ

В советской армейской медицине новшества приживались медленно. Ну, что до лечения больных да раненых с травмированными, то там консерватизм вполне оправданный – вековые наставления, правила, инструкции... Их не то что обойти – на шаг отступить недопустимо.

Но были свои традиции и в такой мелочи, как скрепление документов. Бумажки надо было подклеивать. Если временно – то скрепками. Или скоросшивателем. Но он только называется «скоро». А на деле – сначала дыроколом пробей, потом в специальной папке этикие рожки с ползунками... Технология!

И вдруг в нашей медицинской роте откуда-то появился СТЕПЛЕР! Я подозреваю – просто купил его наш начмед, майор. И на стол положил. В готовности к работе, со скобками уже – листы вставил, нажал, щелкнуло – и не оторвешь.

Для военных, приходивших на прием, у нас при входе было предусмотрено несколько вешалок, чтобы в шинелях-бушлатах по кабинетам не шатались. Как бы гардероб, и рядом всегда дежурил солдатик из выздоравливающих, на всякий случай. Воровства не замечали, но все же – лучше двое дежурных, чем один скандал. Офицеры ведь тоже там раздевались. А врачи – в отдельных шкафчиках.

Командир роты с начмедом, те свой кабинетик имели, в

дальнем конце коридора. Но и в самом ближнем большом кабинете, служившем ординаторской, вешалка стояла – блестящая такая, никелированная, на четыре рожка. Всё хотели убрать, да руки не доходили. И самые из нас ленивые, два-три лейтенанта, свои шинели именно на ней иногда и оставляли.

Как-то утром пришедший одним из первых фельдшер прапорщик Саня, «в миру» биолог с высшим образованием, заметил висящую на этой самой неположенной вешалке шинель. И решил подшутить. Думал недолго – взял степлер, да рукава у одежды этой самой и зашил. Скобок не пожалел, штук десять использовал... На погоны и не глянул.

А наш стоматолог в это самое время, оказывается, уже пациента пользовал, да не кого попало, а начальника штаба. Его начмед привел и, чтобы в почти стерильный кабинет в верхней одежде не вести, предложил раздеться прямо вот тут, напротив, в ординаторской...

Полковник пломбочку в зуб получил, рот закрыл. К майору заглянул попрощаться (вежливый был, на Санино счастье). Заходят они вдвоем в ординаторскую...

Мы, присутствовавшие подчиненные майора, встаем по команде «товарищи офицеры!» Майору было к вешалке – шинель взять, помочь гостю одеться...

Кому повезло хотя бы раз увидеть вблизи эпилептический припадок, это зрелище не забудет уже никогда. Впечатляет... Полковника, видимо, тоже проняло.

Раздался характерный крик-хрип, Саня вдруг выгнулся дугой, рухнул на спину прямо на пол, между майором и вешалкой, и забился в корчах... Глаза закатил, изо рта что-то вроде пены розовой... Классика!

Начмед ошеломленного штабиста быстренько за дверь, нам бросил: «Помощь окажите!» Мы к больному... А он вскочил, шинель схватил, рукава давай рвать...

Майор через пару минут опять зашел, полковничью вещицу взять, а «пациент» уже потихоньку в себя приходит. Бледный такой, потный, дрожит весь...

Шутник, блин! С полгода мы его «щелкунчиком» звали...

Каждому – свое

Каждому – свое, или о пуританах и сарафанах

Женщина! За что тебя сочли
Неподходящей или недостойной?
Походя, мельком пренебрегли...
Не мешают рожки спать спокойно?

Со стороны

«Мы выбираем, нас выбирают...» Эта песенка в числе прочих тоже прозвучала в шикарном исполнении трио слегка подвыпивших подружек. Если бы не проблемы выбора, такая удачная встреча получилась! Хотя, в общем, и так неплохо вышло.

Гуляночка шла на кухне в одном из трех «ДОСов» – домов офицерского состава. Теплая компашка обмывала свеженькие капитанские звездочки хозяина. Ему крупно повезло после училища попасть на эту «точку», и должность получил хорошую, рос быстро.

Тесть, профессор столичного ВУЗа, утверждал: мол без его забот-хлопот не обошлось, но Лешка с полным основанием возражал: «А идти первым по распределению, имея за все годы учебы только отличные оценки по всем (!) предметам – тоже женкин папашка расстарался?!»

Таких зенитно-ракетных позиций, попросту «точек», в

наших просторах было наставлено изрядно, по периметру центров бывших союзных республик. В твердой руке держали, так сказать, ключи от неба Родины. Другие города – так-сяк, а столицы, от Москвы до самых до окраин, полагалось прикрывать понадежнее. Вот и стояли локаторщики с ракетчиками на боевом дежурстве круглосуточно и в любую погоду.

Гостеприимная Лешина жена Вероника – одна из трех собравшихся в тот вечер однокурсниц по медицинскому.

Встречались, к сожалению, с каждым годом все реже, но серьезных поводов, как этот, «звездный», не упустили.

Вера считалась среди них старшей, не по паспорту, а по-житейски. У нее супружеский стаж больше трудового, на четвертом курсе вышла за курсанта, выпускника военно-инженерного училища. «Кадета», как модно было говорить. Еще сидели за столом Наташа с мужем Антоном и Маша, пока незамужняя (она поправляла – «свободная, дуры!»). Дружили в институте – не разлей вода, редкость для барышень. Их как-то хотели на курсе окрестить «Вера, Надежда, Любовь» но не прижилось.

А месяц назад Вера почему-то всерьез озаботилась устройством Машкиной судьбы. И муженек с ее подачи пригласил Саню – молодого бравого лейтенанта, своего перспективного подчиненного. Познакомить с подругой для возможного продолжения – чем черт не шутит.

Кандидат в женихи происходил из семьи педагогов, ма-

мы-русицы и папы-физика. Рослый, широкоплечий, светло-волосый. Красавец! Румянец как признак отменного здоровья, ясные голубые глаза. Словом, парень хоть куда. И, хорошо это понимая, полагал себя таким Аполлоном.

Вот и сложилась веселая компания. Три пары – две законных, третья номинальная. Сидели, угощались, играли на гитаре и пели как умели, танцевали под магнитофон при свечах... Развлекались на всю катушку. В алкогольном аспекте, кстати, вели себя довольно умеренно.

Медички, давно известно – девушки особенные. За словом ни в карман, ни в рюкзак не лезят, и в выражениях не стесняются. Тем более, все в общем-то свои. Наташкин Антон – вообще доктор, хирург, его ничем таким не удивишь, сам кого угодно в краску вгонит.

Алексей тоже имел к их словечкам и проделкам стойкий иммунитет. По супружескому долгу, если можно так выразиться, с третьего курса отирался в обществе жениных подружек. В общагу к ним был вхож, посмотрелся-наслушался всякого-разного, привык, да и склад характера имел философски-созерцательный.

Застолье происходило аккуратно посерединке лета восьмидесят пятого. Тепло, приятно. Дамы были одеты по погоде – легко, вольготно. Хотя Вероника уже третий год растила первого сынишку и планировала второго ребенка, но фигуркой оставалась на загляденье. В нарядах ни хозяйка, ни гости не скромничали, вообще все трое смотрелись очень аппетитно.

Вот о нарядах – отдельно. Красавицы-подружки, как сговорившись, решили продемонстрировать разнообразие, но весьма откровенные сарафаны. Если позакovskyристей – фривольные. У хозяйки – джинсовый, подруги в ситцевых, но тоже на уровне. С обнаженными спинами, плечами, декольте... Мужскому взгляду было за что зацепиться!

Алексей

Ничего не скажешь, с женой повезло. Красивая (а как же!), по дому всегда порядок, наследника подарила, и готовит, и остальное... Без этого, остального, баба – не жена, а просто кукла.

Вот мне с любой красоткой через день надоело бы, если дура, или чересчур умная, в смысле серьезная. А у нее и подружки подобрались, как по заказу! Говори о чем угодно – поймут... сапоги-ракеты не в счет... и посмеются, и спеть, сплясать – все как надо...

Да, от их лексикончика непривычное ухо щемит. Может показаться – «прости господи» какие-то. Но – видно же, что на словах. А на деле надежней моей Верки, например, не бывает.

Санька, если сможет Марью заполучить, не прогадает. Похоже, она ему приглянулась. Встревать не буду, не на первом курсе, сам с усам, должен разобраться. Язычок у нее острый, не без этого. И чуть старше, но три-четыре года – не разница, для него, лопуха, может, и лучше.

Вообще-то, похоже, ему наша бригада не в жилу... Разо-

шлись дамы... Давно не виделись, само собой. Ладно, поймет – если я не лезу, значит, все под контролем. Пусть пообщается с нормальными девками, когда еще придется...

Маша

Все-таки, похоже, теленочек... или скорее козленок этот ваш Сашенька, хотя с виду и взрослый. Нарциссик. Явно не гусар, нет. Ишь как его передернуло, когда я оказалась в таком прикиде. А что мне, летом в шубе до пят ходить?

Жаль, можно было бы познакомиться с мальчиком, тем более, сейчас свободна, как птица. Подкачал недавний дружок-женишок. Сначала шло вроде нормально, а при ближайшем рассмотрении все всплыло, что не тонет... Еще и женатиком оказался. А нам чужого не надо! Ученые уже.

А Наталья – умница! Эту «Черную моль» с папирской на губе и томным взглядом паренек не скоро забудет! Прямо заколбасило бедненького.

Вот гляжу и думаю: а может, он и вправду такой? Под два метра вымахал, а сам нецелован-небалован, и танцую только шейк?

Да хрен с ним, будем отдыхать, пускай само определяет, навязываться не станем. Но и скромничать, глазки в пол, губки бантиком – не дождетесь!

Саша

Эх, ну надо же! Лешка, командир, «старший брат» называется! И Верка с ним заодно... Кого мне подсунуть решили? Да на ней, Машке этой, похоже, клейма негде поставить!

Ишь, зыркает...

Ну да, меня опытным назвать нельзя, хотя было уже кое-что. Правда, один раз только, с коровой этой... Вспоминать тошно! Да ладно, первый блин...

Тогда, после выпускного, на лавочке за нашим кадетским клубом – Домом Офицеров назвать язык не повернется, она фактически сама меня и поймела. Потом мямлила что-то вроде: «А если ребеночек получится, мы навсегда будем вместе?» Шлюха! Она и не на меня одного в тот вечер вешалась...

А эти – ну разве можно в таких платьях разгуливать? Голые практически! И бретельки норовят с плеча спустить, якобы случайно, ну-ну...

Еще песни! Антон, правда, начал достойно... Из Визбора, Окуджавы. Так бы и дальше! Так нет, эта оторва сбила. Он, оказывается, чтоб шалаве угодить, может при своей жене, жене друга матерные словечки распевать! «Пров Кузьмич», надо же! И остальное... Урод!

И Наташка его хороша. Играет, поет классно: «Господа офицеры», нормально все. А потом – пошло-поехало! «Я проститутка, дочь камергера...» Еще и сигарету мусолит, и смотрит, будто приценивается. Зараза!

Как танцевать стали, просто с ума сойти. Ну, эта Машка дает... вообще без тормозов! Прижалась, у меня штаны чуть не лопнули!

А сама улыбается: «Похоже, Саша, у вас температура, не

заболели?..» Ага, температура... яйца чуть не сварились. Хватит с меня танцев. И пить больше не буду, а то точно может окрутить, по ней видно.

Я-то ей понравился, сразу заметил. Ясень пень, а как же иначе? Выше всех, подтянут, одеколон хороший, почти не курю и не ругаюсь через слово, как тот же низенький Тошка. Уже и лысеть начал, х-хирург...

Со стороны

У Сани, при всей его мужественной внешности, уши периодически краснели. Были б листьями клена или тополя, уже увяли бы и облетели.

Между тем застолье шло своим чередом. Хозяин организовал шашлычки. Друзьям даже не понадобилось костры-мангалы разводить: заготовленное мясо его батарейный повар, из горцев, на углях аккуратно изжарил, как полагается, сообщил о готовности. Капитан не стал бойца озадачивать, сам метнулся, и все путем...

Вот и до красненького дошло, специально привезенного из братской Абхазии, «хванчкара». Класс! Под него шашлык – как к себе домой, да и приготовлен что надо. Сразу видно, хороший командир Лешка. Умеет задачу поставить...

А лейтенант почему-то приуныл и вдруг завел неожиданный разговор. Начал издали, довольно туманно. Типа, у военных служба особенная, себе не принадлежим, и поэтому чрезвычайно важен крепкий тыл.

Наташа не упустила случая встрять, верна мундиру, то

бишь халату:

– Тыл – в смысле зад? Вы уж не жопу ли жены подразумеваете, парниша?

Но Сашок не дал себя сбить с пути истинного, продолжал гнуть свою линию.

– Вот вы не понимаете, а мне кажется, честность и верность – самое главное в семье, особенно для жены офицера! Если командир уверен в своей боевой подруге, то и служится ему веселей, и любые задачи будет решать успешно. Так должно быть, не смейтесь!

– Ну-с, – интересуется Наталья, – А как же определить эту самую честность? Путем непосредственной, гм, проверки претенденток? Ты ж всех, пардон, перепортишь!

Саня даже побледнел слегка, желваками задвигал.

– Это – сразу видно! Если ведет себя скромно, не курит, не пьет, не выражается! – лейтенант слегка привстал, похлопал по столу ладонью для убедительности – И одевается нормально, не выставляется на общее обозрение, не штукатуруется, не тягается где и с кем попало...

Вот тут и случилось главное в тот вечер! Крещендо, перешедшее прямо в эндшпиль...

Маша

Да он же просто дурак! Как я сразу не разглядела? Вот и вправду, век живи – век учись... При всей фактуре, и взгляд вроде не тупой, читать умеет, от стаканчика не шарахается. А настоящее личико – вот оно!

Поначалу заметно резанули его по глазу плечи-спинка-декольте, дальше больше – закурила, да пару легоньких матерков ввернула для куражу, и стало его понемногу корезить.

Ладно, думаю, сейчас мы тебя, милоч, протестируем... В разгар танцевальной программы прильнула слегка к молодецкой груди. Тоненький ситец – не преграда, эффект налицо – напрягся, глаза на лоб. Думает, сейчас на него прыгну и ножки врозь...

Ну-ну... Эх, молодо-зелено! А басенку про лисичку с виноградином в школе проходили?..

Под шашлык грузинского винца добавили. Вот после стаканчика красненького мальчонка и проявился, завел волюнку – честность, скромность, верность! Мне показалось, с намеком – нам такого вашего не надобно, скуем личное счастье своею собственной рукой. Правой... Или он левша?

И тут подруга выдала! Исподволь начала, якобы в тему, про скромность и тому подобное. Умеет Наташка по-тихому мину подвести. Вроде как быть. Ну, почти. Мы-то с Верой слышали, это ее коронный номер, а Лешке не пришлось, и этому, бедненькому, как серпом...

«В одной стране, одном городе был у отца сын. Вырос, жениться пора. Он к предку за советом, как жену выбирать. Отец: «Показывай девушкам свой этот самый, которая не будет знать, как сей предмет называется, та непорочная, ту и бери в жены!» Немало походил-поездил сын, повидал раз-

ных, ни одна не подходила. Но как-то в Марселе встретил девушку, пообщался, подходящий момент подобрал и спрашивает: «Что это?» Та отвечает: «Писька...»

Ну, наконец-то! Нашел! Сыграли свадьбу, и он при укладывании в супружеское ложе объясняет новобрачной, гордо показывая орган: «Вот видишь, дорогая? Это называется х...й...»

А невинная красавица в ответ: «Что-о-о?! Это – х...й?!.. Вот неделю назад драл меня боцман с Ямайки, так там был х...й!!! А это – ПИ-ИСЬКА!»

Что наш вьюноша в обморок не грохнулся – просто удивительно. Но удар пропустил, ниже пояса. Он смелости набрался, и в бой, с румянцем на щеках...

– А вам, бабам, одно на уме, и надо только чтобы вас каждый день как следует... Ну... – прямо сказать не может, продолжает полупшепотом... – Это... трахали...

Я возьми да спроси:

– Каждый-каждый день?

Он: – Ну...

Тошка, видно, подыграть хотел. А получилось – добил беднягу-скромника.

– Жестокий вы, Саша! Каждый день? Е...ать? Живого человека?!

Все, писец, кончились смотрины...

Александр

Да что они себе позволяют?! Ничего себе компания у на-

шего командира с его женошкой молоденькой, с виду скромненькой!

Понятно, они все по образованию медики, в их профессии, говорят, без доли цинизма не обходится. Но тут же никакая не доля – сплошной цинизм и ничего кроме!

О том, чтобы дальше участвовать в этой оргии, речи быть не может. Этак они еще и групповуху затеют, с них станется!

А между прочим, я ведь не просто так о скромности распинался. Не сказал, и хорошо – обхамили бы. Есть у меня на примете славная девчушка, в моем райцентре подрастает, уже на втором курсе торгового техникума. Как окончит, свадебку организуем.

Маме Света очень нравится. Вот у нее голых плеч, спины да бедер никто посторонний не увидит! И рукава на платьях выше локтя не бывают. Умница! И не мажется, ну, может, глазки-реснички милые подведет слегка.

Видимся редко, но это и неплохо. Пишет, ждет. К окончанию ее учебы мне старлея получать, все будет путем! На этой точке начнем, подпол обещает сразу в строящемся ДО-Се однокомнатную хибару дать.

Отличная перспектива, и вполне обойдусь без ваших голоплечих, опытных, раскрашенных... Она, Машка эта, и старше на четыре года... Мне это надо?

Антон

Мы ехали шагом... А потом помчались, но боя не вышло. Неприятель предпочел ретироваться – едва «...Мы грянули

«Ура!» – бросив окопы, бежали юнкера...»²

Да, только надо отдельно – «не приятель». В приятели я лично этакий экземпляр записывать бы не стал. Из разных мы песочниц, как выражается моя женушка. Молодой еще, конечно, но, похоже, он и с возрастом ума не наберется. Мужик, не способный отличить явно показное от истинного, на мой взгляд, мало чего стоит. А если еще и юмора не понимает...

Ну ты же людей первый раз видишь, присмотришь! Да, возможно, превысили дозу, не следовало так сразу все на него вываливать. Но он-то не школьник, в мужском коллективе служил, служит не в монастыре...

И еще. Перед тобой старший товарищ, командир. Вот и бери пример, «делай, как я». Лешка же ясно давал понять: спокойно, парень, не дергайся!

За столом без Сашеньки стало, по-моему, веселее. Напряжение ушло, что ли. А Вера слегка расстроилась: «Эх, смотрины сорвались». Ну да, смотритель слинял. Но – отряд не заметил потери бойца... Наташка прокомментировала в своем стиле: без постной рожи напротив ей шашлычок вкуснее показался.

Леша, правда, задумался и предположил: бравый лейтенант теперь, чего доброго, рапорт подаст о переводе куда-нибудь подальше от вертепа... скажем, на Кушку!.. По мне – скатертью дорожка...

² Слова из песни «Гулял по Уралу Чапаев-герой»

Со стороны, чуть позже

Все течет, и кое-что меняется. Прошло время – не слишком много, три года всего.

К Веронике, уже наблюдающей первые шаги дочурки, заглянула соседка, тихоня Светлана. Жена старшего лейтенанта Александра, Лешкиного зама, да-да, того самого.

ДОСы все рядом, и забежать – не проблема. А от крайнего, где поселилась молодая семья, можно практически ни для кого незаметно выйти через лесок на шоссе, к автобусной остановке. Можно на рейсовый, на маршрутку, и попутка – не проблема. И через полчаса ты – в большом красивом городе, полном огней, ресторанов, кафе, баров и прочих искушений-развлечений...

– Вероничка, будь другом...

– Что, как обычно? Грим-камуфляж?

– Ну да, мой в наряде, до утра точно из бункера не вылезет. Все успею, в лучшем виде.

– Ох, подруга, гляди, не подцепи чего ненароком...

– Да ну, ты кого учишь? Я ж без резинки «здрассти» не скажу, если только по-французски... А не дай боже вдруг... Не бросишь в беде, сведешь с кем надо?..

– Ладно, не каркай. Но сдуру всяко бывает, так что головы-то не теряй.

– Верочка, ну ты же никому?..

– Обижаешь, мать...

– Так я сарафанчик послезавтра, после стирки верну?

– Брось, не мелочись, не ровен час твой рогач-строгач усе-
чет, мало не покажется! Сама постираю. Заметем следы по-
двигов боевой подруги ...

Кто ошибется, кто угадает?

Разное счастье нам выпадает...

Удар в спину

Когда в семье лад да согласие, это хорошо. Мне кажется, почти уверен – и работа домашняя при этом лучше спорится.

У нас с женой, например, никогда не было деления: типа это, мол, мужская работа, а то – женская. Вот все, что касается мытья посуды, особенно после гостевых всяких посиделок – обычно я брал на себя. До определенного дня.

Тогда Новый год, что ли, отметили... А у нас в ту пору уже жильё просторное образовалось, трехкомнатная квартира. Друзья практически еще и не мечтали о таком. Поэтому принимали всегда мы.

Хотя жили скромно, даже порой скудно, но всем всего хватало, да и приходили гости не с пустыми руками, типа складчины получалось, весело, шумно, сейчас сказали бы, тусовочка окейная.

А как угомонятся приезжие, а местные по домам разойдутся, тут я и за посуду принимался. И чтобы не сильно себя обижать, конечно, рюмашка при мне. Ну и еще – наловчился я запасец себе на утро оставлять.

У нас тогда на кухне так называемый «буфет» стоял, там верхняя часть – застекленная, для красивой посуды, значит. Вот хрустальные рюмки-стаканчики там и помещались. Рюмки в том числе емкие такие были. Ну, может, и не сто граммов-миллилитров, но уж не менее восьмидесяти. Самое

то, я вам скажу!

Так вот я одну такую доверху беленькой наполню, она в ряду других стоит за стеклом – от пустой визуально не отличишь. И жена да дочка заначку папкину не увидят, за алкаша не сочтут.

А с утра я на кухню, рюмочку принял, и снова живой! И тогда заскочил, типа за чашечкой, ложечкой какой-нибудь. Жена с дочкой и ночевавшей у нас подружкой под чаек да кофеек в телевизор глядятся, «С легким паром» идет очередной раз.

Я огурчик маринованный ма-аленький на вилочку, заначку свою заветную аккуратненько из-за стекла...

Половинку отпил, и чувствую – что-то не то! Ну неужели водочка неправильная?! Выдохлась за полночи вконец?

Остальное пробую, приговаривая вполголоса непечатно...

И тут из-за двери: «Хи-хи-хи, ха-ха-ха!.. Накололи лопуха!». И приплясывают, счастливые такие. Как дал бы!

Но едва глаза мои увидели, говорят: ладно, не плачь, мы ж не вылили, она вон в холодильнике... Да только расхотелось мне. И это дело принимать, и посуду мыть!

Уже ничего

В девяностые нашим друзьям повезло, переехали в новенькую кооперативную «двушку» на двенадцатом этаже. Лифт, как водится, не всегда работал, но по молодости – не проблема, особенно если вниз. Ну, а вверх – тут уж, как говорится «хочешь – иди, очень хочешь – беги...»

У них незадолго до того и собачка завелась. Саша, по подобию небезызвестного конвейерного пионера Форда, о собачьих породах такого мнения: она может быть любой, при одном условии: это – черный ризен-шнауцер. Вот и появилась у них псина по имени Тина.

Ризены вообще не мелкие, а эта, хоть и породистая, от надежных заводчиков, не совсем удалась экстерьером. «Перетягивала» в габаритах. На специальных собачьих выставках, где они получают медали с дипломами, судьи хоть и отмечали неплохую дрессуру и пропорции, пару раз делали замечания: для барышни крупновата. Да и для мальчика, если уж придраться. Но в отношении собачки, чья функция – охрана, это и неплохо.

И еще имелся у нее минус, даже два. Из хозяев главным признавала только Сашу. Остальным – Лене и дочке, Маринке – не то чтобы не подчинялась, а скорее считала своими подопечными, которых можно и нужно построить, дабы не разбегались и не шалили. А второй минус – аппетит просто

исключительный, прямо скажем, неумемный. Саша-то справлялся, правда, получалось громковато.

Это еще на шестом этаже было. Двор у того дома обустроен неплохо, у подъездов лавочки, в теплую погоду обычно там бабушки сидели, обстановку контролировали. Вот они как-то и говорят Лене: «Твой-то строгий какой!» И с жалостью на нее глядят.

Она, конечно, соглашается, не понимает: это сердобольные ее жалеют после услышанного сверху – собаку, щеночка еще, они за объект воспитания не считали. Лена от природы худенькая была, а получалось – как результат мужниной строгости. Это я вот к чему.

Там, в панельном доме, стены и окна не сдерживали Сашиного рыка: «Ты что делаешь, скотина? Кто разрешил еду брать?!» или: «А ну пошла вон с кухни, сучка!». А с ризенами сызмальства пожестче надо, иначе вообще на голову садятся, это вам любой собачник скажет.

Саша еще и кулинарить любит иногда, вкусноты всякие выготавливает, даже выпечку, редкость для мужика. И тогда, накануне то ли первого, то ли девятого мая, он испек торт типа «Наполеон», около килограмма, сверху еще украсил всякими кремовыми штучками, в холодильник спрятал, а с утра к родителям своим засобирался, поздравить.

Жена у окошка на кухне сидела – читала, покуривала. Есть у нее такая привычка, не бережет здоровье. Тина смиренно полеживает на своем коврикe у кухонной двери, дремлет

как бы. Сумку он уложил, поставил у выхода из квартиры, оделся, обулся. Только торт на большущем таком блюде из холодильника извлек, на стол поместил, осталось накрыть, увязать, и тут телефон – дзинь!

Аппарат у них стоял на полочке в коридоре. Это родители: поспешай, мол. Саша два слова сказал, сумку ухватил и вниз помчался – он для оперативности один к ним ездил, без жены и дочери.

Она через минуту глянула – торт забыл, прикинула – сейчас у подъезда перехвачу, на табурет вскочила (пять секунд), в форточку выглянула (еще три), видит выходящего мужа.

– Саша-а-а!

Саша голову поднял:

– Что?

Оглянулась, а на месте торта – пустое и даже блестящее блюдо. Зверюга и вылизать успела...

– Уже ничего!

А был целый килограмм, да с кремом...

XXXXI, или про рубашку-распашонку

В Советском Союзе мы одевались проще. Всяких разных икс-игрек-эль-эм-эс не знали. Одежда имела цифровые размеры, все сразу понятно. Если у девушки сорок четвертый или у дамочки сорок восьмой – то, что надо. А за полсотни – это уже чисто по мужской части.

Хотя ясно ведь: в одну рубашку, какой буквой или цифрой ее ни обозначь, больше одного мужика не впихнешь... Но – «суха теория, мой друг...», а на практике иногда выходило совсем по-иному.

Как-то зимой порой гвардейский зенитно-ракетный дивизион проводил плановые стрельбы. Это тогда делалось в казахстанских степях, где на безлюдье был специальный полигон, чтоб ракета, у них называвшаяся «изделие» в случае чего беды не натворила.

Если кто не понял, то до Байконура от тех «стрельбищ» рукой подать, верст пятьсот всего. Плотность местного населения полтора человека да три сайгака на квадратный километр, и космическая ракета упадет – никого не заденет, что там зенитная.

Отстрелялись они, оценка хорошая. А хочется же отличную. И для повышения оной предложили командиру метал-

лолом подсобрать, но не простой, а цветной. Алюминий в основном. Солдатики по полю погонять, остатки сбитых мишеней да ракет поискать, в кучу сгрести и сдать. И воздастся за это доброе дело.

Вот и приступили, организовали три бригады на грузовиках «Урал». В каждой – офицер, чтобы отличали цветной лом от черного да что попало не хватали. Связью обеспечили.

Стрельбы-пуски на полигоне идут регулярно, и с месяц до них там тоже стреляли, такими же ракетами. У предыдущих снайперов имел место необычный случай – изделие после пуска не полетело к мишени, не взорвалось, а совершило типа мягкую посадку на землю, точнее, на снег, целехоньким. Даже не помялось.

Красавицу тогда же отыскать бы да ликвидировать, но тем стражам небес такую задачу не ставили. Вот ее-то и нашла одна из наших бригад. Обрадовались очень – получается, цветмета сразу ой-ей-ей сколько, больше искать и не надо! Не меньше центнера. Навроде якоря в мультфильме про Чебурашку с крокодилом Геной, только те от корабля оторвали, а тут – валяется, хватай не глядя. По рации связались с командиром, доложили.

Здесь и начинается история с рубашкой. Он-то военный, уставы с наставлениями ему ли не знать! А там везде черным по белому: неразорвавшиеся боеприпасы, в их числе снаряды, фугасы, мины, гранаты, ракеты, торпеды и прочие бя-

ки-закаляки, сбору не подлежат! Их не то что трогать, кантовать, грузить, перевозить и тому подобное – к ним приближаться нельзя. Сказать об этом «опасно» – все равно как ничего не сказать. Чрезвычайно, смертельно опасно – будет правильнее.

Но и бездействовать не надо. Следует обозначить место такого предмета, сообщить саперам или начальству полигонному, а они уж займутся вредной штукой. Чаще всего – подорвут, причем бесконтактно. Ибо в нашем случае, например, в ракете для «Осы» около десятка кило только тротила. Не считая еще несгоревшего твердого топлива – тоже не подарок.

Но! Но... Нам же металл нужен! До зарезу. Или до смерти... И доблестный майор, имевший, между прочим, реальный боевой опыт где-то на тонком Востоке, дает команду волочь ценную находку прямо в лагерь вверенного ему дивизиона.

Как ее грузили в тот «Урал», чем укутывали, чтоб не растрясло – не по асфальту ехали, по целине... почему не рванула по дороге – никто не знает. Известно только: уложили в кузов, носом кзади.

По прибытии в лагерь грузовик поставили у границы парка. Парк у военных – это не аллеи со скамеечками, а огороженный участок, где размещается техника. Стоянка вышла аккурат вдоль места построения личного состава, не более чем в полусотне метров перед строем.

Как раз «развод» шел. Проще говоря, раздача очередных задач. Все, более ста солдат, сержантов, офицеров и прапорщиков, выстроились. Четверо доставивших находку тоже заняли свои места.

А боевой командир решил заняться металлоломом лично. Пригласил в компанию своего заместителя по вооружению – тоже майора, и, велев начальнику штаба (майору, разумеется) продолжать раздачу личному составу слонов и пряников, забрался в кузов к «трофею».

У него с собой, как после говорили, какой-то прибор был. Тестер или что-то похожее. На ракете есть особые разъемы, в них после долгого хранения замеряют некие потенциалы. Готовность к полету проверяют, что ли.

Я вот думаю, а может, наши герои в разъем ток подали? Но об этом теперь только Богу известно. Или, наоборот, его рогато-копытному антиподу...

Опять же, другой майор, который не главный, а зам по оружию, он-то обязан был сообразить... хотя бы усомниться: а может, не надо уже запущенную ракету трогать? Или просто чем-то под шапкой о чем-то думал? Вместо того чтобы командиру сказать – дескать, стой, чудак! На букву «М»...

А у них вышло как в анекдоте про обезьян, что бомбу пилили. Им говорят: «Дуры, она ж взорвется!» А они – «Ну и бог с ней, у нас еще одна есть...» Короче говоря, через минуту после восхождения майоров в кузов к «изделию», грохнуло. Или бабахнуло, можно и так.

В том, что дивизион уцелел, некоторые мистику искали. Каким-то крылом белым их там заслонило или полем невидимым... Никого даже не поцарапало.

А ведь в той летающей дуре погибели конструктивно хватало на всех гвардейцев, с избытком. Когда разбирались, что да как, возникли мнения, будто невозможно такое. Они же были смертники в том строю! В теории.

Ну а практически – во как. Направление все решило... И размер. Узковат кузов «Урала» – это в той истории главное. Когда нашли, хотели «ценность» за кабиной положить, поперек машины, так тряска меньше. Но – не влезла.

Вот и разгадка чуду. У зенитных ракет особое устройство. Осколки после подрыва боевой части – пятнадцати килограммов взрывчатки со специальными «элементами», чтоб вдребезги разнести любой самолет – образуют подобие облачка, летящего в основном вперед, то есть куда нос направлен. По сторонам разлет небольшой. Всё в степь и ушло.

В результате наши сто с лишним отделались временной глухотой плюс психотравмой – испугом или ужасом с мокрыми штанами. Можно понять – не каждый день на твоих глазах от двух майоров только шапки-ушанки остаются. С ослиными ушами внутри.

Им потом единственный выживший майор, который начальник штаба (он-то не дурак, на машину не полез!), так и сказал. Всех построил и подвел счастливый итог:

– Похоже, братцы, мы все в рубашке родились!

Закономерный вопрос: какого же она должна быть размера? По-моему, ту одежду не иксами-игреками мерить надо. Никакой азбуки не хватит с таблицей умножения в придачу...

Страшный зверь

Согласитесь: кот, убегающий от собаки – зрелище довольно привычное. И в нашем дворе мне тоже неоднократно приходилось такое наблюдать. Видел, как мурлыка в панике взлетала на дерево, а потом ее приходилось снимать.

Однажды наши соседи своего питомца рыжего сами достать не смогли, вызывали спасателей. Те, правда, слова не сказали, приехали на красной спецмашине с раздвижной штуковиной, помогли горю.

Нам как-то досталось совершенно необычное создание. Жена под дверью поликлиники подобрала маленькую черную пушистую кошечку, принесла домой. Назвали найденыша Симой, выросла в настоящую красавицу. Была у этой кошки особенность – редкостное бесстрашие.

Хотя мы жили на восьмом этаже, гулять она ходила ежедневно. В любую погоду, зимой и летом. Подойдет к двери, мяучит, пока не выпустишь. Двери подъезда тогда еще были обычные, без замка с домофоном, ей выйти и вернуться проблемы не составляло. По часу-полтора прогуливалась.

И периодически мы наблюдали совершенно не типичную для взаимоотношений кот-пес сцену. В квартире напротив обитал спаниель. Он тоже, естественно, гулять выходил, но с хозяином, иногда по возвращении отставал, преодолевал последние лестничные марши уже один и встречал нашу киску.

Так она его домой не пускала! Сидит на площадке, шипит и хвостом постукивает... А он, бедняга, скулит, огрызок свой хвостообразный поджимает... А сам-то раза в два больше, и охотник по паспорту...

Такие «концерты» могли полчаса продолжаться, пока кто из хозяев не спохватится и на помощь не придет... Даже ризен-шнауцера, Тину, приходившую в гости с нашими друзьями, Симка не боялась. Та как-то сунулась ее обнюхать, потом долго визжала – получила по носу когтями.

Дочке нашей было пять лет, но ее-то одну гулять не пускали, то я, то жена с нею ходили. И вот в то воскресенье, летом, идем вдвоем по двору, подбегают соседские мальчишки с криком:

– Спасайте вашу кошку! Ее собаки на дерево загнали, сейчас загрызут!

Подошли мы к тому деревцу, смотрим. Сима, действительно, сидит на ветке, метрах в двух от земли, хвостом крутит, а под нею с лаем носятся две небольших собачонки. Она еще, как мне показалось, с явным любопытством их разглядывала: что за камикадзе попались...

Может, мое появление ее ободрило, может, лай надоел, но развязка не заставила себя ждать. Уши прижала, а потом... Так, наверное, пантеры да пумы охотятся. Очень впечатляющий прыжок получился – мигом оказалась верхом на ближней псинке и коготки выпустила.

Оказывается, собаки от кошек тоже умеют о-очень быстро

бегать. Первая, сыграв роль быка в ковбойском родео, мчалась метров сто с оглушительным визгом, а другая – молча, и еще быстрее, просто летела, и уши развевались как флажки! Хотя хищница и не собиралась их добивать. Посидела, умылась и не спеша направилась к подъезду.

Хозяин жертвы подскочил с недовольной миной:

– Ну и что, прикажете мне теперь своему Тайсону, – оказывается, у «храбреца» такая подходящая кличка, – Прививку от бешенства делать?

А дочурка не дала отца в обиду. Отсмеялась и говорит:

– Вы его от страха лучше привейте!

Дело в шляпе

Патриотизм – огромная сила. Объединяющая, мобилизующая, и так далее, и тому подобное. И каждый, наверное, знает: чем меньше страна или народ, тем круче в народе этот самый патриотизм.

За примерами далеко ходить-ездить не надо. Посмотрите – что на юг, на Украину (а нынче трэба казаты «в Украину», иначе побить могут), что на север, в Прибалтику.

Я в Эстонии, так уж вышло, не бывал до развала Союза и, соответственно, обретения ею суверенности. А жаль. Хорошо там было, говорят. И Таллинн еще писался с одним «н», и люди приветливые по-русски разговаривали.

У меня приятель – чистокровный эстонец. Зовут Вова. Владимир полностью. Если учесть год рождения – а он появился на свет в пятьдесят пятом прошлого века, все понятно. А фамилия – довольно трудно произносимая и с окончанием на «е». Тоже объяснимо.

Живет в нашем городке на окраине белорусской столицы постоянно еще с восьмидесятых, так как служил в Советской Армии, до майора дошел, квартиру получил. Как срок пришел, уволился, теперь с приличной пенсией, работает в охране... в общем, в ус не дует. Да еще и с женой – между нами, стерва та еще – развелся. Как сказал бы Черный Абдулла из советского боевика про солнце и пустыню: «Хороший дом,

да без плохой жены – что еще нужно человеку, чтобы спокойно встретить старость...»

Вот он как-то и предложил составить ему компанию в поездке на родину. Его родину, естественно -у него мама в Эстонии живет. Уже давно одна, половину пенсии за коммуналку дерут, но к сыну на ПМЖ не хочет. Говорит, пока ноги-руки носят, справлюсь. Ему и приходится раз в месяц-два навещать упрямицу.

В той прибалтийской столице (у мамы «хрущевка» в пригороде Таллинна) Вова решил меня в качестве презента сводить в баньку. Мы с ним оба заядлые парильщики. Так я и попал в заведение с красивым названием «Калма».

Парок оказался знатный! Я, само собой, с березовым венничком усердствовал, кряхтел, ухал, как полагается. Но с местными любителями похлестаться не контактировал, вроде глухонемого. И с Вовой старался вполголоса. Ибо там по-русски вообще лучше ни гу-гу. Патриоты, блин.

А потом пригляделся – ахнул! В парную же в специальных шапках ходят. Так из этих патриотов половина – обалдеть – в буденовках! С синими либо красными звездами, примерно поровну. То есть исторически прям достоверно. Я-то сам интересоваться не стал – мало ли, еще на скандал нарвешься. А Вова с суровым выражением лица к одному пристал, потом мне перевел.

Оказывается, эти шапки у них только один кооператив делает и, похоже, с русскоязычным приколистом в дизайнерах.

Поэтому у тамошних русофобов выбор невелик – или уши с лысиной поджаривай, или в красные кавалеристы записывайся...

Ну как в анекдоте про кавказскую ГАИ: «Генацвале, у Вас же права на вертолет...» – «Какие были, такие купили!»

Разгрузочный день

Излишества вредны. Каждый согласится: чересчур много – вредно. Чего? Да практически всего. Поднимать тяжести, есть, бегать, прыгать, спать, лечиться, курить и в первую очередь пить. Даже воды, особенно дистиллированной. Не говоря о пиве, вине, ликерах, коньяке, виски, текиле и тому подобных вкусностях. Некоторые, на мой взгляд явно ненормальные приверженцы так называемого «здорового образа жизни», не боятся утверждать: мол, все перечисленное вообще лучше и в рот не брать.

Но, заметьте, не боятся – в газетах, книгах, по радио и телевидению, в интернете... То есть, что называется, «бесконтактно». Дистанционно. А вот чтобы пойти на площадь перед пивным баром, недорогим кафе-ресторанчиком, сезонной распивочной палаткой... Или на полянку, где разложили нехитрую снедь и наполнили стаканчики, пусть пластиковые, радуящим душу содержимым. И тост уже успели произнести, сдерживаясь из последних сил... Вот тут бы им, радателям, выйти и объявить во всеуслышание, можно в мегафон:

– Остановитесь, неразумные! Выплесните немедленно все налитое прямо наземь! Откажитесь от этой гадости! Пейте чистую воду! И будет вам счастье!

Не идут, не объявляют. И правильно – побьют... Притом,

я считаю – правильно побьют! В смысле – за дело. Ибо не сегодня и не вчера сказано: не лезь в чужой монастырь со своим уставом. Кстати, далеко не во всех монастырях и далеко не всегда соблюдалась поголовная трезвость, историки не дадут соврать.

Знакомый священнослужитель как-то, обсуждая меню предстоящего застолья по поводу престольного праздника, на вопрос: «А Вы, святой отец, предпочитаете вино, водку, коньяк или воду?», вдумчиво ответил: «Коньяк – приемлемо...»

Что пить по-настоящему вредно – так это коку, пепси и прочие колы, да и вообще все безалкогольные сладкие газированные напитки. Равно как несладкие и негазированные. Свежевыжатые соки натошак. Кофе, больше одной чашечки Или двух, максимум трех-четырёх. Ну, чай – куда ни шло, особенно из ароматных трав, на десерт, с тортиком, когда крепкое уже не лезет...

Во многих странах, бывало, законодательно запрещали это самое. Даже в Штатах и Союзе., правда, не повсеместно и ненадолго. Кое-где и сейчас нельзя, в основном на Востоке, что сам по себе тонок и где выпивка, соответственно, тоже дело деликатное. Наркоту – пожалуйста, а родного, привычного – ни-ни! Хорошо, если ты турист и можешь выбирать, ехать в такую тюрьмообразную местность или нет. А если родился там? Ужас...

Вот на работе пить-выпивать не полагается. Это святое.

Ну, почти. При большом желании (а нехотя кто ж пьет?) практически во всех самых режимных и секретных учреждениях, центрах и лабораториях, трестах и концернах, на фабриках и заводах можно найти и возможность, и место, и время для жизненно важного занятия, то бишь принятия.

Здесь постепенно приходим к основному. Как-то у одного француза спросили, какое чувство для мужчины он считает, с одной стороны, главным, а с другой – вечно недостающим. С учетом национальных особенностей ожидали – назовет любовь, нежность, секс либо что-то в том же духе. А он ответил: чувство меры! Спрашивается, откуда чужестранцу знать чисто наши беды и проблемы? К сожалению, спрашивавший не уточнил источник сведений. Не иначе, тот лягушатник... пардон, галл где-то с нашими пересекался.

Точно известно: профессионально, как математике или пению, этому нигде не учат, приходится полагаться на ненадежный метод проб и ошибок. А была бы в институтах-университетах кафедра меры, скольких жизненных драм удалось бы избежать! Но об этом можно только мечтать.

В нашем стройотряде был строгий сухой закон, как в каком-нибудь Исламабаде. И как, вероятнее всего, во всех студенческих отрядах всех ВУЗов бывшего Союза. Но декларировать – одно, а соблюсти – совсем другое.

По субботам нас, «бойцов», возили в обычную районную баню. Там – парилка, а после парилки желающие могли принять кружечку-другую бочкового пивка. По молодости ниче-

го другого в общем-то и не хотелось. Это когда уже не один десяток лет за плечами, сто граммов после баньки не помещает, а до двадцати – ни к чему, своего веселья и хорошего настроения хватало. Многие вообще предпочли бы квас, да вот беда – его как раз не водилось. Винцо туда тоже не завозили.

Правда, иногда накатывало. Или наезжало. Так, однажды было дело – прикатило нежданное счастье прямо на колесах, можно сказать с доставкой... И унеслось в руках, двумя ногами. Но надо по порядку.

Студенческий строительный отряд с древним именем «Гиппократ» занимался в основном мелиорацией.

Мелиорация... Красивое слово, благородные намерения, корявое воплощение, непоправимые последствия. Многим то понятие знакомо по деятельности печально знаменитого всесоюзного министерства водного хозяйства, сокращенно «Минводхоза». Наибольшее, прямо-таки историческое достижение сего главка – необратимое уничтожение одного из крупнейших озер планеты – Аральского моря. Еще один грандиозный, к счастью невоплощенный проект – поворот на юг сибирских рек – тоже его задумка. Ну, а осушение болот в средней полосе, к сожалению, вполне удалось. Все по-нашему: хотели как лучше, а вышло...

Виделось в воспаленных министерских мозгах, как на месте трясин чудесным образом возникнут плодородные нивы, стеной встанут пшеницы золотые, кукурузы и прочие хлеба.

А вышел шиш – вместо сочных травных пойменных пастбищ засушливые пустоши, урожайность кислых торфонасыщенных почв бывших болот оказалась ниже соседних, обыкновенных. Сколько ни сыпали потом извести с доломитом и дорогостоящих удобрений, не помогло.

Пересохли десятки малых речек, обмелели более крупные, в том числе Днепр, Западная и Северная Двина, Припять, Сож... список бесконечен. Пропали озера и болотца, служившие «зелеными легкими» земли, на грани вымирания оказались многие и многие виды рыб, птиц, земноводных... Натворили делов, одним словом!

Нам, студентам-осушителям, в ту пору это было невдомек. Да и кто нас, мальков, спрашивал! Лопату-топор в руки, и давай, с песней. «Яростный» – не зря так пели о стройотрядах: в работе равных нам среди местных трудяг просто не было. Они ведь на окладе, а у нас оплата аккордно-премиальная – сколько построил-вырыл-уложил-задерживал, столько и получи, плюс накрутки за срочность с качеством. Вперед, заре навстречу!

Каналы копали, разумеется, не вручную, этим занимались специальные экскаваторы, как и рытьем дренажных траншей. Нам доставалась доделка – укладка фашины, дерновка... Позже, при прорастании травки, уродливый ров превращался в ручеек с живописными зелеными бережками. Попутно – посильный лесоповал, распиловка, заготовка ко-

льев. Кое-какие бетонные работы, сопутствующая стройка – мостики, шлюзы, домики для насосных станций.

Фронта работ хватало на годы не одному поколению студентов. Будущих педагогов, инженеров, медиков и прочей интеллигенции. Той, что в стране Советов было принято ласково именовать «гнилой» или «вшивой»... Эпитеты не из самых благозвучных, но людям виднее, интеллигенция, она же от народа... откуда ей еще взяться.

В ясный июльский денек, выпавший на грандиозный местный праздник – «День рыбака», агитбригада занималась топорной работой. Так решил комиссар, загадочно посулив вскоре нечто особенное. Нас пятеро – трое гитаристов, скрипач да барабанщик. Бренчали, пели во все горло, и получалось замечательное шоу районного масштаба. Роль конферансье, а по совместительству осветителя и рабочего сцены добровольно выполнял мой сосед по отрядной спальне Василий, вместе с верной спутницей-воспитанницей, щенком ротвейлера Геклой. Та вела себя достойно – к микрофону не лезла, подвывать не пыталась и провода не грызла.

Топоры – не гитары, но оркестранты справлялись неплохо. Требовалось сосновые поленца колоть на плашки, а их – на «спицы» – колышки для прибивания дерна к склонам канала.

Сложное для большинства «бойцов» изготовление спиц

я считал отдыхом. Выросшему на окраине парню с детства пришлось подружиться с топориком – сначала маленьким, потом и обычным, плотницким, да и колуном. Рано оставшись без отца, волей-неволей многому научишься. В родном доме не было ни отопления, ни водопровода. Печь топить – занятие для горожан романтическое, а на деле – не такое легкое, как может показаться. Чтоб горело, надо сперва горючее запастись...

Поэтому на фоне соратников по отряду я казался виртуозом. Маленькая Геклуня это отлично понимала – из-под моего топора никогда не вылетали шальные щепки, наверное, поэтому и располагалась не у ног хозяина, а где побезопаснее.

Сидим, колем... Площадка для деревообработки располагалась в сотне метров от сельской школы, служившей отряду базой. Поблизости – магазинчик с прозаичным названием «Сельпо». Чисто номинальный, ибо в нем, кроме продавщицы, кильки в томате и перловки, ничего отродясь не бывало. Но в четыре пополудни раздался приближающийся гул мотора, и к нашим бревнам-поленьям подкатил фургон с надписью по борту «Автолавка»... Не было ни гроша, и вдруг – алтын. Да какое там – рубль!

За преобразованной в прилавок задней дверью виднелось изобилие, в советско-деревенском понимании. Конфет, пусть исключительно карамели – пять наименований. Сушки, баранки, сухарики. Шпроты (!), та же килька, к ней

– скумбрия в масле. Пшено и макароны для нас интереса не представляли, но были еще сигареты – «Прима», «Памир», «Солнце» и даже болгарские «Ту-134», «Стюардесса»... – ура, с фильтром! И главное – «три семерки». Это надо в кавычках: так называли портвейн «777». Иногда, должен отметить, знаменитое название переименовывали в «три топора». В тему. Все, перекур. Работа не волк... К слову, как и все остальное, кроме собственно волка.

– Перекур! Пять минут! А кто не курит, продолжает работать! – на правах бригадира отпустив замшелую шутку, я легонько воткнул «звонарь» в колоду и потянулся к робе за сигаретой.

И тут же в ладонь доверчиво ткнулся прохладный щенячий нос. Потрепав малышку по бархатному уху, топорный мастер извлек из кармана «примину», а заодно половинку сушки. Заслонив собой от глаз дымившего неподалеку Василия, подсунул угощение к слюнявой мордашке, где оно мгновенно исчезло. Но раздавшийся смачный хруст свел всю маскировку на нет.

– Ну сколько повторял, это же для зубов вредно... – заныл Вася, – Теперь придется ее наказывать!

Пойманный с поличным нарушитель собачьей диеты виновато вздохнул.

– Вась, клянусь, больше не буду...

Была еще особенность сезонной торговли в местах студенческой дислокации. Продавцы местных магазинов опове-

щались о действующем в отрядах «сухом законе». То есть в обычном деревенском продмаге, если бы чего и было, нам бы ни за какие коврижки не продали. А в автолавке – к вашим услугам! Они ж не местные... Им план подавай, а остальное – неважно. Тем более – план выполнялся еще и за счет наценок. Вожделенный портвейн, например, дорожал на треть и конфеты с сигаретами соответственно. Ресторан!

Однако желание время от времени принять по чуть-чуть в студентах неистребимо. И не успела лавочная дверца полностью открыться, как был сформирован фонд, назначены ответственные, а когда подозрительную машину заметили командир с комиссаром, все уже снова сидели на колодах и дружно постукивали топориками. Примчавшийся по тревоге комиссар высказал маркитантке³ свое неудовольствие, и вместилище искусств укатило на другой конец деревни, увозя в ящике из-под портвейна полдюжины пустых бутылок. На Геклу не брали.

Можно подумать, мы их тут же выпили... Из горлышка, без закуски, впопыхах? Ничего подобного! Содержимое аккуратно переместили в армейский безразмерный чайник, а за стеклотару еще и курева прикупили... Для конспирации заветный сосуд продублировали таким же, с настоящим холодным чаем. Молодые мозги соображают быстро! На за-

³ Маркитант – мелочной торговец съестными припасами и предметами солдатского обихода, следующий за войском в походе, на маневрах и во время войны (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона).

четах бы так...

Вот по части интуиции у нас, не нюхавших реальной жизни, было явное отставание. Честно говоря, по разочку отхлебнуть из оловянного носика все-таки успели. Но – не больше. Уверенной начальственной походкой приблизился командир отряда, успевший до ВУЗа отбарабанить срочную службу в рядах родной Советской Армии. Опытный...

– Ну, артисты, готовы?

– Всегда готовы... – чувствуя подвох, вразнобой пробурчали трубадуры.

– Довожу боевое комсомольское поручение, – командир вытер лоб, обмахнулся платком, – Жарко сегодня, пить хочется...

От внимательного взгляда лидера не укрылся предательский румянец на лицах отведавших «чайного эликсира».

– О, у вас чаек... Или компот? Можно? – и «атаман» безошибочно выбрал из двух чайников именно тот, который надо, сделал несколько серьезных глотков...

– Тепловат маненько...

В процессе руководящей дегустации дровосеки, прервав топорный перестук, дружно сопровождали глазами движения мощного кадыка. Кивнув как бы самому себе: «Я так и знал!», вожак, не опуская пиалу, подвел итог симпозиума.

– Сухарика бы еще... Не разжились? Жаль. Ну, ладно, к делу...

Суть поручения никакого боя не предполагала. Предстоя-

ло обеспечить музыкальное сопровождение профессионального праздника в местном рыбхозе, тем самым способствуя приятному разнообразию отрядного рациона.

– Выезжаете через полчаса. Василий, помоги им с аппаратурой. Готовые спицы украсьте брезентом, топоры – в инструментальную, – и напоследок командир добавил контрольный выстрел, – А чайники на кухню я сам отнесу.

Вот на той «рыбацкой» гулянке нам и показали, как надо пить-веселиться. А может, наоборот, как не надо делать ни того, ни другого. В нынешние времена подобные мероприятия не называют иначе как «корпоративами». Организация может количественно варьировать от минимума до бесконечности, но суть не меняется.

Так, если бы Карамзину сегодня был задан основополагающий вопрос о происходящем на великой Родине, он, опустив воровство, не колеблясь, ответил бы: «Пьют!» А относительно вероятного числа участников этаких вечеринок приходит на ум анекдотический диалог: «С какой радости сѣдни водяру хлещешь, Маня? – Так ить корпоратив! – А почему одна? – Так я ж ИП!»

Местечковый узкоспециальный совхоз носил гордое наименование «Рыбхозхозяйственный комплекс «Новинки».

Агитбригаду доставили к середине доклада о достигнутых рубежах и планах на будущее, зачитанного как полагается, по бумаге, директором хозяйства. Мероприятие происходило под открытым небом, и оратор с трибуны узрел прибытие

грузовичка со студентами-артистами.

Указующей дланью начальство подало знак, реквизит под руководством Васи в считанные минуты выгрузили и разместили на сцене поселкового ДК. А музыкантов пригласили за сцену – угостить и приобщить.

От разнообразия рыбных яств рябило в глазах: соленые, сушеные, вяленые, печеные и запеченные, вареные, жареные, заливные и копченые рыбины, рыбки и рыбешки прогибали здоровенный стол. Не было, пожалуй, только сырых, в смысле живых. И золотых. Уха-потроха, печенка-икра...

В противовес, гарниры выглядели несколько уныло – картошка, лук, огурцы да хлеб. Напитков и вовсе два – вода плюс водка, причем минеральная газировка скромно предлагалась в количестве трех теплых пол-литровок, а запотевшая царица застолья – по-богатому, в наполовину затаренном ящике. Его встречавший организатор, представившийся партийным секретарем, радушно выдвинул из-под стола.

– Не стесняйтесь, это специально для концерта, – и, видя артистические колебания, добавил, – Всё уже списано!

Приехавший с нами комиссар сделал большие глаза и прошипел:

– Не вздумайте... Сгною!.. – но вслух, широко улыбнувшись, поблагодарил: – Спасибо, большое спасибо! Ребята, конечно, выпьют...

После чего совершил прогулку к машине, где у него, оказывается, был припасен уже знакомый пузатый чайник, но

пустой. В него и перекочевала предназначенная для укрепления боевого духа и звонкости голосов жидкость. Дальнейшая ее судьба мне лично неизвестна. Скорее всего, комиссар, как образцовый комсомольский вожак, вылил ее. Да-да, в кювет... В пыль да песок. А вы что подумали?

Концерт отыграли нормально. Предварительно подогретая изнутри публика принимала полупрофессиональное исполнение с энтузиазмом. Петь, учитывая ограничение подвижности подпертых щедрым ужином диафрагм, было сложновато, но справились. Окна с учетом жары распахнули настежь, и зрители запросто прибывали-убывали по ходу представления. Репертуар не резиновый, но беззастенчивое повторение некоторых номеров несколько не понизило рейтинг «звезд». После антракта, совмещенного с переносом действия на открытую эстраду, далеко за полночь длились танцы. Вот когда не помешал бы комиссарский чайник! Или хотя бы наш, с портвешком... Увы, история обратного хода не имеет.

А поселок гудел... Куда ни глянь, во множестве столы с закуской-выпивкой. Столь же обильные, как и тот, за сценой, они время от времени пополнялись и исправно опустошались. Но кое-что казалось странным. С учетом специфики праздника пить-гулять, на первый взгляд, полагалось далеко не всем. Каким боком, например, к рыболовецкому застолью прислонить трактористов, электромонтеров, не говоря о доярках с птичницами? Зачем к чужому счастью при-

мазываться?

В социалистическом календаре для каждой профессии выделялись специальные дни. Насчет доярок – точно не знаю, а у механизаторов – был, однозначно. А кому не хватало, запросто мог седьмого сентября добавить, в День танкиста. Почему бы и нет? Они, как следует из канонов отечественного киноискусства, от тех же трактористов недалеко ушли.

Наивные менестрели с некоторым осуждением поглядывали на очевидно неподходящих по профессиональному признаку участников затянувшегося разгула. Видя это, разносторонне сведущий Вася ощутил необходимость оправдать увлеченных празднованием тружеников полей и ферм. Служитель сцены, в силу алтайского происхождения, собаководческого опыта и трех курсов медицинской науки ставший немного философом, просветил музицирующих невежд.

– Рыбак, братцы, в нашем народе понятие всеобъемлющее!

Из последовавшей краткой лекции всем стало ясно – это действительно так. Не только потому, что каждому приходилось если не сидеть на берегу с удочкой, то как минимум вылавливать то ли кильку из консервной банки, то ли сардинку из жидкого столового супчика по четвергам... Детишками все были? То-то... Пеленки-ползунки приходилось намочить? Ну вот. Это как называется? Правильно, «рыбки

наловить». Вот и выходит: наш гражданин, еще и шагу не ступив, уже зачисляется в рыболовы... Следовательно, имеет право!

Итак, был вечер и было утро. «Вечер трудного дня» – кто не слышал битловский хит? Чрезвычайно популярную песенку распевали в каждом дворе наравне с «герл», «мишел» и им подобными. Но, с учетом нашего народного характера, я бы предложил название и текст чуток изменить. «Трудное утро нелегкого дня» – то, что надо! А остальное – сойдет. Представляете? Вступление, и начали: «Настало утро трудного дня, и мне работать, как собаке... Но снова утро трудного дня! Спать завалиться бы, однако...»

Для гиппократовцев утро после рыбацкого «феста» не было каким-то особенным. Как обычно, местный шофер, пожилой непьющий дядя Миша, отвез бригаду дерновщиков на все том же бортовом «Уазике» в так называемый «полевой стан».

Поясню. Более-менее ровный участок местности пятьдесят на пятьдесят метров под сенью берез и тополей, где стояли-ночевали тракторы – колесные и бульдозеры, прицепы, навесное оборудование, траншейный и ковшовый экскаваторы, вагончик-столовая. «А туалет где?» – спросите вы... Ответ знает только ветер, ибо когда приспичит, как раз до него и ходят. Нашим работникам, независимо от специальности и тем более пола, в полевых условиях сортир как таковой не обязателен – он у нас, как известно, везде...

Нас-то привезли. И мы, соответственно, всегда готовы – как к труду, так и к обороне. Но вот незадача! Чем же дерновать, когда этот самый дерн надо нарезать (дернорез трактор должен тащить), погрузить на прицеп к другому трактору, довести до канала... Без бульдозера планировку склона не сделать. И прочее.

Обычно к нашему прибытию жизнь на означенном стане кипела вовсю: тракторы под парами, пыhtят, ждут, мужички в замасленных спецовках бойко суетятся, покуривают, балагурят. А тут одна повариха уныло поглядывает. Никого.

Не сговариваясь, решили: лафа! Платы за простой отряду не полагается, но поспать-покемарить в тенечке – святое дело! Бойцу, как казаку – лучше травки постели не бывает. Только вознамерились...

Смена настроения – штука не новая. Как в литературе, так и в жизни. Ну, например, школьник только плакал: двойку получил, а тут – мороженое... Или наоборот, не успел зять обрадоваться: теща преставилась – за гроб с венками платить... Но чтобы три перемены зараз – редкость. В то памятное утро так и вышло. Видим: пылит грузовой «Газон». Не будка, простой «пятьдесят третий». Вот черт, приехали-таки наши механизаторы...

Машина ближе, ближе, и видно: шофер, он же водитель – один! Как перст. В кабине с ним рядом никого, и в кузове ни одной башки над бортами не видать. То есть дрёма в тенёчке не отменяется! Ага, роботы под голову... Грузовик подкатил,

тормознул посерединке «стана». Водила, хлопнув дверцей, подошел к поварихе, она ему чего-то в кружку налила. Выпил, крякнул с удовольствием. Не иначе, квасок. А может, кислое молочко. Тоже неплохо, в трудное утро.

Дюжий мужчина поглядел на залегших, ухмыльнулся, поклонился. Типа, «Здрассте вам! Отдыхаем? Сейчас, сейчас...» Обошел свой драндулет, откинул задний борт, вызвав дружный вздох разочарования. Из вороха соломы торчали пять пар подметок разного размера, рисунка и степени износа. Центрально располагались резиновые, в положении солдата на плацу, замершего по команде «смирно». Пятки вместе, носки врозь. На спине. С обеих сторон – по две пары в произвольных позах. Объединяла натюрморт полная неподвижность предметов. До бойцов донесся разнокалиберный храп, наиболее впечатлительным почудилось характерное перегарное амбрé.

Перевозчик, не откладывая в долгий ящик, произвел десантирование – без затей, страховки и парашютов. Поочередно брал безмятежно спавших за ноги и попросту вышвыривал из кузова. Потрясенные студенты (медики как-никак) наблюдали процесс со смешанным чувством ужаса и восторга. Ужаса: убьются же! И восторга: крепок, крепок наш народ!

Разгрузка закончилась, «Газон» удалился. «Десантники», потирая бока и нецензурно постанывая, расползлись по своим механизмам. Затарахтели моторы, пополз синеватый вы-

хлопной дымок... Рабочий день пошел как ни в чем не бывало.

Василий докурил, аккуратно затоптал «бычок». И выразил общее мнение:

– А если бы у них были мозги, могло случиться сотрясение...

Гангстер

На заре трудовой деятельности мне довелось поработать по распределению в Шкловской районной больнице.

Там и семья образовалась, и нам с женошкой выделили (бывали чудеса) служебную квартирку на первом этаже белокирпичной двухэтажки, произведения местного СМУ, или строительного-монтажного управления. Одна комната – ничего так, метров шестнадцать, а вторая – чуть больше шкафа, ну да молодым много ли надо... Водопровод с мощным напором и очень холодной водой, к нему водогрейный аппарат на дровах с мифическим наименованием «Титан». Зато имелся балкон, типа лоджии.

Ну а для уюта что главное? Правильно, котик в доме полагается. Завели маленького, Тихоном назвали, потому как не слышно было его вообще, ну уникально бесшумное создание. А как подрос, оказалось, что это не мальчик вовсе, а совсем наоборот.

Так и получилась у нас кошка Тишка. Сама беленькая, а ушки, тубетеечка, полоски по спинке и хвосту черненькие... Чудо! И тоненькая такая, грациозная умильно. Ручная абсолютно, ласковая. На колени вскочит невесомо, гладишь ее, а она чуть слышно мурлычет – поет, значит, о счастье своем кошачьем. Из еды признавала только вареную рыбку, продавалась такая мелочь по двадцать копеек за ки-

ло. Ей там раздолье было. Первый этаж, балконная дверь постоянно приоткрыта, да и форточка для кошки не проблема.

И с окрестной бездомной кошачьей братией она, как теперь бы сказали, тусовалась вовсю. Среди них выделялся один – здоровенный серо-дымчатый лохматый котиче совершенно разбойничьего вида и повадок. К Тишке, похоже, благоволил.

Двухэтажек, таких как наша, на краю примыкавшей к райцентру деревни с поэтическим названием Заречье, стояло три штуки. Название свое деревня себя вполне оправдывала – в самом деле за рекой от города, до Днепра через пойменный луг метров пятьсот.

Мы-то ленились, а окрестные жители вовсю занимались прикладным земледелием и животноводством. Одна соседка, к примеру, в сетчатой загородке у дровяного сарайчика десятка два-три цыплят выращивала, уже ладненькие бегали. Цыплят недаром по осени считать полагается – проблемная живность. И куроводка, не полагаясь на удачу, решила мою женушку озадачить...

У Наташки с братьями меньшими отношения особенные. Она их обожает, а они ее. Собаки не облаивают, не кусают, как бы за свою держат. И коты, самые дикие, не от нее бегают, а к ней норовят. Все без разбору, и серый бандит не стал исключением. Жена, бывало, идет домой, а они вокруг нее вьются, и этот о ноги трется, даже, не поверите, на руки она его брала. Я, правда, ныл, типа, микроспория, то да се. Но

обошлось.

Соседка-птичница, заметив такие дела, к Наташке пристала, мол, ты гада придержи, а последующую экзекуцию мы с мужичком моим берем на себя. Он, дескать, цыплят ворует и жрет – уже пары-тройки недосчитались. Небось, и кирпичик увесистый для серой шейки припасли, а Днепр-то вот он, рукой подать... Но подруга моя так ее отшила, что та и здороваться перестала.

Однажды я, после дежурства, среди дня в одиночестве прилег вздремнуть, и вдруг послышались странные звуки на балконе. Там и рычание, и ворчание, и какое-то чавканье, и хруст... Сразу ясно: какой-то ужасный хищник терзает и употребляет в пищу беззащитную жертву.

Ну, думаю, сейчас я тебя, изверга серого, воспитаю. Вооружился пластмассовой выбивалкой для ковриков, выглядываю тихонько – и обомлел! Боже!.. Тиша!.. Наша ручная утонченная тихоня, любительница вареной рыбки! Пожирает цыпленка, аж треск стоит.

Так вот, оказывается, кто он, этот вор, негодяй и убийца!..

Я – на цыпочках назад. Гляжу. Она через пару минут в комнату проскользнула, как всегда бесшумно, на кухню подалась и около мисочки нежно так мяукает, с намеком: не пора ли меня, бедненькую, покормить...

Да... Насчет Клайда⁴ – не скажу, а вот Бонни – теперь точ-

⁴ Бонни Паркер и Клайд Бэрроу – легендарные американские грабители, действовавшие во времена Великой депрессии.

но знаю, была белая и пушистая!

В соревновании двух начал...

Тогда как раз миллениум отмечали. Типа, смена тысячелетий. Если кто не помнит, то наступал две тысячи первый. Мы спланировали компанией податься на дачу – Андрей пригласил на свою, в Белую Лужу. От города без малого сотня верст, неблизко, зато – природа, тихо, уютно. Банька опять же, дом с печкой, погулять-поспать – всего в комплекте.

Снега, жаль, почти не было. В обед собрались, поехали, добрались. Нас – целых четыре семейства, детей три девчонки-погодки, давно знакомы, им вместе интересно. Собачку взяли.

Я уж о ней рассказывал.⁵ Здоровенная собачища породы ризен-шнауцер, отлично воспитанная, ребенка не обидит, а охранник – Сигал отдыхает. Звали красавицу Тиной. За вожака признавала одного Сашу. По-собачьи вполне логично – он хозяин, глава семейства. Ну и насчет пожрать уж больно не дура была...

Как прибыли, первым делом баню затопили. Саша с детьми и Тиной прошелся к лесочку, елочку приволок, поставили, нарядили, тут и снежок повалил, аперитивчик по чуть-чуть. Красота!

⁵ См. рассказы А.Курбака «Уже ничего», «Пищевая цепь», «Присядьде, прошу вас»

В баньку засобирались – подоспела уже. Пивка у нас с собой было немерено. Впрочем, как и всего остального, годы-то пошли уже не скудные. Рыбка к этому делу имелась аж четырех видов – и холодного, и горячего копчения, и красная, и белая, и разноцветная...

Разобрали, почистили всю, только плавнички-хвостики остались. На шикарное блюдо разместили, посерединке стола. Там, конечно, и мяса всякого, и кроме мяса всего уже было вдоволь, оставалось горячее поставить, и – вперед!

Я предложение внес: мол, ее бы, рыбку, нам, мужичкам, в баньку к пиву самое то. А женщины наши встали стеной: красоту рушить не позволим, хвостики берите, а остальное – к курантам! Ладно, обойдемся хвостиками...

Попарились славно, дело к одиннадцати, тут на полчаса к нам в баньку женки подошли. Не все – самая строгая для порядка осталась с детьми и собакой. Разошлись – и с вениками, и так... Одна парильщица умудрилась после полка с разбегу вместо сугроба в кучу торфа с навозом окунуться. Удобрение снегом припорошило, выглядело красиво и соблазнительно... Веселились, в общем.

Уже к полуночи мы в дом, и на подходе – шум какой-то, суета, забегали все. А оказалось, наша собачка к столу заглянула на минутку. Главное дело – ни мясо-ветчину, ни курочку-индейку, ни котлетки-колбаски не тронула.

А вот рыбу нашу вожделенную умяла мгновенно и бесследно! С середины стола достала, скотина!

Ее, конечно, в наказание выставили на холодную веранду. И псина, как будто осознав ужасную вину, сидела тихо, в дверь не скреблась, не скулила...

Только через час, когда уже и эпоха сменилась, до нас дошло, в чем истинная причина ее смирения. На веранде, в холодке, оба тортика сохранялись. Девочки всего по крошке успели отщипнуть...

Устроили, словом, собачке праздник! Все уцелевшее потом самый небрезгливый Саша утром с картона соскреб и с кофейком употребил. Как раз на чашечку и хватило ему.

Так что у бережливости в споре с обжорством шансов немного...

Гены решают все!

В конце мая, около шести вечера, студент-третьекурсник вышел на заднее крыльцо учебного корпуса. Руки были заняты, дверь пришлось открывать ногой, покрепче прижав к груди драгоценную ношу. И, начав спускаться по ступенькам, он вдруг понял: случилось страшное! Не катастрофа, но как минимум трагедия. По бедрам, коленям и ниже потекло мокрое, горячее, пахучее... Что? Да она, родимая! Моча...

– Сукин сын! Скотина! – в сердцах выругался Студент. И, осознавая непоправимость ситуации, добавил – Чертов идиот! Так тебе и надо!

Первая часть высказывания вполне соответствовала действительности. Непосредственный свершитель безобразия – добродушный беспородный пес – был именно сукиным сыном. А из второй следовало: виноват во всем, конечно, сам начинающий хирург, несущий на руках мирно спящего «пациента».

Сорвалось... Являться на первое свидание с девушкой полагается скорее писаным красавцем, чем описанным. До дома далеко, и пока бегал по общежитию в поисках штанов подходящего размера и фасона, время было безнадежно упущено. Один сочувствующий вошел в положение, предложил свои «почти новые» вытянутые на коленях треники... Спасибо, друг! Да, наука требует жертв...

Одна из древних премудростей, вбиваемых в головы будущих медиков, гласит: «Лечит слово, трава и нож». «Слово», понятно, для психов... лечить словом, то бишь заговаривать зубы и тому подобное, многие умеют и без всякого образования, не обязательно медицинского. Любая цыганка-гадалка и бабка-ворожея дадут сто очков вперед большинству продвинутых дипломированных специалистов.

Фрейда в те годы в советских ВУЗах не почитали, да и не читали. Не только его книг – устных пересказов не было и быть не могло. Отечественная психиатрия и помимо австрийского выскочки добралась до сияющих вершин, и все же Студента туда как-то не влекло. В дальнейшем оказалось – правильно. Кто бывал в наших психбольницах, соврать не даст – запахок там тот еще. Говняный, если начистоту.

«Трава» в мудрой фразе – не наркота, как может показаться, а таблетки заодно с порошками. Лекарственная терапия. Любому читающему школьнику ясен смысл слова «терра» – по приключенческим романам, в сочетании с эпитетом «инкогнита». Неизведанная земля. Неизведанное – познаем, а вот земля с лечением как-то не увязывалась. На первых же уроках латыни прояснилось и значение частицы «пио» – гной! В сумме имеем: терапия – нечто вроде: пожалуйста, болящие, прямиком в землю с гноем. Кошмар... Тоже не для нас!

Что остается? Нож. Не столовый, не кухонный и не сапожный. «Нож» из той триады – предмет никак не бытовой. Это

– ланцет, скальпель. Символ хирургии. Спасение жизни через сверкание стерильности! Некто Бендер сказал бы: «Беру, заверните!»

Хирургия стала мечтой и целью вчерашнего школьника с первых дней пребывания в стенах института, по давней традиции именуемого особо, с некоторым шиком. Только «Альма-матер», и никак иначе! Произносить надо не «е», а исключительно «Э». «Матэр». Солидно, весомо. Кормящая, сердечная, душевная. Родная матушка учеников своих.

О том, чтобы стать врачом, он до окончания десятого класса и не помышлял. Вопросу профориентации значения не придавал, было попросту все равно. Пример в семье брать не с кого. Мать – почтальон, отец... Ну, во-первых, с четырнадцати лет его не видел. Тот ушел как-то тихо, родительский развод промелькнул обыденно и незаметно.

Во-вторых, судя по старым фотографиям из семейного альбома, папаша в молодости носил офицерские погоны, но недолго – армию взялись сокращать, по сути – разогнали. Он, как и многие подобные, на гражданском поприще себя не нашел. Поменял несколько мест работы. Последнее из запомнившихся младшему сыну – шофер грузовика-самосвала. Какой уж тут пример...

Младшенький потомок в многодетной семье называется «последыш». Его, если хотели обидеть, называли «поскребыш». Старшие, две сестры и брат, избрали разные профессии – экономика, электроника, слесарное дело... Ничего

подходящего для подрастающего романтика. Приходилось выбирать самому.

Среднее специальное образование в расчет не бралось. И проблем поступления в ВУЗ для него не существовало. Аттестат – округленно «пять», из всех школьных наук оценки на балл меньше только по двум предметам. В багаже – городские олимпиады по математике, физике, химии, биологии...

Свою грамотность привык считать абсолютной. А что «четверку» по русскому вlepили – так это из-за отвратительного почерка! То же и с иностранным, английским.

Поэтому задачу выбора решал ногами. Мест для получения нормального, читай – высшего образования в родном городе насчитывалось пять, на любой вкус. Технологический, педагогический, медицинский, ветеринарный и даже (!) физкультурный. Последний, самый новый, расположен ближе всех. Сделать профессией спорт? Не пойдет. Город не слишком большой, остальные храмы науки – тоже в пределах «шаговой доступности» от окраины, где рос абитуриент. Как раз шагами было измерено расстояние от порога до порога. И самый важный вопрос в жизни решился. В пользу медицины...

Вступительные экзамены не вспоминал. Нечего там было и помнить. Игрушки! Прошел, как горячий ножик через масло. Многие страдали, мучились, проваливались, лезли снова и снова... До смешного доходило. Теперь, с учетом нажитого опыта, кажется – ну на кой черт будущим врачам такие

изощрения?

На экзамене по биологии, уже получая законную «пятерку», краем уха разобрал фрагмент ответов соискателя, с треском проваливающегося третий раз подряд. На вопрос, какие части скелета эволюционно впервые возникают у рыб, неудачник, подумав, ответил: «Жабры...» Тогда мелькнула мысль – тупицам в медицине не место! Эх, юность, наивность...

Много позже довелось с грустью осознать: появившийся благодаря эволюции у тех самых рыбешек гибкий позвоночник в людской жизни порой значит намного больше черепа вместе с его якобы мыслящим содержимым... А уж горячее, отзывчивое, не рыбе сердце – вообще по нулям.

Тогда же, стоя под дверью и по привычке тихонько напевая, услышал от вышедшего из аудитории паренька неожиданный вопрос:

– Извини, что отвлекаю... Поешь, слышу, точно, а на гитаре играешь?

Выяснилось – новый знакомый тоже уверен в своем поступлении, играет на скрипке и немного на гитаре, ищет компанию для будущего ансамбля... Через полчаса, когда на лестничной площадке раскладывали на голоса четвертую песню, абитуриента спросили, собирается ли он все-таки зайти на минутку, раз уж пришел на экзамен... По словам лаборантки, комиссию устраивает их исполнение, но формальность надо соблюсти.

Первый год учебы, для большинства полный невероятных трудностей и проблем, Студенту показался легкой прогулкой по залам, полным чудес и открытий. Пролетел как одна неделя. При этом его фамилия не опускалась ниже третьего места в общекурсовой ведомости оценок, еженедельно вывешиваемой на стенде анатомической кафедры.

Летняя сессия принесла очередной закономерный, как ему представлялось, успех и далеко не лишнюю повышенную стипендию. А потом Фортуна и вовсе дала себя оседлать.

«Фирменный» стройотряд, агитбригада. По итогам «трудового семестра» – еще и награждение значком «молодой гвардеец пятилетки». Нос сам собой чуток задрался, но не слишком – мелочь. Больше понравилась призовая поездка в солнечную ранней осенью Болгарию. Грели душу аплодисменты и восторги зрителей (и особенно зрительниц) на концертах, как-никак – солист курсового, а чуть позже и институтского вокально-инструментального ансамбля!

Все меркло в сравнении с первыми пробами ножа. Еще первокурсником, к концу второго семестра, удалось побывать в операционной. Сначала зрителем, а однажды – «подержать крючки». Прикосновение к мечте получилось будничным и едва не окончилось позором. Дело было под утро, и начинающий ассистент умудрился стоя задремать и выронить доверенный инструмент. К счастью, оперировал куратор группы, совмещавший в городской больнице Скорой По-

мощи. Обошлось...

Начиная со второго курса дежурства в клинике и ассистенции на операциях стали привычным делом. Добавилась так называемая научная работа. Тоже, в общем-то, муть. Изучение статей в чужеземных журналах, разглядывание микропрепаратов до темноты в глазах, писанина... От скуки спасала перспектива: приближался третий! Там – начнется официальная клиника, а еще – вожденная кафедра, одно название которой на многих прочих наводило тоску и ужас. «Топочка»! Топографическая анатомия плюс оперативная хирургия. Вот куда тянуло по-настоящему.

Предмет – один из труднейших. Ну и что? Побаивался, не без того, но не всерьез, верил: прорвемся! О премудростях науки можно получить представление из студенческого фольклора. Те, кто грызет гранит в технических ВУЗах, говорят: «Сдал сопромат – можно жениться!», намекая: ужаснее «сопротивления материалов» ничего не придумать.

Примерно так же оценивают «топочку» в медицинских.

Третий курс начался со знакомства с будущим кумиром – профессором, заведующим знаменитой кафедрой. Оказалось – ничего страшного, интеллигентный, эрудированный во всех отношениях и, что немаловажно – способный разглядеть в рутине учебы смешную сторону. Так, заметив на зачете шпаргалку, никогда не выгонял уличенного за дверь – просто сажал за свой стол и вручал новый билет. И некоторые отвечали вполне прилично! А «наглядное по-

сobie» подвергал публичному разбору, с обязательным участием заинтересованного лица. Утверждая: толково и, главное, самостоятельно сделанная «шпора» – своего рода критерий качества подготовки.

Когда Студент после окончания первой лекции заявил: хочу стать хирургом и прошу разрешения заниматься у Вас в кружке, мэтр был слегка озадачен. Но какой-либо корыстной подоплеки не заподозрил. Вероятно, заметил в глазах юноши огонек энтузиазма сродни фанатичному.

Пригласил ассистента, ведшего практикум, убедился – Студент успевает отлично по всем предметам, и начали. Пришлось даже на время сократить участие в репетициях. Наставник не жалел ни себя, ни учеников-помощников. Студент был моложе всех, но отличался настырностью. Поэтому на трупах упражнялся часами.

В то время профессор увлекся идеей изучить воздействие переменных магнитных полей на процесс приживления сосудистых протезов. Понадобился живой материал. Крысы – хорошо, а собаки – лучше. За неимением обезьян... Пришлось освоить навыки ловли бродячих братьев меньших.

На окраинах полным ходом шел процесс урбанизации. Домики частного сектора беспощадно сносились, на их месте строились многоэтажки. И счастливые новоселы, переезжая в комфорт и тепло, на радостях так же безжалостно оставляли в захламленных дворах своих недавних надежных сторожей. Верных бессловесных дворняг порой забыва-

ли спустить с цепи, обрекая на голодную смерть... Собака – друг человека? Как бы не так! Друзей настолько подло не бросают. Хотя как знать, как знать...

В портфеле третьекурсника прописались ливерная колбаса, именуемая в народе «собачья радость», и поводок с ошейником. На этом поводке в науку отправилось с десятков доверчивых голодных псов. Им, кому на год, кому на месяц, было уготовано безбедное существование. Индивидуальная клетка в теплом виварии, гарантированная сытная кормежка, операционная анатомической кафедры, лечебные процедуры, обследования, анализы, а затем, увы...

Но о прискорбном не будем. Тем более – сам Студент участия в финальной стадии не принимал. Этим занимался старший лаборант с опытом эвтаназии⁶ и навыками изготовления качественных микропрепаратов, наглядно отражающих эффективность будущих лечебных методик.

Надо заметить, «сукин сын», сорвавший свидание своего мучителя-покровителя, печальной участи избежал. В тот день щедро смоченный и ароматизированный экспериментатор с досады забыл закрыть клетку, и пациент, отойдя от наркоза, воспользовался шансом вновь обрести свободу. Сбежал. Такая операция пропала!

В сентябре песик сам подбежал на улице к торопящемуся

⁶ «Эвтаназия» – от греческих *eu* – «хорошо» и *thanatos* – «смерть». Здесь, с точки зрения Студента – относительно гуманное, безболезненное лишение жизни лабораторного животного.

на занятия оператору, виляя хвостом в ожидании ливерки. Студент к тому времени перешел к другим задачам, добычу «живого материала» прекратил. И колбаски в портфеле уже не было.

А негодяй, не подозревающий о своей роли крушителя любви, смотрел так преданно... Пришлось забежать в ближайший магазинчик. Пока пациент с довольным урчанием поглощал «собачью радость», хирург пощупал место операции и убедился: пересаженный сосуд исправно пульсирует. То есть основной принцип «non posere»⁷ соблюден. И на лекцию отправился пусть с опозданием, но с чувством законной гордости.

На старших курсах пошли науки посерьезнее, посложнее и «почеловечнее». Гитара и пение занимали свободное время все реже, а вот дежурства, участие в сложных операциях и самостоятельное выполнение относительно простых стали практически ежедневными.

Учитывая стабильную успеваемость, научную и сценическую активность, он не сомневался – распределение будет соответствующим. Одним из лучших. Оставят в родном городе – само собой... а там, глядишь, и в одной из хирургических клиник местечко найдется... Уж если не для него, то для кого?!

И наконец долгожданное свершилось. Очередность вызова соискателей определялась просто – по суммарной успева-

⁷ «Не навреди» (лат)

емости за пройденные курсы. Поэтому Студенту предстояло зайти в кабинет ректора, где заседала комиссия, в первом десятке. Первая, второй, третья... Выходят довольные, отвечают уклончиво, что-то вроде «как хотел, так и вышло...». Он никого ни о чем не спрашивал, думал о своем – предстояла репетиция к выпускному концерту, а ночь собирался провести в травматологии, хотелось поучиться чему-нибудь новому. Забегая вперед, скажем – поучился, круче всех ожиданий!

Его черед. Вошел, представился. Немного удивило – сидящие за столом профессора, все знакомые, не смотрят на него, переговариваются негромко о чем-то своем. Только секретарь, он же «ученый секретарь» ВУЗа – лощеный ассистент одной из теоретических кафедр – с полупоклоном указал на свободный стул у торца длинющего стола, слащаво улыбнулся.

– Вам предлагается место врача-хирурга в Н-ской районной больнице М-ской области. Интернатуру пройдете на базе областной больницы...

Гром среди ясного неба... За окном – погожий весенний день, ни о какой грозе и речи быть не могло. Значит, прогремело только внутри ошарашенной студенческой головы. А может, ему еще никто ничего не сказал? И он зря вскочил?

Показалось, ослышался?

– Погодите!.. Вы, наверное, ошибаетесь... Какая райбольница? Какая область?! А разве в нашем городе и области

мест уже не осталось?

Последовавшее туманное разъяснение очевидной несправедливости и вовсе повергло в шок.

– Но ведь Вы курите, не так ли? Настоящему врачу такое поведение не к лицу... Да-да, не удивляйтесь, комиссии это известно и данный факт тоже имеет значение...

А от сидящих мэтров – ни слова, ни звука, ни взгляда...

Быть может, следовало заорать, затопать ногами, воззвать к небесам, в конце концов... Но он молча расписался в подсунутых бумагах и вышел, не пытаясь «качать права», не прощаясь и затаив обиду на весь белый свет. А выйдя за дверь, закурил прямо в институтском коридоре.

Однажды в известной клинике корреспондент, желая польстить профессору, задал, как ему казалось, глубокомысленный вопрос.

– Скажите, профессор... говорят, опытный хирург зачастую даже ночью не теряет ощущения операционной?

– Да, действительно, бывает... Но, пожалуйста, не пишите об этом.

– Почему же? Ведь так романтично – чувство долга, высокая ответственность, риск? Увлеченность профессией, наконец?

– Ах, оставьте! Это все здесь ни при чем. Он просто спит с медсестрой...

Этот анекдот Студент сочинил сам. На том самом ночном

дежурстве.

Суть происшедшего в ректорском кабинете уязвленному коллеге доходчиво разъяснил давний соратник по стройотряду, уроженец Алтая Василий. Он, окончив «Альма матер» тремя годами ранее, с переменным успехом борол хвори и недуги на сельском врачебном участке в том же районе.

Встреча вышла случайной – Студент знать не знал о судьбе бывшего «бойца», с которым когда-то вместе орудовали топором-лопатой, и был искренне рад, увидев прилично раздобревшего Васю на районной конференции по травматизму.

Селянин пригласил в гости, усадил в новенький «Москвич», не преминув похвастаться: «Числится за больницей, но в моем полном распоряжении». За воспоминаниями полсотни верст пролетели мигом, и вот уже просторный, теплый дом, где у накрытого стола заждалась хозяйка.

Получив по распределению столь на первый взгляд неаппетитный ломтик здравоохраненческого пирога, старший товарищ, по его словам, тоже поначалу расстроился. А раскинув мозгами, многое понял. И теперь старался вдолбить молодому хирургу, вчерашнему Студенту: все, что ни делается – к лучшему. В том числе и то, что НЕ делается.

– Вот подумай: чем бы я стал заниматься, распределись в наш родной аул? – вещал знаток, наполняя стопки прозрачной жидкостью, – Работа? Да Бог с ней, это дело пятое...

Жить, по большому счету, нигде. Родители за тридевять земель, дядька с теткой меня к себе вряд ли приняли бы с широко распростертыми объятиями... Ну, давай за встречу!

Василий прервался на прием рюмахи, похрустел огурчиком.

– Квартиру получить в областном городе раньше пяти, а вернее – десяти лет, как ты не хуже моего знаешь, нереально. А у меня еще и Геклуня... – ухмыльнувшись, кинолог поинтересовался:

– Между прочим, раз уж заехал, не хочешь сходить к ее вольеру, поздороваться? В роскоши живет маленькая, ей-богу. Простор, кайф! Я-то знаю: любая квартира для собаки хуже тюрьмы... Это нам, человекам, в доме уютно, а ей совсем другое надо. И досмотр, уход... Не поверишь, у меня по штату при больнице конюх положен. Кони тоже есть, пара гнедых – один белый, другой серый. Вся деревня пользуется, мне спасибо говорит. А он еще и за псинкой приглядывает... молодец, аккуратный, непьющий. Почти. Сходим?

– Знаешь, как-то я сегодня не в настрое... Как-нибудь потом, – вежливо отказался гость, памятуя, чем закончилась прошлая встреча с «малышкой»⁸.

– Ладно, потом так потом. Да, у нее тогда как раз первый помет наметился. А тут – свой, пусть формально казенный, дом. О дровах, воде, канализации заботиться не надо. Специально подготовленные люди за всем следят... Больничка,

⁸ См. рассказ А.Курбака «Воспитание свирепости»

где я – царь, Бог и начальник в одном лице. Женка при мне, она, если помнишь, у меня гинеколог.

Резоны бывшего змеоведа касательно преимуществ сельского жития-бытия полились рекой. МХ слушал, грустно пьянея и понимая: похоже, прав Вася! Но прав по-своему, а собеседника железобетонные материальные аргументы не убеждали.

– Дочка подрастает, присмотр отличный. Какой детсад? Санитарки за радость считают. О харчах вообще молчу. Ты лопай, не стесняйся, – хозяин щедро подложил закусок, – Это все свое, не магазинное. У моих здешних кур – по четыре ноги! Всем хватает. Фазенду обустроил, практически ничего не покупаю, а денежки капают... Вот ты хирургом сколько огребаешь?.. – поцокал языком, – Негусто... А у меня почитай вдвое – все-таки главврач, хоть и сельско-участковый. У жены тоже по бумагам полторы, а на деле две ставки.

Плюс ночные, воскресные, дежурства... Бухгалтер – толковая тетка, да и сам кое в чем кумекаю. Полный пансион, рай и нирвана... Так что, брат, послушай старого мудрого воина: кидай к чертям свою хирургию, бери участок, горя знать не будешь... Зам по сети – мой кореш, хочешь, спротежирую...

Господарша, тоже заметно пополневшая на сельских харчах, весело поддержала муженька.

– Да, дружочек, не бойся, давай к нам. Ну, то есть не

буквально, а вот хотя бы на соседний участок, в Белоручье. Больничка там, правда, попроще нашей, денегат меньше, но ты ж пока один... Зато природа, озеро! Красота...

Василий покивал жене, чмокнул в щечку. Извлек и с хрустом распечатал следующую поллитровку.

– Кстати, тогда, на распределении... Помнишь, как наше-го всегдашнего ученого секретаря зовут-то? А я вот помню. Гена. И не просто, а Геннадий Геннадьевич... А проректора? Вспомнил, вижу. Тоже Гена, ага. Ну да, фамилии у них разные и внешнего сходства немного. Гены, брат, пальцем не раздавишь... Теперь припомни, кого там из твоих однокурсников-мясников... извиняюсь, хирургов, при институте оставили?

МХ, произнося фамилии, очередной раз с горечью подумал: а ведь ни один из счастливчиков не был ему по успеваемости ровней. В подметки не годились! Выслушав ответ, участковый собаковод налил еще «по единой».

– Ну да, не одного, сразу четверых... Ба-а, знакомые все лица! Как один – детишки кого надо, не нам чета. И что, они там сильно больших высот достигают? В плане профессии, я имею в виду? Оч-чень сомневаюсь!.. Носят на обходах за профессором папочки с историями-снимками да ассистируют раз в неделю. Ну, на приеме в консультативной поликлинике сидят, задницу протирают... Ты, когда медицину выбирал, этого хотел?

Хмелеющий властелин села увлекся и перешел к ментор-

скому тону.

– Ты ж в курсе новостей – недавно образовалась модная такая наука, считай всемогущая. На Западе, как обычно. «Генная инженерия». Типа в пробирке нужные хромосомы подправил – и пожалуйста, любой результат, по заказу. Только я вот что тебе скажу: не знаю, как там у них, а у нас уже о-о-очень давно, с самого семнадцатого эта самая генная – не просто инженерия, а главная! И к ней еще – профессурия, прокуратурия и любая управления. Въехал? Поясняю. В простые инженеры возьмут любого, а ГЛАВНЫМ – без правильных генов не стать никак! Не говоря про директора, министра и так далее...

Наставитель прервался на поиск новой пачки сигарет. Тем временем супруга, озабоченная нарастающим пафосом мужа, потихоньку заменила на столе едва початую бутылку недопитой менее чем на четверть.

– И еще прикинь: эти самые кафедры с клиниками – они ведь не резиновые! Ежли туда всех способных набирать, то для своих, родных ни малейшего местечка не останется. Газеты читаешь, теле-радио всякие разные смотришь-слушаешь?.. У нас в стране нынче поветрие в моде – называется «трудовые династии». Сталеваров там, шахтеров... А доценты с профессорами чем хуже? У них тоже дети есть, и кому, как не им, сменять заслуженных родителей на трудных постах! А ты думал – в отличники выбился, собак в кружке покромсал, и все?.. – хозяин сложил комбинацию из трех

пальцев, продемонстрировал, – Фигушки! Слыхал, почему сын генерала не может стать маршалом? Правильно, потому что у маршала тоже есть сын... Я бы добавил: он таки может, если у старика-полководца еще и дочка обнаружится, тогда для него лазейка – зятьком заделаться, а там и к заветным погонам путь открыт... И наши, на распределении, они тоже в школе Грибоедова читали. Грех не порадеть родному человечку! У тебя мать-отец кем трудятся? Ладно, не хочешь – не говори... Но, скорее всего, не медики, угадал? Я тоже попал в новую для рода-семьи среду. Но начинаю, мне кажется, неплохо, и пока мои дети вырастут, смогу кой-чем помочь...

А завидовать этим, родненьким, не надо. Жизнь сама разберется, – он взял бутылку, оценил уровень «горючего», – Вот елки!.. И когда это мы успели?!

Горестно вздохнув, Вася разлил остатки, выразительно глянул на спутницу жизни. По осуждающе поджатым губам понял – добавки не предвидится, вздохнул еще печальнее и напомнил о своем давнем стройотрядовском предложении.

– Кстати, помнишь, я тебе обещал Геклиного щеночка? Все в силе, скоро повезу ее в Прибалтику, на вязку. Парня или девочку для друга отберу покрепче, не сомневайся. Будем на пару продвигать породу в здешней глухомани... Стабильный доход, чтоб ты знал! Кроме шуток... Конечно, у тебя и на твоей кровопролитной стезе все путем, наслышан. Ладно, переходим к чаю. И все же имей в виду: я плохого не посоветую.

Чувствуя, как мозг начинает размягчаться под напором алтайских витиеватостей, Молодой Хирург заверил в схожей манере: хотя пока среди него склонности к собаководству не наблюдается, пути всевышних неисповедимы, все невозможное в какой-то мере вероятно...

Повторно за столом увиделись, правда, только через год. К тому времени МХ, прибавив в возрасте всего дюжину месяцев, заметно возмужал и успел, как не преминули заметить участковые супруги, остепениться. Обзавелся усами, должностью и.о. заведующего отделением, авторитетом среди коллег и уважением пациентов. Да и стол оказался уже не деревенский, а самый что ни есть праздничный. Свадебный. В главном районном заведении отмечалась перемена в личной жизни «работника ножа».

Так уж вышло – за время учебы Студенту не довелось всерьез влюбиться и обустроить семейный очаг. Ну, не сложилось, что поделаешь. А здесь в районе, подобная перспектива и подавно не просматривалась. Но при подготовке к новогоднему празднику довелось стать ведущим на так называемом «огоньке». Теперь бы сказали – корпоративе.

В пару к нему определили новенькую докторшу – педиатра. Они были выпускниками разных ВУЗов, знакомы по интернатуре, но особого интереса друг к другу не проявляли. А тогда – собрались порепетировать вечер, засиделись в его комнате допоздна... И наутро решили – похоже, судьба! Свадьбу гуляли всем больничным коллективом. Шумно, ве-

село и с размахом.

Василий, исполнявший роль тамады, был верен себе и скучать никому не давал. Тосты, остроуты, прибаутки и анекдоты сыпались из него, как дефицитные продукты из рога изобилия. Не обошлось и без конфузоз.

Так, один из почетных гостей – местный дорожно-милицейский начальник – в поздравительной речи слегка перефразировал известную фразу «железного» основоположника родного ведомства. И предложил выпить за то, чтобы в хирурге сочетались горячее сердце, умелые руки и особенно думающая голова. Выпить-то Вася выпил, но от комментария не удержался.

Лекция, произнесенная им в тишине, по ходу действия сменившей шум венчального застолья, базировалась на категоричном тезисе: «Думать – вредно!»

– У хирургов понимание анатомии, не спорю, более тонкое и глубокое. А мы, терапевты, к этому относимся проще. Я, например, выделяю у человека две основных составляющих, два, так сказать, наиболее существенных конца – передний, он же верхний, и задний, нижний. Для неспециалистов уточню: первое – голова, а второе, соответственно – задница, по-народному жопа. . . . А руки заодно с ногами – это вообще конечности, предметы в моей профессии необязательные.

Нетривиальное начало заставило присутствующих отложить вилки-ложки. Не каждый день услышишь такие сентенции из уст деревенского доктора!

– Это, коллеги, преамбула. А суть – в различии умственного и физического труда. Умственно – означает работать головой. Короче говоря, думать. Заниматься этим, я специально подсчитал, средний человек начинает примерно с третьего класса. Первоклашки и чуть старше пока ни о чем не думают. Ну, а потом – вся остальная школа, институт либо техникум, ПТУ там всякие, и – на барщину. Я хотел сказать, в общенародную хозяйственную деятельность...

Златоуст на всякий случай оглянулся по сторонам и, убедившись – «братъ» его за крамольные речи пока не спешат, продолжил:

– Там извилинами приходится шевелить в любом случае – будь ты врачом, инженером, инспектором ГАИ или агрономом. Даже землекопом – надо прикидывать, где копнуть, куда кинуть. То есть башка с мозгами всегда в деле, до самой пенсии. Итого, считаем: с десяти до шестидесяти годов. Получается полсотни.

На этом месте глава районных гаишников вздохнул с видимым облегчением. Ему, чей выход на пенсию наступит как минимум на десяток лет раньше, бояться нечего...

– А ведь головиный антипод, то бишь она, мяконькая, все это время тоже не бездействует. Даже в школе на нее падает нагрузки не меньше, если не больше. В институте, на любой кабинетной работе. Сидим-то мы на ней! И при ходьбе ей приходится напрягаться, и пинки разнообразные – все достаются ей. Вкалывает без выходных и отпусков. Разница,

друзья мои, в том, что ей не приходится ДУМАТЬ!

Аудитория внимала, затаив дыхание. Заместитель главного врача района по сети, также сидевший за столом, в свое время начинал таким же сельским участковым целителем. Достигнув пенсионного возраста, сей представительный седой мужчина не чурался земных радостей и отличался от прочих пьющих лишь совершенно удивительной толерантностью – ежедневно принимая на грудь дозы, смертельные с точки зрения любого токсиколога, всегда сохранял ясность рассудка. Внушительно нахмутив брови, «кореш» подал знак супруге младшего коллеги: ему больше ни капли!

– Теперь подводим черту и смотрим, что получилось. Внешне. Старт примерно одинаковый – обе розовые, гладкие, красивые. А через пятьдесят лет?! Голова – вся в морщинах, седая, лысая, дряблая, унылая и болит. А жопа? Она – почти такая же, как была! Может, розовости поменьше и потолстела. Но морщин, седин и лысины – ни в коей мере! И атеросклероза в сосудах, между прочим. Хотите, у кого-нибудь из наших пенсионеров посмотрим?

Произнося этот в целом невинный вопрос, тамада вроде бы невзначай сделал приглашающий жест как раз в сторону седовласого зама главного. Поскольку желающих как посмотреть, так и показать не нашлось, окончание адресовалось уже непосредственно жениху.

– Поэтому мой тебе совет: чтоб сохранить здоровье и приятное выражение лица с юности до пенсионера, побольше ходи,

сиди, даже бегай понемножку. Не обижайся, коль невзначай пнут, регулярно какай, но ни в коем случае никогда ни о чем не думай!

Подавляющее большинство приняло тост с воодушевлением и с тем же чувством поспешило принять на грудь очередную чару. А для самого говорливого гостя продолжение банкета превратилось в чайную церемонию... Невеста, не лишенная чувства юмора, продекламовала на ухо избраннику:

– Желая спеть про светлые денечки, дошел наш Вася лишь до пятой точки!

«Коли мучишься от скуки, приложи к работе руки» – поговорка, применимая где угодно, только уж никак не в периферийной медицине. Самого разного рода событиями там насыщен каждый божий день и единственное, чего делать не приходится, так это скучать.

Если сам МХ, волею судеб заброшенный не в самый респектабельный район, время от времени сожалел об этом, то для прочего люда его нахождение там пошло очень и очень на пользу.

Вот лишь один не самый яркий пример. Как-то среди ясного летнего дня он закончил очередной обход и согласно трудовому распорядку направлялся на законный перерыв, пообедать. И почему-то решил пройти не коротким путем,

а мимо приемного покоя. Зачем? Да черт его знает...

А там на глаза попалась странная полоска под дверью смотрового кабинета, в неурочное время выполнявшего функции перевязочной... Кровь? Откуда? Заглянул. На кушетке – мужичок с забинтованной головой, повязка промокла ярко-красным, с нее в лужу на полу стекает струйка... На вопросы типа «кто таков?» и «откуда взялся?» ответа не последовало. Без сознания.

МХ не стал терять время на переодевания, перчатки и прочие формальности. Чтобы прижать поврежденную артерию и прошить ее, остановив фатальное кровотечение, понадобилась минута. Как стало ясно после детального осмотра и экстренного анализа, жить потерявшему половину всей крови везунчику оставалось немногим больше. Прошел бы мимо, и все. Неисповедимы пути, точно.

Причина крылась, само собой, в пьянке пополам с ревностью. Два соседа-поселянина Ванька с Данькой в процессе дегустации первача решили выяснить, гуляет ли налево Ванькина жена. И выяснили – таки да, и не налево, а напротив, через улицу, к Даньке. Тут бутылка в руке рогоносца невзначай разбилась и шарахнула прямо в ненавистную рожу... Бывает.

Доводилось выдергивать из готовых замкнуться объятий костлявой блондинки с косой детишек, дедушек, бабушек... Не окажись его в то время в том месте, здешние погосты заполнялись бы гораздо быстрее.

Застольные беседы располагают к откровенности, и жених с трудом удержал язык за зубами. Так и не сказал давнему приятелю главного: у него уже состоялся судьбоносный разговор с заместителем районного военкома. Тот, после удачно прошедшей операции по поводу язвы желудка, вспыхнул желанием отблагодарить и кое-что предложил.

Суть кратко сводилась к перспективе получить звездочки в родной армии, где и зарплата вдвое больше, и с жильем порядок, и на работе гореть не придется. А самое привлекательное – место будущей службы. Беззастенчиво пользовавшийся служебным положением пышноусый майор пообещал призвать эскулапа не куда-нибудь, а в столичный округ, где его собутыльник-кадровик возьмет дальнейшее обустройство на себя. Дал слово офицера. И не обманул.

До получения заветной повестки оставались считанные дни, и тут в гости неожиданно наведалься бывший однокурсник Жора, в пору учебы, шпаргалок и подсказок усиленно набивавшийся в лучшие друзья. После распределения их пути, правда, резко разошлись. Приятель оказался одним из четверых генно-детерминированных и ныне занимался как раз «ношением на обходах историй-снимков», как и предрекал подобной братии многоопытный Василий.

Однокашник приехал не один. Привез с собой знакомого по ночным дежурствам-бдениям, заведующего хирургическим отделением областной клинической больницы. Когда

быстро набравшийся Жорик всю похрапывал на отведенном ему диванчике, старший товарищ перешел к делу:

– Слушай, ты ведь скоро заканчиваешь здешнюю каторгу? Этот говорит, полгода осталось? А давай к нам, в областную! А то, сам понимаешь, народу вроде полно, но все – чья-то родня, при связях, уже и дисеры как бы сочиняют, а работать – некому! Полставки в стационаре сразу обеспечу, остальное дежурствами доберешь... Не переживай, я сам так начинал. И с жильем поможем – сначала, конечно, общага, год-другой, а там и квартирка образуется. Наука опять же, с кафедральными ты знаком...

МХ кивал, подливал доктору, а про себя посмеивался: прав собачник, тысячу раз прав! Главно-генная наука и практика работает исправно. На сытные и денежные местечки «родных человечков» пруд пруди, а как до настоящего доходит – надо вот так по районным захолустьям рыскать, искать тех, кто способен не только бумажки сочинять, но и реально служить делу.

Только опоздал вербовщик. Его, вдоволь вкусившего нелегкого, порой и горько-соленого, но добытого своим трудом хлеба, к рабскому корытцу так просто не заманишь. Уж лучше, как намечено, податься на военные пути-дороги. Тем более что и молодая жена известие о скором переезде восприняла с энтузиазмом – ей унылое периферийное существование пришлось абсолютно не по нраву.

Время летит ракетой. Шинельное сукно, как и врачебный

халат, тоже пахнет по́том. Довольно скоро пришлось убедиться – еще в одном не ошибся давний знакомец: сыну генерала никогда не стать маршалом. Как и полковничьему – генералом. А раз ты пришлый, выходец из штатских «пиджаков», то и вовсе о сколько-нибудь значимой военной карьере не мечтай.

Иногда взгляд в прошлое помогает увидеть будущее и яснее представить настоящее. Два века назад Карл Гаусс назвал математику «царицей наук». Но где ему, средневековому немцу, понять наши сегодняшние реалии! Нет, не математика, а генетика – истинная и вечная царица. Главная и всевластная царица теории и практики, доктрин и концепций везде и во всем. И ныне, и присно, и во веки веков!

Бумеранг

Это такая старинная австралийская штукавина. Ее вроде бы аборигены применяли в охоте на птиц – попугаев и тому подобных, которых на зеленом континенте водится великое множество. Водилось, во всяком случае, до освоения белым человеком.

Древние хитрецы без нынешних компьютерных моделей умудрились добиться на первый взгляд невозможного – при промахе оружие не надо искать по джунглям, само прямо в руки прилетит. Но может и в лоб угодить. Недаром среди местных жителей бытует мнение: если его удачно запустить, полдня надо ходить с оглядкой.

Еще знающие люди говорят, правильно изготовленный и брошенный бумеранг не просто возвращается, а совершает полет по «восьмерке». И с равной вероятностью может шарахнуть аборигена как по лбу, так и по затылку.

Сейчас и спортивные кое-где в моде. Их из чего только не делают! Идет в ход и фанера, и пластик, и алюминий, и композиты чуть ли не космические. А мне как-то едва не пришлось поневоле испытать комбинированный, железо-деревянный. На себе. Причем не на охоте, а – кто бы мог подумать – на рыбалке!

Такое изначально безмятежное занятие... Сиди себе на бережку или в лодочке, подремывай да червячков свежень-

ких рыбке подбрасывай, чтоб не голодала. Но при умелом подходе и оно может быть сопряжено с риском кровопролития, сам убедился.

В недавнем прошлом мы с друзьями довольно большой компанией регулярно выезжали на одно из белорусских лесных озер. Каждое лето, в самую июльскую жару, на пару недель. Жили в палатках, брали с собой детей, собак и даже кошку. Места там замечательные – озеро чистое, у берега неглубокое, вода теплая, мягкая – для купания просто рай.

Насчет рыбалки у нас было двое специалистов, они с утра до вечера сидели с удочками на надувных лодочках. Улова, правда, только раз за все две недели на уху хватило. Но главное – процесс! А мой давний друг Андрей – о нем надо особо. У него склонность к экспериментам.

В одну из поездок решил спиннинг освоить, специально купил. Снасть красивая, конечно, нет слов. Но вот забросить его, блесну, точнее – это надо уметь. Он, разумеется, решил: все получится сразу, и меня позвал посмотреть, как будет лихо вылавливать щук. Их, по-моему, в том озере и вообще-то негусто. А чтобы вот так, с бережка...

Но – дело мастера боится. Пошел я поглядеть, позавидовать. Первый бросок умельца пришелся в кусты на поляне за его спиной. Леску распутывали вдвоем, причем я, по его словам, только мешал. Второй заброс вышел удачнее – в камыши, метров на десять от берега. Лезть за блесной пришлось, естественно, мне.

В третий раз он зачем-то разбежался, леска аж засвистела, блесна взмыла вертикально вверх... и влетела в крону дерева, стоявшего у обрывчика на самом берегу.

Ольха старая, почти сухая, больше десяти метров высотой, у верхушки всего несколько более-менее зеленых веток. Но и их хватило, чтобы блесну намертво прихватить. Андрюша подергал, потягал, и решил на дерево залезть, отцепить.

Полез. Парень он, надо сказать, не мелкий. На две трети высоты взобрался, выше ухватиться можно, но ногами стать не на что, а достать железяку все не удастся.

Тут он мне и предложил топорик ему подбросить, веточку-виновницу отрубить. Я сначала возражал, мол, это опасно, острый же, сам точил... Бросай, кричит. Ну, думаю, наконец настал тот час...

К топорiku я веревочку привязал, чтоб, если промахнусь, в озеро не лазить. С первого раза не попал. Со второго тоже. Рыбак меня поощрял, смелее, мол, тореадор...

Третья моя попытка вышла очень даже удачной. Хорошо, топорик в полете вращался – пришлось верхолазу в ребра не острием, а топорищем. Друг мой ойкнул, изловчился и поймал-таки инструмент. Одного я никак не ожидал: вместо того, чтобы, подхватив орудие труда, приступить к делу, ради которого все и затевалось, лесоруб запустил топориком уже в меня!

Вот и получился бумеранг, ага... Стоял бы поближе – ущерба здоровью не избежать! Но поляна – не дерево, я

увернулся, успел отскочить. И осведомился, как можно простодушнее:

– Ну, будем продолжать? У нас и побольше топоры есть...

Выслушав ответные нелицеприятные высказывания, я вообще предложил дерево вместе с ним завалить. Тем более, оно стало понемножку качаться и потрескивать.

Пришлось мастеру заброса слезть ни с чем. Ольху несчастную мы спилили, блесну таким образом освободили, и дровишки пригодились.

Я потом на пенек дощечку приспособил, получилась ладная скамеечка, положить мыло с полотенцем при купании-умывании. Женщины и дети были очень довольны.

А Андрей больше в моем присутствии со спиннингом не забавлялся. Сказал, типа я на него плохо влияю – сам ничего не умею и другим учиться не даю...

Ромовая баба

Нет, что ни говори, прав был Райкин! Дурят нашего брата, ой, дурят!

Что мы едим? Что носим? Что смотрим, слушаем, читаем, чем дышим? Что мы пьем, наконец?!

Ты вдумайся – они называют ЭТО пивом, соком, вином... А на этикетку, сзади, там, где помельче, каждый раз смотришь? Я не ленюсь, поглядываю. Прочесть не всегда получается, они же нарочно такой шрифт изобрели, чтобы разглядеть было невозможно, из чего все это состряпано...

Мало того что буквы махонькие, так еще и курсивом, и фон неконтрастный! Ясное дело, писать-то их по закону обязали, а как написать – они уже сами решают. Вот и пишут так, чтоб ни за что не прочесть. Ты же вот лупу с собой не носишь? А надо бы...

Поэтому в том, что касается хотя бы самого главного – еды и питья, на самотек пускать никак нельзя. Я к этому выводу давно пришел.

Колбасы с сосисками, пельмени, фарши, консервы там всякие-разные уже лет пять как не пробовал. Колы, соки, нектары, даже молоко магазинное не пью. Хлеб, конечно, приходится – свою хлебопечку не осилил пока, но собираюсь. Тогда точно на полное самопитание перейдем.

А ты не смейся, это не от бедности. Моей пенсии еще и на

квартилату хватает, кроме картошки с овощами да кефира. Хвала Всевышнему нашему. Ты, полагаю, как все, за него голосовал? Правильно.

Спрашиваешь, к чему я тут это все горожу? Сейчас узнаешь... Вот, видишь, какое диво у меня тут в импортной бутылочке? Желтенькое, золотистое, прозрачное, булькает...

Значит, так. Есть у меня кореш один. По двум главным критериям его от Марка Шагала не отличишь. Первое – он тоже родом из Белоруссии. Точнее – из Витебска, есть там такой городишко. А второе – тоже не француз.

У них, в тех местах, специальный тест разработали. Так и называется: «чем белорус отличается от француза?» Ответ, ей-богу, предельно простой. Француз пьет КОНЬЯК... А белорус – ЯК КОНЬ!

В этом плане мой дружок уж точно никакой не француз. Он как-то пастухом подрабатывал, такого достиг – Шагалу и не снилось. Тот, говорят, однажды нарисовал зеленую корову, все удивлялись. Вроде во сне перед тем увидел. А мой так напился – ему наяву все стадо зеленым показалось! С быком заодно. И говорит, не единожды бывало...

Он-то меня и просветил. Я, как к нему приезжаю на лето порыбачить, по грибам-ягодам походить, с собой, ясное дело, привожу. «Столичной», прочей, что почище. А он и говорит, чего ты выпендриваешься, мол? Вот попробуй моей, почувствуй разницу... И знаешь, таки да! Он из своего меда гонит, но меня обучил сахарком обходиться.

По интернету как-то поглядел, из чего знаменитый ром делают. Ты-то знаешь? Из отходов, чудик! Я ж говорю – дурят!.. Они, эти ямайцы с кубинцами и малайцами сахар не из чего другого – из тростника варят. И остается малисса... нет, меласса вроде. Патока вонючая. У нас бы ее в речку вылили, рыбу с раками потравили. Хорош ржать, отдельно же! А те экономные, они ее с дрожжами намешают, брагу замутят, перегонят, потом в дубовые бочки разольют.

Причем бочонки папуасы берут бэушные. Думаешь, из экономии? Как бы не так! Все продумано. Из-под вина, какое подороже, коньяка, вискаря... И в железных ангарах на солнцепеке годами держат. Понятно, эта дрянь дубом с винным ароматом пропитается, и готово дело! Нам же потом и втюхивают за вполне конкретные бабки!

Вот корешок меня надоумил, я и решил попробовать. А ты пока не спеши, дай лекцию закончить, а то потом не усвоишь. Ну, понюхать можно... Скажи?.. А?..

Патоку добывать – по-моему, глупо. Когда сахару в любом магазине завались...

Все-таки прогресс – большое дело. Особенно касаясь информационного, хе-хе, поля. Просто в гугле поискать – и все путем. И агрегаты весьма приличные прямо на дом доставляют, недорого.

В общем, берешь полтора ведра чистой воды, теплой, чтоб на детском градуснике около тридцати по Цельсию. Туда четыре кило сахару. Размешай. Потом дрожжи. Лучше не хлеб-

ные, и даже не спиртовые, а винные. Любые, самые дешевые из той же Белоруссии подойдут вполне. Пропорция простая, опять-таки в сети все есть.

То бишь на первом этапе никакой премудрости. А, еще надо резиновую перчатку на бутылку надеть, с проколом, чтоб не сорвало.

Недельки две это дело погуляет, и пора бежать в кошачий магазин за белой глиной. Это типа наполнитель, для туалетных лотков. Брезговать не надо, только смотри, чтоб был просто бентонит, без всяких ароматизаторов. Три ложки в литре теплой водички разболтал, через сито – от комочков, песочка очистить – и в отбродившую бражку. Вот увидишь, вся муть оседает просто стремительно! Но ты все равно не спеши. Пускай дня три-четыре постоит, осадок будет поплотнее, осветлится хорошенько.

Вот и пришло время перегнуть. Если по-научному и красиво, то – дистиллировать. Благодаря Всевышнему – не зря мы с тобой за него голосовали – на наших необъятных просторах этот процесс сам по себе теперь ненаказуем. Только продавать продукт не вздумай! Чисто для себя! И для друзей, разумеется, за домашним столом.

Перегнуть надо дважды, в промежутке активированным угольком почистить. На эту тему тоже куча сайтов есть. Самое главное – когда повторно гонишь (пардон, дистиллируешь) – не жадничай. Первач – это только название красивое, на деле – яд. Так что первые три рюмахи – вон! И хвосты,

меньше сорока градусов – отсекай безжалостно. Мерить не надо – как гореть синим огнем перестало – стоп!

Да ты не записывай – я ж говорю, все опубликовано. Лучше давай вот нальем понемножку, но ты сразу не пей, еще понюхай. Как будто шоколад, и ванили чуток... Думаешь, я туда шоколадку покрошил? Паленым сахаром подкрасил? Шалишь, брат!

Все просто до безобразия. Идешь на ближайшую пилораму. Там обязательно найдется кусок дубового дерева. Горбыль, чурбак какой-нибудь – без разницы. Ладно, нет у тебя этой рамы под боком, тогда в лесок сходи, съезди. Дуб целый валить не стоит – не расплатишься потом. Найди дерево потолще, одну из нижних веток у него попроси, он не откажет. Сойдет.

А дома уже не поленись, кору обдери, напили типа мини-чурочек, после топориком на палочки-щепочки наподобие спичек, только потолще, с мизинец. Хлопот хватает, но дело того стоит. Вымочить надо хорошенько, ошпарить, в соде подержать, просушить. И, главное – обжечь.

Можно в простой духовке, если лень разводиться с костром или дачной печуркой. Знатоки различают три разные степени обжига, но я с этим сильно не заморачиваюсь. Коричневые стали щепки – и ладно. Если дым пойдет – тоже ничего. Вот таких палочек на трехлитровую банку хорошую жменю всыпь, граммов сто пятьдесят. Что? Да, конечно, можно и купить, если лень и денег не жалко...

Банку лучше закатать, а то не удержишься, пробовать станешь до срока, я тебя знаю. Сам такой. Выдержать надо хотя бы месяца два. Мало? Ямайцы в бочках годами держат? А ты сравни поверхность контакта, ты ж грамотный мужик! Сколько той бочки по площади, а пошла там двести литров! В твоей жмене щепок на три литра больше в сто раз!

Теперь давай пробовать. Залпом не надо, понемножку... Мягкая, говоришь? Верно. Язык не щиплет, горло не дерет. Как к себе домой! Да, можно и не закусывать. Хотя надо. А то развезет мигом. Сорок пять градусов, не шутка... Давай вот, грибочками...

Подойдет и огурчик, и квашеная капуста, и сало-колбаска с хреном, и фрукт любой, хоть цитрус, хоть яблочко или груша... Клубничка – замечательно, мороженое можно, но это когда в дамском обществе.

Первую свою баночку я на даче изготовил, женка до самого конца и не догадывалась, на кой черт мужик туда так зачастил среди зимы. Может, думала, налево пошел? Седина в бороду и тому подобное... Но изготовил честь по чести, сам такого чуда не ожидал. Как раз к позапрошлomu Восьмому марту вышло...

Приехал домой, говорю, вот такая история: типа дружок, с которым еще в детском саду рядом на горшках сидели, из кругосветки привез это вот. Прямо в Саргассовом море плавала бутылочка, он и решил согоршочника порадовать... А в гараже у меня завалились всякого хлама, и пустые флаконы

попадают.

Вот, например, эта – от «Плиски» болгарской. А та – была из-под «Абу-Симбела». Помнишь такой? Ноль восемь, пробка натуральная... От этикетки, понятно, ничего не осталось, да это и неважно. В море на бумажки не смотрят! Подруга сделала вид, будто поверила.

С учетом женского праздника я по дороге еще грейпфрут и мороженое «Семейное» прихватил. Оказалось – в жилу. Уговорил женку попробовать, не откладывая, подарочек от детсадовского знакомца. Понравилось.

Она и специальные коньячные бокалы поставила, особенной такой формы. В них аромат якобы лучше ощущается. Да, действительно... Короче, после парочки этих самых «тюльпанчиков» мы так молодость вспомнили!

Назавтра покаялся, раскололся – никакой не друг, никакое не море, а вот, понимаешь, попробовал самодельный ромик изготовить. Прости, мол, вруна-подлеца... А она и говорит: «Дурень ты, дурень! Думаешь, не догадалась? Давно знаю, чем ты на своей дачке промышляешь... Только получился у тебя не просто ром, а еще и РОМОВАЯ БАБА!»

Антивирус

Главному врачу Специальной клинической больницы № 1
г.Москвы профессору К.П.Гостикову

Копии:

Президенту Страны Б.Б.Тупину

Генеральному Секретарю Организации Объединенных
Наций г-ну Антониу Гутеррешу

Генеральному директору Всемирной организации здраво-
охранения Т.А. Гебреисусу

Президенту Всемирного общества защиты животных м-
ру Доминику Бельмару

Моему брату Вечеславу

От гражданина Попова Олега Антоновича, незаконно на-
сильно удерживаемого на второй койке в правом ряду пала-
ты номер семь четвертого отделения общего профиля выше-
поименованной больницы.

Глубокоуважаемый профессор!

Впервые увидев Вас на обходе в минувший вторник, я сра-
зу понял: Вы, несмотря на обязанность по должности носить
белый халат, запачканный кровью и нечистотами многих по-
колений мучеников, в душе являетесь глубоко порядочным
человеком. Поэтому именно к Вам обращаюсь в первую оче-
редь.

Вас, наверное, удивило – я не указываю профиль подна-

чальной Вам больницы, и, более того, не называю ее психиатрической. Это я делаю намеренно, как и многое еще, о чем разъясню ниже.

Видите ли, я, как мужчина образованный и, в отличие от большинства Ваших подчиненных, интеллигентный, не могу называть тюрьму, в какую превратили данное заведение, словом, содержащим греческий корень «ятр», означающий, как Вам наверняка известно со студенческой скамьи, «лечение». Поэтому и далее в тексте моего обращения я буду называть данный объект Спецбольницей, или сокращенно «СУКА». При возможности в дальнейшем поясню и суть приведенной аббревиатуры.

Также намеренно искажено название государства, в столице которого находится больница, фамилия и инициалы его руководителя. Долгое время обдумывая этот вопрос, я пришел к обоснованному выводу – страной как таковой может называться далеко не всякая территория, имеющая определенные границы, население, знамя, герб и прочие атрибуты государственности. Важно еще, как народ относится к тому, где живет. А поскольку мы все любим нашу Родину, то так ее и следует называть. Страна и Родина – синонимы. И, чтобы не позволять врагам и злопыхателям насмехаться над моим высоким чувством, я умышленно применяю менее высокое по звучанию, но аналогичное по смыслу слово.

Касаемо фамилии, имени и отчества лица, по стечению обстоятельств временно возглавляющего нашу Страну: здесь

я исхожу из принципа, уясненного мною в ходе бесед с соседом по койке слева и товарищем по несчастью, доктором математических наук, в миру слесарем-сантехником Первачевым Е. С. Данные этого достойного Человека с большой буквы я тоже намеренно искажаю, дабы не подвергать его опасности.

Предвижу возражения: какая опасность? Что может угрожать пациенту, находящемуся в больнице? Ответу: Вы очень заблуждаетесь. Если персоналу станет известно, насколько разумные, зрелые мысли он высказывает, его мигом наспигут всякими «успокоительными», а на самом деле – парализующими рассудок и волю ядами, подвергнут изоляции, переведут в другую палату или вообще выпишут. Выходит, мне тогда оставаться без собеседника?

Возвращаясь к фамилии и инициалам лидера нации. Кстати, я совсем не уверен в подлинности паспортных данных, указанных этим лицом при вступлении на высокий и ответственный пост. Почему? Для ответа на этот закономерный вопрос, посмотрите, кем оно (лицо) работало до тех самых выборов? А?.. Вот именно. Разведчики, как известно, бывшими не бывают...

Так вот. Как мне разъяснил вышеуказанный сосед, от перемены мест слагаемых и даже множителей сумма и произведение не меняются. Понятно, почему взяты только два из простейших арифметических действий? Если нет, поясню: эти действия – положительные. Вычитание же и деление –

отрицательные, уменьшающие общий потенциал и мировую энтропию. Нам они не подходят, особенно в отношении первого лица Страны. Мы просто не имеем права из него что бы то ни было вычитать и тем более делить.

Итак, поскольку сумма буквенных обозначений заложенного в означенной личности потенциала от перемены букв в фамилии не изменится, то для маскировки и недоступности идеологическим противникам, не владеющим моей технологией, я ставлю на первое место «Т». Замена очень правильная, поскольку на эту букву начинаются такие слова, как: «Теоретик», «Творец», «Талант», «Трудолюбие», «Трезвость», «Тайна» и многие другие, коими можно и должно характеризовать хорошего политика. «П», к сожалению присутствующая в оригинале, подобным похвастаться не может. За исключением «Патриота», но не будем мелочиться.

Теперь перейдем к инициалам имени-отчества. Символ «В», в русском прочтении соответствующий третьей букве алфавита, в латинице продвигается на позицию вперед. Выше. Но общий смысл не теряется. Пример для пояснения напрашивается сам собой. Возьмите русское женское имя Варвара. Как оно звучит по-западному? «Барбара». Вот так все сразу становится на свои места. На этом вводную часть позвольте считать завершенной.

Далее. Почему копии письма адресуются персонам, возглавляющим такие на первый взгляд разнонаправленные ор-

ганизации, станет ясно из дальнейшего.

Наш мир второй год испытывается на прочность, силу духа и мудрость разума. Постигшее человеческую цивилизацию бедствие принято называть «пандемией».

Привожу это слово в кавычках, ибо Вам, как всякому ученому медику, врачу со стажем да просто здравомыслящему человеку, понятно: никакой ПАНдемией здесь и не пахнет. Возьмите определение из институтского учебника, и сразу всё становится предельно ясно. Но сильные мира сего настаивают на указанном мною определении, и их слушаются, ибо так проще. Самим думать не надо.

Народу, в подавляющем большинстве состоящему из малообразованных и посему управляемых особей, внушают: к нам пришел вирус, неумолимо выкашивающий людскую популяцию подобно божьему серпу. Бороться с ним нам не под силу, значит, следует забиться в норы, квартиры, шалаши, укрыться с головой и дышать через марлю. Карантин преподносится как своего рода панацея. А чтобы повысить его действенность, надо прекратить всякое общение, езду за покупками и в кино, театры и на стадионы, моря и озера.

К сожалению, отдельные личности, трудовые и научные коллективы, а вслед за ними целые страны и народы слепо и бездумно подчиняются вышешприведенным инсинуациям. И, даже не пытаясь понять, что весь вред – не от вируса, каких было много и будет еще столько же, если не больше, а от карантина, продолжают останавливать заводы, самолеты и

пароходы. Пропадает урожай, начинается голодное вымирание целых стран, а политики все изолируют и изолируют. То есть, с одной стороны, творится самое настоящее преступление против человечества. А с другой стороны? Ответ на этот пытливый вопрос я постараюсь дать ниже.

Каков алгоритм раскрытия любого преступления? Здесь я обращаюсь к рекомендации соседа справа, тоже весьма уважаемого мужчины. Сотрудник правоохранительных структур, он длительное время занимал серьезную должность и наверняка стал бы примером для молодежи, но вместо этого за нетрадиционно честную линию поведения был помещен в нашу спецтюрьму. Должен заметить: благодаря его умозаключениям стало возможным подобрать к названию заведения, где мы находимся не по своей воле, определение «Специальное Учреждение Контроля Аутентичности». Как видите, ничего обидного и наипаче жаргонного в аббревиатуре СУКА не содержится.

Он предложил мне в поиске причин происходящего всепланетного помешательства исходить из основополагающего принципа юриспруденции и юрисдикции – «Cui prodest?», или, по-нашему, «Кому выгодно?» Так мы переходим к главному.

Ибо, поменяв направление взгляда на проблему, наблюдаем очевидную пользу. За год, проведенный человечеством в вынужденных ограничениях, значительно чище стали воздух, почва и вода в реках и морях. Многократно сократи-

лись выбросы углекислоты, озона, промышленного мусора, выхлопных газов, сигарного дыма и сточных вод. Свободнее стал полет птиц, плавание рыб и дельфинов. Они, счастливые, смогли даже заплывать в венецианские каналы, до сего времени веками нещадно засираемые толпами варваров, именующих себя туристами.

Размножились уссурийские тигры и антарктические пингвины. Сельдь иваси и атлантический минтай вновь собрались в косяки. Только живущим в неволе норкам не повезло. Их, казалось бы, следовало выпустить на волю, однако беспощадные палачи-животноводы решили иначе – истребили беззащитных малышей. Но не будем грустить. Они пали жертвою не напрасно. Зато весь животный мир нашей зеленой планеты, благодаря всемирному карантину заново обретающей свой животворный цвет, вздохнул полной грудью. Значит, вот кому выгодно! Им, нашим меньшим братьям, чью жизнь люди бессовестно сделали невыносимой. Следовательно, только они и заинтересованы в установлении и бесконечном продлении карантинного режима.

Вы скажете: хорошо, пусть так. И спросите: но каким же образом животный мир смог добиться от людей такого поведения? Чтобы себе – во вред, а зверушкам – на пользу? Я готов ответить и на этот непростой вопрос.

Для этого надо вплотную рассмотреть личность человека, стоящего во главе организации, призванной бороться за здоровье людей, а взамен вступившего на путь предательства.

Да, именно так я расцениваю поведение Всемирной организации здравоохранения и ее всесильного генерального директора. Одно может служить ему оправданием: благие намерения. Так как, расправляясь с человечеством, он тем самым стал главным природоохранителем.

Да и делает это он не по своей воле, лишь на первый взгляд находясь в здравом уме и твердой памяти. Почему я так считаю? Для разъяснения необходимо небольшое отступление. Скажите, у Вас дома есть кошка? Или кот, котенок? Скорее всего, да. Ведь Вы – добрый, воспитанный человек. И, как все хозяева наших пушистых питомцев, конечно, относитесь к ним с любовью и заботой. Теперь копнем глубже. Оказывается, человек, в чьем доме живет хотя бы одна кошка, не может ее не любить – не в силу особенностей своего характера, а иногда вопреки им. Кошка заставляет себя любить, холить, кормить, убирать какашки, гладить и тому подобное. Для этого природой предусмотрен симбиоз.

У каждой мурлыки внутри сидит микроб под названием токсоплазма. При первом же прикосновении к котенку эта бактерия проникает в человека, забирается в его мозг и начинает командовать. Ничего плохого в этом, как ни странно, нет. Просто все люди любят кошек, это научно обоснованный факт. И приведенный пример далеко не единичен, существуют микробы, способные не только управлять поведением своих «хозяев». Я специально беру это слово в кавычки, ибо уместнее другое – носитель. Так вот, некоторые

микросущества способны даже менять пол носителя!

Поэтому лично мне вполне понятен путь, выбранный животным миром Земли, озабоченным проблемой выживания. Наибольшее количество зверей обитает, как известно, в Африке. Оттуда же родом и наш главный фигурант. Следует учесть – дикие животные обладают способностью общения, не уступающей, а значительно превосходящей человеческие. Им для этого не нужны ни радио, ни интернет. Скажем, киты запросто переговариваются из океана в океан, а слоны – за тысячи миль по суше. И коллективный разум, несбыточная мечта многих поколений двуногих, давно на деле применяется, например, муравьями, термитами, львиными прайдами и стаями птиц. Межвидовые коммуникации живых существ, в том числе с участием людей, для ученых не секрет. Ярким образцом служат отношения, сложившиеся у кошек с их рабом Куклачевым, по недомыслию считающим себя дрессировщиком.

Однако вернемся в Африку. Там, на родине всем известного деятеля, ему и внедрили некий микроб. Mosquito подкрался, и привет. Для усиления эффекта подвергли психотропному слоновьему гипноздействию, и готово! Может, вынудили еще съесть чего-нибудь – семечку баобаба или араукарии. И вот результат: был просто директор, а стал – с приветом... Между прочим, учитывая активность в деле продвижения карантина еще ряда крупных политико-экономических деятелей, нельзя исключить инвазию и касательно их,

вместе взятых.

Вывод напрашивается сам собой: для прекращения зло- вредного воздействия так называемой «короны» пришло время радикально поменять тактику борьбы. Мне представ- ляется, само название данного вируса носит издеватель- ски-намекающий характер. Вот, мол, ты, человек, присвоил себе звание царя природы... А поноси-ка «корону»! Узна- ешь, легка ли она, шапка Мономаха...

Итак, с целью восстановления всепланетного равновесия и миропорядка я от имени группы компетентных специали- стов, пребывающих в седьмой палате, предлагаю:

Первое. Безотлагательно отстранить директора ВОЗ Т.А. Гебреисуса от руководства, как не оправдавшего высокое че- ловеческое доверие и ставшего невольным агентом влияния недружественной биосферы.

Второе. На его место назначить м-ра Доминика Бельмара, в настоящее время являющегося Президентом Всемирного общества защиты животных. Ему, пользующемуся зверским доверием, отводится роль ширмы. Вся реальная работа будет выполняться заместителями.

Третье. Выражаю согласие быть назначенным первым заместителем директора. Основание: как эксперт, глубоко изучивший рассмотренные в вышеприведенном обращении факты, только я способен справиться с указанной пробле- мой.

Основным направлением предстоящей деятельности на

серьезном посту вижу установление на месте контакта с несомненно существующей организацией представителей животного мира, в целях выработки надлежащего консенсуса.

Предвидя неизбежные трудности в виде вегетарианства и редкого посещения бани, ответственно заявляю: мяса не ем уже третий месяц (СУКА не дает), с баней ситуация аналогичная.

С уважением (дата, подпись)

P.S. Моему брату (лично)

Славик, пожалуйста, забери меня отсюда. Мне невыносимо трудно, скучно и грустно. Я обещаю вести себя хорошо. Очень хочу в баню. И Барсик без меня скучает...